

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

ВЫПУСК 9

ТАШКЕНТ · 1972

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

ВЫПУСК 9

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ • 1972

Сборник посвящен новейшим археологическим открытиям, сделанным на территории Узбекистана. На основании последних археологических раскопок освещаются вопросы древней и средневековой истории и истории культуры народов Средней Азии.

Сборник рассчитан на историков, археологов, преподавателей и студентов факультетов общественных наук вузов, учителей истории и широкий круг читателей, интересующихся историческим прошлым Узбекистана.

Ответственный редактор

кандидат исторических наук А. АСКАРОВ

Я. Г. ГУЛЯМОВ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ В УЗБЕКИСТАНЕ В 1967—1968 гг.

1967—1968 гг. были временем широкого разворота археологических работ в республике. Организационно этому способствовало создание в Институте истории и археологии АН УзССР двух новых секторов: по изучению эпохи камня и бронзы и по изучению истории орошения. Они дополнили проблематику сектора археологии, сосредоточившего свою деятельность в области исследования древних, средневековых памятников — городов, поселений, культовых сооружений, могильников. Работы велись в направлении изучения стратиграфии и топографии древних городов, поселений, культовых и погребальных сооружений.

Наиболее крупные стационарные работы продолжались на территории Афрасиаба, где был снят детальный топографический план городища с квадратной сеткой 200×200 м, разбитой в свою очередь на квадраты в 40×40 м. К исследованию Афрасиаба были привлечены отряды археологов ТашГУ, СамГУ и Института искусствоведения Министерства культуры УзССР.

В 1967 и весной 1968 г. основные работы археологов Академии наук УзССР и СамГУ велись в западной части Афрасиаба, вдоль дороги на аэропорт. Осенью 1968 г. сплошное археологическое изучение этого района в основном было завершено. Он оказался заселенным частично в VI—IV вв. до н. э., в период Кушанского царства, отчасти в VIII в. н. э. и почти целиком в IX—X вв. н. э. — в саманидское время.

Досаманидские наслоения представлены скоплением массы керамического материала времен Афрасиаб I—II: скифским наконечником стрелы, остатками строений и культурного слоя раннекушанского периода, жилыми сооружениями и оссуарными захоронениями VII—VIII вв. н. э.

Саманидский этап заселения этого района представлен остатками жилых строений, зданиями бань, ремесленных ма-

стерских, кварталами с улицами, выстланными рваным камнем из Чупанатинских гор. Запустение западного района началось с конца саманидской эпохи.

Осенью 1968 г. Афрасиабская экспедиция АН УзССР совместно с отрядом археологов ТашГУ перешла к исследованию северного сектора Афрасиаба, где проводились сплошные раскопки от западного края городища до цитадели на востоке. В северной части следы городской жизни наблюдаются, начиная с самого момента основания Самарканда. Богато представлены этапы: Афрасиаб I—II—IV и последующие, менее мощные, чем античные. По северному краю прослеживаются остатки оборонительной стены, которую можно отнести к самым ранним этапам жизни города.

Археологические отряды Института искусствоведения и ТашГУ работали на южном участке Афрасиаба, вдоль северной стороны дороги Самарканд — Ташкент. Институт искусствоведения сосредоточил стационарные работы на многослойном объекте. Верхний слой памятника представлен двориками и жилыми помещениями X в. Следующий, довольно мощный слой, относится к VII—VIII вв. Здесь сохранились остатки построек с прекрасным архитектурным декором. Основание холма, видимо, было большим жилым зданием кушанского времени.

На юге Афрасиаба, в западном секторе ансамбля Шах-Зинда, проводились археологические работы с целью выяснения планировки и хронологии древних сооружений, входящих в комплекс мавзолея. Исследование велось совместно с Главным управлением охраны памятников Министерства культуры УзССР. Здесь удалось выяснить стратиграфию слоев южного участка Афрасиаба, начиная с периода Афрасиаб I, обнаружить систему мавзолеев, медресе и иных сооружений. Продолжены работы в центральной части Афрасиаба. Здесь проводилось дальнейшее вскрытие и консервация стенных росписей дворца самаркандских ихшидов VII—VIII вв. Вскрыта северная половина западной стены, где ранее были расчищены сцена с фигурами послов и согдийская надпись, прочтенная проф. В. А. Лившицем. Надпись представляет собой обращение посла Чаганианского царя Туранташа, где он выражает уважение царю Самарканда — Вархуману, а также начало речи чачского (Ташкентского) посла. Однако продолжение письма испорчено.

При вскрытии северного отрезка западной стены зала обнаружены новые сцены с группами послов, подносящих дары или письма, завернутые в драгоценные цветные ткани. Все лица повернуты в профиль к зрителю и характеризуются своими этническими чертами и одеяниями. Одна группа наверняка изображает посланников Чача (Ташкента), дру-

гая — послов одного из среднеазиатских или зарубежных владений.

Помимо раскопок на Афрасиабе, группа сотрудников (Ю. Ф. Буряков, М. Тагиев и др.) проводила наблюдения и археологические работы на периферии городища. Заложен стратиграфический шурф на правом берегу Сиаба, выявивший наслоения с III в. до н. э. до IX в. н. э., подтверждающий мнение о том, что на определенных этапах эта территория входила в состав города.

Проведены зачистки на месте загородной мечети Намазгах, выявившие слои X—XV вв. н. э. Там же найдены орудия верхнепалеолитического облика¹, дающие основание предполагать здесь наличие стоянки человека каменного века.

В связи со строительными работами на территории бывшей цитадели Тимура этой же группой проведены наблюдения и раскопки, выявившие слои X—XIV вв., в том числе остатки декора монументального строения XV в. Совместно с Главным управлением по охране памятников Институт истории и археологии АН УзССР провел исследование обсерватории Улугбека, а Институт искусствознания — соборной мечети Тимура. Специальный отряд, руководимый автором данной статьи, выезжал для обследования истоков Сиаба и Оби-Рахмата. Группа О. В. Обельченко продолжила изучение погребальных курганов в районе Агалыкская к юго-западу от Самарканда. Вскрыты могилы трех типов: с грунтовыми ямами, подбойные могилы и катакомбы с одноступенчатыми и многоступенчатыми дромосами, в которых обнаружены вооружение и бытовой инвентарь. Погребения охватывают период с IV—III вв. до н. э. и до IV в. н. э.

У. Алимовым начато изучение дворцово-парковых сооружений тимуридского времени, в частности, дворца Тимура — Давлатабада. Несмотря на большие разрушения, удалось установить принципы планировки загородного дворца Тимура.

Специальный отряд начал стационарные археологические раскопки на территории Бухары с целью выяснения стратиграфии городских наслоений и установления времени возникновения города. Изучалась также и стратиграфия бухарского арка. Работы возглавлялись первоначально О. В. Обельченко, затем Р. Х. Сулеймановым. Толща культурных наслоений города достигает местами 13—14 м, слои уходят ниже водоносного горизонта. Работа на этих глубинах сопряжена с большими трудностями. Раскопы упираются в естественные болотистые отложения, перекрывающие культурные слои эпохи ранних кушан, т. е. грани н. э. Это обстоятельство

¹ Определение Н. Ташкенбаева.

во вполне согласуется с периодом постройки левобережного магистрального канала Шахруда. Возраст последнего ранее определен нами на основании богатого археологического материала, полученного из его русла.

Стационарные археологические работы велись на городище Ахсикет, столице древней и средневековой Ферганы. Город вытянут вдоль правобережья Сырдарьи. Археологические работы, проводимые И. Ахраровым, показали, что руины Ахсикета, расположенные на Сырдарье, представляют собой древнейшую часть города, появившегося за несколько веков до н. э. и существовавшего вплоть до разгрома его Чингисханом. Жизнь города завершилась катастрофой, о чем свидетельствуют следы пожаров и разрушений.

В XIV в. Ахсикет разрастается в 6—7 км к западу от древнего города на территории селения Эски Ахси (урочище Якка-йигит, ныне площадь Ахсикет II). Здесь развалины города мало сохранились, так как основная площадь освоена колхозом под посевы, а южная — главная часть города, смыта Сырдарьей. Большая часть территории Ахсикета I и половина его цитадели также снесены рекою. И. Ахраров сосредоточил стационарные раскопки вдоль обрыва Сырдарьи на наиболее трудных участках. Были вскрыты руины жилого дома и общественного сооружения с фигурной вымосткой полов, собран комплекс сосудов, монет и украшений.

На городище Кува основные археологические работы сосредоточены в прихрамовом поселении VII—VIII вв. н. э. Здесь обнаружен комплекс жилых зданий, больших парадных зал и кухонно-хозяйственных помещений. В целом комплекс по своему назначению может служить прототипом средневековых ханако, воздвигаемых при мазарах.

В старом Термезе (территория колхоза «Намуна») в 15 км от Каратепе изучается памятник Фаязтепе. Из подъемного материала здесь найдены каменные головки миниатюрных статуэток.

Институтом истории и археологии АН УзССР (Л. И. Альбаум) и Термезским краеведческим музеем (В. А. Козловский) в 1968 г. были начаты стационарные раскопки. Выявлены остатки буддийского храма размером 50×50 м, сооруженного около I—II вв. н. э. Расчищены коридоры с нишами и помещения, где были обнаружены многочисленные фигурки людей, миниатюрные декоративные детали из мергелистого известняка.

В Ташкенте широко развернулись археологические работы в связи со строительством города, вызванным землетрясением в 1966 г. Отряду, возглавляемому В. А. Булатовой,

удалось выяснить многие вопросы, касающиеся истории Ташкента. Проводимые в прежние годы в центре Ташкента раскопки городища Минг-Урюк указывали на предварительную дату возникновения древнего ядра города, где-то около начала нашей эры, и его место — на берегу старого канала Салар. Это городище составляло площадь свыше 20 га. В настоящее время от него сохранилась только небольшая часть цитадели. В 1968 г. во время раскопочных работ были обнаружены фрагменты стенной росписи, которые сняты и перевезены в лабораторию Института истории и археологии АН УзССР. Средневековый Ташкент находился на территории нынешнего Октябрьского района, т. е. располагался в 4-х км к западу от городища Минг-Урюк и возник в IX в. н. э. на канале Кайковус. Отряд завершил здесь серию шурфов и раскопов с целью изучения места цитадели шахристана и рабада. Теперь предстоит изучить причины перемещения города с территории Минг-Урюка на запад и смену источников питания водой.

Отряд, возглавляемый Г. Дадабаевым, исследуя историю ирригационной сети правобережья Чирчика, уточнил, что главным и древним искусственным каналом, выведенным из Чирчика, является Салар. Ниязбек-тепе, охранявший в древности голову канала Салар, сооружен на грани н. э. Все холмы и поселения, расположенные по Салару — Минг-Урюк, Кугаит и т. д., — возникли, как показали исследования, в то же самое время.

В VI в. н. э., т. е. в период первого подъема феодализма, канал сильно расширился и основным руслом его стал Бозсу, а Салар превратился в его проток. Бозсу у границы Ташкента разделялся на два протока: левый — Анхор и правый — Кайковус. Последний, протекая по северной стороне Ташкента, доходил до озера Карыкамаш.

В связи с перспективой хозяйственного освоения горно-рудных богатств Кураминского и Чаткальского хребтов археологи АН УзССР во главе с Ю. Ф. Буряковым продолжили изучение древних горных разработок, городищ и поселений, связанных с рудниками Илака и с торговыми путями, шедшими через Илак и Чач, а также поселений в верховьях Чирчика. В Илаке изучался один из горных ремесленных центров — средневековый Намудлыг, в Чаче — горное укрепление первых веков н. э. в долине реки Пскент.

Значительное место в работах археологов Узбекистана занимает исследование памятников первобытных времен. В истекшем периоде проводились следующие работы.

Ахангаранский палеолитический отряд, возглавляемый М. Р. Касымовым, продолжил раскопки открытой палеолитической стоянки, расположенной у подножья кремневой

гряды на базе мощного родника, образовавшего миниатюрное озеро².

В 1967—1968 гг. в результате раскопок отряд обнаружил большую площадь стоянки и получил генеральный профиль отложений, где выявлены на различных участках девять разновременных палеолитических культурных слоев, которые имеют научное значение для периодизации палеолита Узбекистана.

Самый древний слой расположен в лёссе на глубине от 90 до 720 см, вскрыто всего лишь 6 м². Среди находок этого слоя встречаются грубообработанные орудия, несколько массивных отщепов и нуклеусов верхнеашельского типа. Выше него в этом же раскопе обнаружены фрагменты бедренной кости и рогов оленя. Мустьерские слои (их пять) раскопаны на площади 39 м² и находятся на глубине 120—80 см от поверхности. Все слои расположены почти горизонтально, мощность каждого 9—12 см. Культурные слои настолько богаты, что на один м² приходится 200—300, а иногда и больше каменных предметов.

Обнаружено несколько тысяч орудий из кремня и глинистого сланца различных цветов. Среди них встречаются пластины, скребла, леваллуасские остроконечники. Есть орудия теякского типа, много зубчатых и выемчатых орудий. Вторичная обработка их выполнена часто небрежно, прерывистой ретушью.

В целом изделия стоянки Кульбулак отличаются от других мустьерских памятников Узбекистана наличием названных своеобразных орудий, найденных в Узбекистане впервые. Эти данные наводят на мысль, что мустьерские слои Кульбулака должны составлять отдельную локальную группу палеолита Средней Азии.

Остальные три позднепалеолитических слоя расположены на глубине 40—75 см от поверхности. Выявлены они в раскопе—1, вскрыты на площади более 30 м². Слои насыщены характерными для верхнего палеолита кремневыми орудиями: концевыми скребками, проколками, резцами, пластинками и призматическими нуклеусами. Характерно наличие золы, древесных углей и очажных пятен. Обнаружены зубы древней лошади, обломки костей оленя, дикого барана и других животных, характерных для верхнего плейстоцена.

² Подробнее об этом см.: М. Р. К а с ы м о в. Об итогах исследований памятников каменного века на территории Узбекистана в 1965—1967 гг., ОНУ, 1968, №3, стр. 51—52; Он же. Археологические работы в Узбекистане, в кн. «Археологические открытия 1967 года», М., 1968, стр. 326—327; Он же. Исследование многослойной палеолитической стоянки Кульбулак, в кн. «Археологические открытия 1968 года», М., 1969, стр. 408—409.

Исследованы пещеры Обишира в бассейне реки Сох. Долина реки Сох расположена в высокогорном районе юга Ферганы и богата разновременными археологическими памятниками. Она является сравнительно обширным плато, окруженным с юга и севера высокими горами, достигающими 1500—2000 м, а местами более 2500 м над уровнем моря.

На южных склонах горы Катрантау М. Р. Касымовым обнаружено и обследовано около 30 пещер и навесов. Пещеры и навесы Обишир-1 и 5 дали прекрасный материал эпохи мезолита. Они расположены на южном склоне Катрантау в селении Зарташ на правом берегу сая, где скалы образуют полукруглый изгиб.

Обишир-1 расположен на востоке группы примерно на 25—30 м выше современного уровня сая и обращен к юго-востоку. Ширина пещеры 25 м, глубина 8 м, высота 12 м. Первобытные люди жили в основном на передней площадке.

В результате трехлетней работы выяснено, что непотревоженный культурный слой частично сохранился на севере раскопа. Симптоматично, что в этой толще изобилуют обломки скального грунта различного размера, между которыми во всех квадратах и на разных глубинах встречаются многочисленные каменные изделия и фрагменты костей всевозможных животных, в том числе нуклеусы, ножевидные пластинки, микропластинки, концевые скребки, проколки и другие орудия, характерные для мезолита.

Обишир-5. Это огромная пещера в западной части группы. На передней площадке произведены раскопы и выявлено несколько разновременных слоев. Верхний слой (до глубины 80—90 см) — античный, он характерен наличием золы, древесных углей, многочисленных фрагментов керамических сосудов и костей животных. Ниже мезолитического уровня он четко выделен гумусированным слоем мощностью от 5 до 15—20 см и более, который параллельно склону площадки вклинивается в стены раскопа. В нем обнаружены изделия микролитического типа: миниатюрные пластинки, проколки, скребки, соответствующие им нуклеусы, отщепы, которые по характеру обработки и времени приближаются к материалу Обишир-1.

Открыт и частично исследован новый мезолитический памятник, расположенный на берегу родника Чашма у одноименного кишлака (примерно в 10—12 км к юго-западу от пещерных стоянок Обишир-1 и 5). На его площадках заложено несколько шурфов. Ярко выраженный культурный слой не обнаружен, но в 50—60-сантиметровых толщах шурфов найдено достаточное количество мезолитических орудий. Ниже начинаются четвертичные конгломераты. Обследованы и другие пещеры, давшие такие же материалы.

Эпоха бронзы и раннего железа выявлена в нескольких пунктах, например, Сапалли-тепе, что в Музрабатской степи Сурхандарьинской области. Это поселение с многочисленными помещениями. Предварительные раскопки, произведенные осенью 1968 г. Л. И. Альбаумом и В. А. Козловским, обнаружили культурные слои, содержащие комплекс археологических материалов, аналогичных материалам из южно-туркменистанских памятников эпохи бронзы. Это первый памятник такого типа на юге Узбекистана, синхронный с культурой Намазга V и Намазга VI и начала II тысячелетия до н. э. Этим же отрядом обследовался памятник Кучуктепе, также расположенный в Музрабатской степи. Он представляет собой двуслойный жилой комплекс, относящийся к концу бронзового, началу каменного века (до середины первого тысячелетия до н. э.).

В последние годы широко изучались наскальные изображения. Институт истории и археологии АН УзССР приступил к широкой их фиксации. А. Кабиров ведет систематическое исследование богатой галереи наскальных изображений в долине Сармич Навоийского района.

Таким образом, археологи Узбекистана, претворяя в жизнь задачи, поставленные перед ними партией и правительством, расширяют и углубляют свою научную и практическую деятельность, вносят свой достойный вклад в развитие советской археологии.

Н. ТАШКЕНБАЕВ

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПАЛЕОЛИТА (КУХИСИМСКАЯ СТОЯНКА)

На территории Ташкентской области в настоящее время известно немало палеолитических памятников каменного века.

В период раскопочных сезонов 1966 и 1967 гг. Чаткало-кураминским отрядом Института истории и археологии АН УзССР было вскрыто интересное местонахождение — Кухисима¹, расположенное в устье правого берега Нинбош-сая близ г. Ангрена. Под средневековым культурным слоем на древней трассе было обнаружено большое количество кремневых изделий. Материал состоит из местных кремневых пород и кремня жесткой структуры с очень неровным изломом (шероховатостью), содержит разные минералы различной окраски — от буро-серого до светло-розового². Несмотря на неровное строение и шероховатую поверхность, он дает сравнительно хорошие отщепы и пластинки с тонким сечением.

Техника расщепления — мустьерская с некоторыми признаками леваллуазского применения подготовки ударной площадки. Об этом свидетельствуют изделия, найденные на глубине 2,5 м и более 6 м. Среди них следует выделить нуклеусы разных размеров, видов и форм: дисковидный — 2 экз., одноплощадочный — 1 экз., двуплощадочные — 2 экз., 2 разных нуклеуса с беспорядочным нанесением ударов по рабочей плоскости. По вышеуказанным ядрищам можно охарактеризовать способ изготовления заготовок и технику их расщепления с данных нуклеусов.

В комплексе Кухисима «чистых» леваллуазских ядрищ, с которых снимался бы после соответствующей подготовки

¹ В состав отряда входили сотрудники Института истории и археологии АН УзССР Ю. Ф. Буряков (нач. отряда), Г. Дадабаев и сотрудник Ангренского краеведческого музея О. М. Ростовцев.

² Определение С. А. Семенова.

нуклеуса один крупный отщеп круглой или треугольной формы (*tortoigasckaped cores*), нет.

Однако согласно классификации Ф. Борда с кухисимских нуклеусов первобытный житель получал отщепы (*esclata*), треугольные сколы (*pointes*), пластины (*lame*). Среди них, например, есть два нуклеуса дисковидной формы, аналогичные тешик-ташским³, из которых древний мастер получал серию заготовок. На рис. 1, 3 изображен нуклеус размером $5,2 \times 6 \times 3$ см. Угол ударной площадки к рабочей плоскости равен 65—70 градусам.

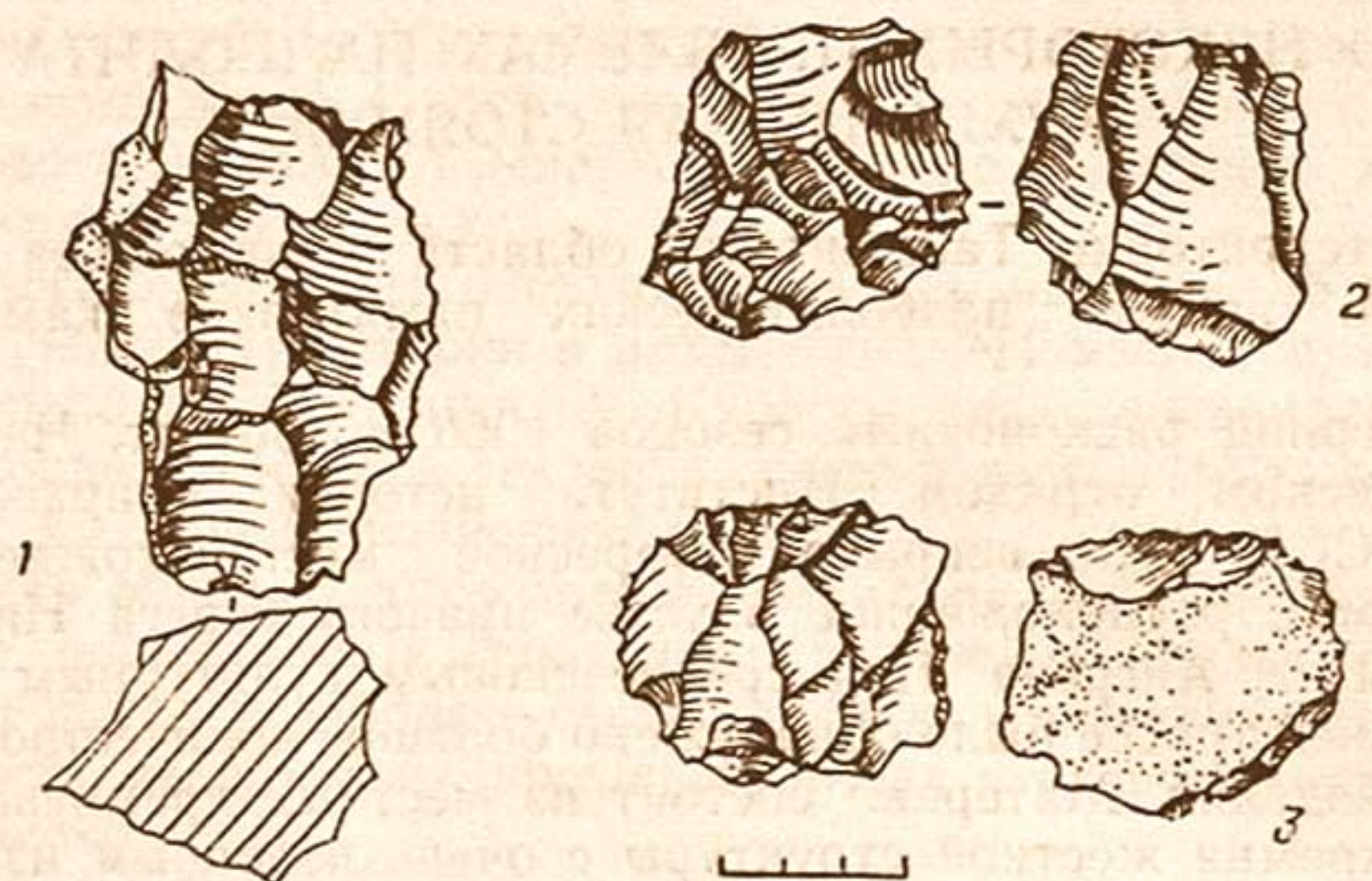

Рис. 1. Нуклеусы:

1—двухплощадочный; 2—одноплощадочный; 3—дисковидной формы.

На сохранившейся рабочей поверхности видны фасетки с радиальными направлениями. Мелкая подбивка на одном крае образует рабочее лезвие длиной 20 мм, что и говорит об использовании данного артефакта как скребущее орудие.

Одноплощадочный нуклеус, размеры которого — $4,3 \times 4,9 \times 30$ см (рис. 1, 2), имеет форму прямоугольника. Угол отбивной площадки к ударной плоскости равен 80 градусам.

На рабочей спинке сохранились негативы снятия как одного треугольного отщепа, так и серия фасеток, параллельных им.

Один из двуплощадочных нуклеусов имеет следующие параметры: длина — 8,2 см, ширина — 6 см, толщина — 4,5 см.

³ А. П. Окладников. Исследования мустьерской стоянки и погребение неандертальца в гроте Тешик-Таш, Сборник «Тешик-Таш», М., 1949.

Угол ударной площадки к верхней ударной плоскости равен 85—90 градусам, что свидетельствует о снятии с данного нуклеуса серии правильных пластин. Нуклеус имеет две ударные площадки, расположенные на противоположных краях ядрищ. Скалывающие удары наносились только в пределах этих плоскостей, поэтому сколы шли навстречу друг другу и сложились параллельно. На заготовках можно видеть копию снятия их с двуплощадочного нуклеуса. На спинках сохранены негативы параллельных сколов.

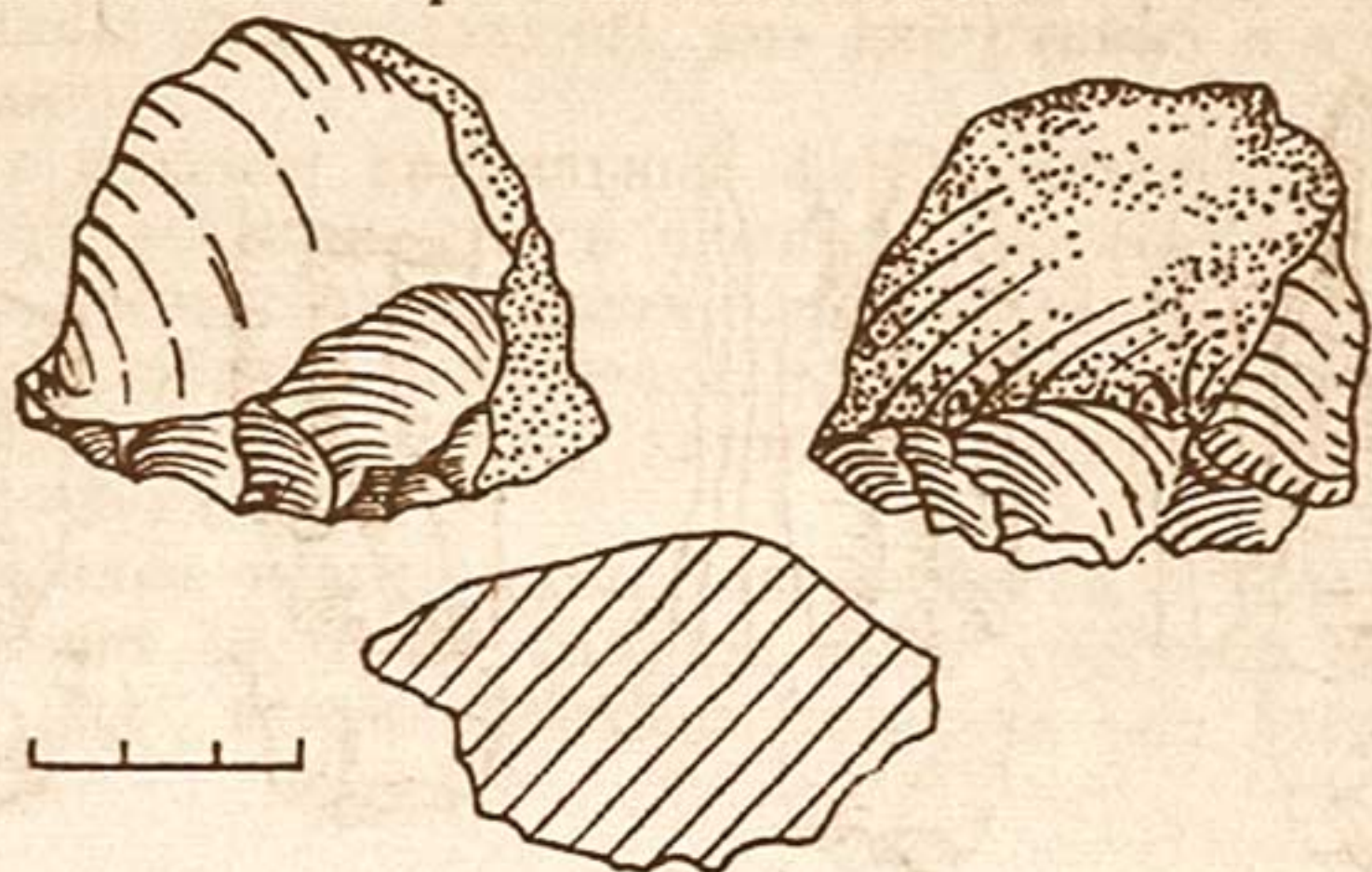

Рис. 2. Вторичный нуклеус на крупном отщепе.

Подобные одно-двуплощадочные нуклеусы имеются в палеолитических памятниках Кульбулак, Оби-Рахмат, Ходжикент⁴ и др.

В культурном слое Кухисимского местонахождения найдены два нуклеуса, с которых производились сколы в разном направлении, т. е. параллельные фасетки сочетаются с радиальными, являющимися нуклеусами переходной формы. Один из них имеет размеры $5 \times 6,2 \times 3,5$ см.

В коллекции имеется вторичный нуклеус на крупном отщепе размером $5,7 \times 6 \times 3,5$ см (рис. 2):

Анализируя нуклеусы из Кухисима, можно сделать вывод, что на описываемом памятнике до некоторой степени заметно развитие техники расщепления кремня в нижнем палеолите, т. е. переход мустьерских дисковидных форм к формам леваллуазским, одно-двуплощадочным нуклеусам, от которых получались заготовки в виде удлиненных, правильных пластин. На Кухисиме собрано 24 отщепа, из них 12 целых и 12 пластин, служивших заготовками для орудий. Вторичная обработка, видимо, производилась вне данной стоянки.

⁴ А. П. Окладников. Ходжикентская пещера — новый мустьерский памятник Узбекистана, КСИА, вып. 82, 1961, стр. 68—76.

Среди отщепов 4 экз. являются первичными сколами, так как они получаются при начальной обработке нуклеуса и представляют собой короткие массивные обломки, вытянутые в ширину больше, чем в длину. Средний параметр угла ударной площадки к брюшку равен 110—115 градусам.

Восемь отщепов имеют правильную конфигурацию. Средние их размеры $4 \times 4,2 \times 2$ см (рис. 1, 3). Один из этих отщепов изображен на рис. 3, 4. На его спинке хорошо видны сохранившиеся фасетки сколов.

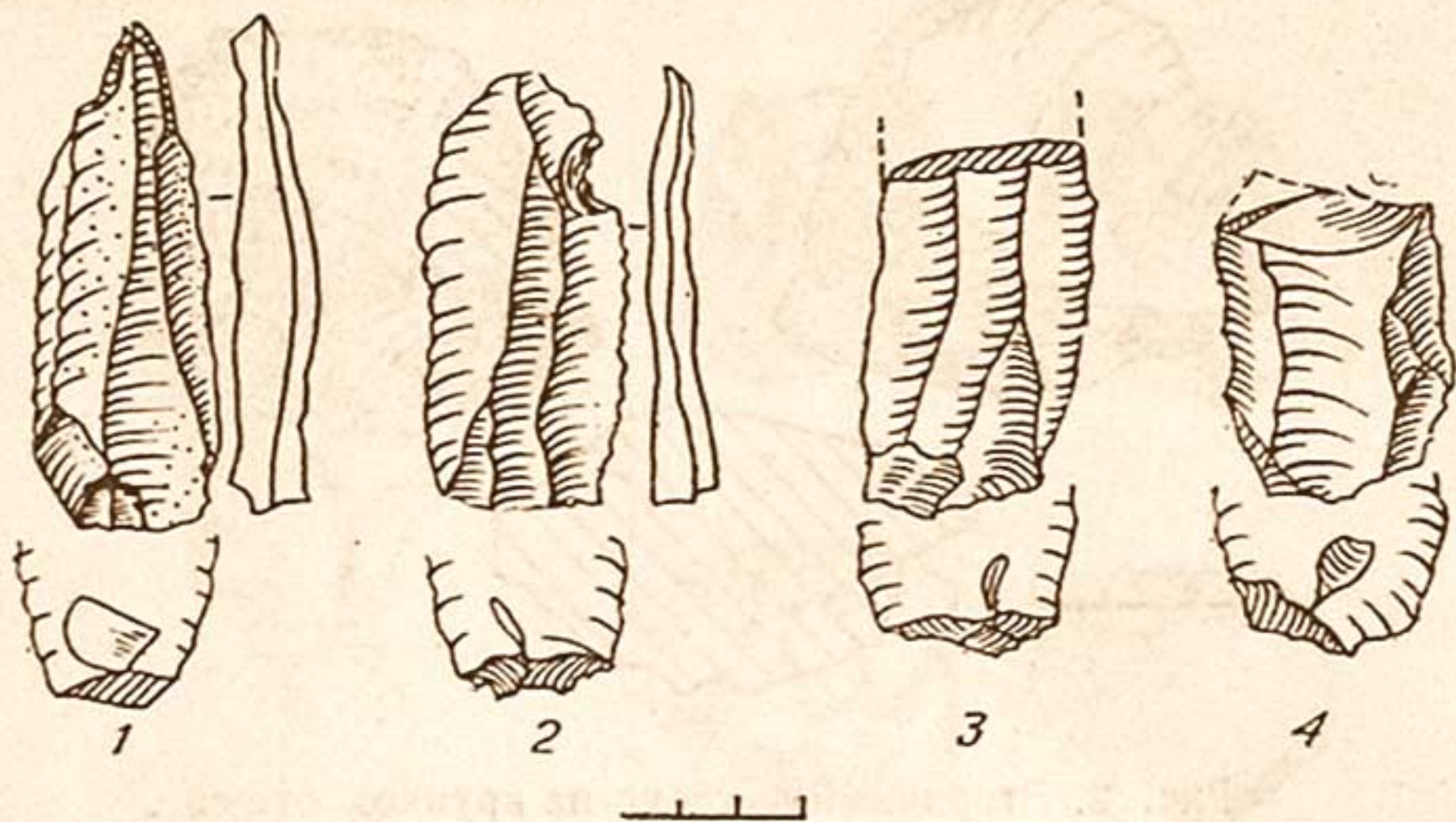

Рис. 3. Кремневые заготовки:

1—4—пластины с параллельными гранями.

На 13 целых отщепах хорошо сохранились ударная площадка и ударный бугорок. Отщепов с гладкими ударными площадками — 6 экз., с двухгранной ударной площадкой — 3 экз., с грубым фасетажем — 2 экз., с натуральной площадкой — 2 экз.

Собрано также 9 обломков с утраченными и сбитыми ударными площадками. Два отщепа сохранили элементы леваллуазской обработки на спинке. Они имеют конфигурацию треугольного отщепа (*pointes*). Для снятия таких заготовок с нуклеуса необходимо было специально подготовить рабочую поверхность ядрища. Параметры одного из этих отщепов — $7 \times 6 \times 2,2$ см.

Здесь же обнаружены 12 экз. обломков отщепов, размеры которых варьируют от $2 \times 2,2 \times 1$ до $4,5 \times 5,9 \times 1,6$ см.

В коллекции Кухисима содержится 12 экз. целых пластин. Среди них четыре пластины с трехскатными параллельными гранями на спинке (рис. 3, 1, 2, 3). Размер одной из них $8 \times 3 \times 1$ см. Угол ударной площадки к брюшку равен 95 градусам (рис. 3, 1).

На рис. 3,2 изображена оригинальная пластина с сохранившейся на спинке трехгранной огранкой. На конце пластины имеется выемка, видимо, анкош. Размер изделия: длина 7 см, ширина 3,2 см, толщина 8 см. Угол ударной площадки к брюшной поверхности равен 90 градусам.

Помимо этих изделий в коллекции Кухисимской стоянки имеется 4 экз. трехскатных пластин с примесью радиальных сколов и 4 экз. двухскатных, с параллельным расщеплением.

12 экз. пластин имеют следующие характеристики ударных площадок: восемь гладких, два двугранных и два грубо-фасетированных.

Наличие пластин правильных форм свидетельствует об усовершенствовании процесса расщепления (debitage)⁵.

Сделаем вывод: на Кухисима проходила жизненная деятельность первобытного человека, здесь производилась обработка сырьевого материала, которым пользовался древний житель Кульбулака.

Исследование кухисимского материала в некоторой степени дополняет сведения, которые были получены в результате изучения палеолитических стоянок на территории Узбекистана.

⁵ М. Р. Касымов. Памятники каменного века в долине Ангrena, ОНУ, 1967, стр. 57; М. Р. Касымов и О. М. Ростовцев. Мастерские каменного века в долине реки Ангрен, Сборник ИМКУ, вып. 8, 1969.

М. Р. КАСЫМОВ

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ В ДОЛИНЕ РЕКИ СОХ В 1966—1967 гг.

Долина реки Сох расположена в высокогорном районе юга Ферганы и богата разновременными археологическими памятниками. Однако в археологическом отношении она изучена очень слабо. До недавнего времени было известно лишь незначительное количество археологических памятников, в том числе, расположенные в низовьях — мустьерские, а в верховьях — пещерная стоянка Сельунгур¹ и отдельные наскальные изображения².

В 1966 г. Ферганский палеолитический отряд ИИА АН УзССР продолжил исследования археологических памятников в долине реки Сох³. В начале сезона отряд обследовал берега в низовьях Соха, где дополнительно был собран материал на мустьерских стоянках Сарыкурбан-1,2 и на двух новооткрытых мустьерских местонахождениях, расположенных в галечниках на высоком левом берегу Соха в окрестностях селений Зарташ и Секитма. Здесь обнаружены типичные мустьерские нуклеусы, пластины и другие предметы.

После кратковременного обследования обоих берегов в низовьях Соха отряд перебазировался в верховья, в бывший райцентр Сохского района, откуда и начал изучать пещеры, расположенные в урочище Хазратали в окрестностях кишлака Сох.

Затем, в связи с изучением долины сая Обишир, отряд перебазировался в кишлак Чашма, расположенный между кишлаками Сох и Хайдаркан.

¹ М. Р. К а с ы м о в. Новые исследования по палеолиту Ферганской долины в 1964 г., в сборнике ИМКУ, вып. VII, Изд-во «Фан» УзССР. 1966, стр. 29 и др.

² А. Н. Б е р н ш т а м. Древний Фергано-Алай, М., МИА, № 26, 1952.

³ М. Р. К а с ы м о в. Об итогах исследования памятников каменного века на территории Узбекистана в 1965—1967 гг., ОНУ, 1968, № 3, стр. 51—52.

Долина сая Обишир является сравнительно большим плато, окруженным с двух сторон — с юга и севера — горами, достигающими 1500—2000 м, а местами и более 2500 м над уровнем моря.

Во время разведочных работ на южном склоне горы Катрантау были обнаружены и обследованы следующие пещеры и навесы, повидимому являющиеся местами поселения первобытного человека: пещеры Сель-Унгур (1—3), пещеры в окрестностях кишлака Эшма (1—6), пещеры и навесы Обишир (1—5), в окрестностях кишлака Сур (1—3), у кишлака Бел (1—7), в урочище Зим (1—2), пещера Овокамбар у кишлака Тарик (1), навес в урочище Богошим (1).

Из 28 пещер и навесов раньше была известна только пещерная стоянка Сель-Унгур-1, расположенная на южном склоне горы, недалеко от Хайдаркана. Остальные обследованы и нанесены на план нами. Пещеры и навесы Обишир-1, 5 дали прекрасный материал каменного века. Они расположены на южном склоне Катрантау в урочище Зарташ правого берега сая, где скалы образуют полукруглый изгиб.

Обишир-1: расположен восточнее других пещер, примерно на 25—30 м выше от современного уровня сая. Он обращен к юго-востоку (165 градусов) и удобен для поселения. Ширина — 25 м, глубина — 8 м, высота — 12 м.

Внутри его небольшая площадка. Первобытные люди жили в основном на передней площадке. Нами был заложен шурф (1×1,5 м), затем превращенный в раскоп (12 м²), в 1967 г. расширенный до 33 м². Шурф и раскопы доведены до скального дна — склон к руслу сая находится под углом 15—20 градусов, а местами — 40—45 градусов. Соответственно склону к югу от навеса повышается и мощность слоя.

Во время раскопочных работ выяснилось, что непотревоженный культурный слой частично сохранился между скалами раскопа 1967 г. В остальных частях площадки раскопа культурный слой незначителен, так как он подвергся разрушению. Во всех квадратах и на разных глубинах встречались многочисленные каменные изделия и фрагменты костей различных животных, в том числе нуклеусы, ножевидные пластинки, микропластинки, концевые скребки, проколки, характерные для эпохи мезолита (рис. 1, 1, 6, 10, 12—13, 15).

Обшир-5 (рис. 2): эта огромная пещера находится к западу от пещер Обишир-4 и расположена в 20—25 м выше уровня одноименного сая и в 10 м к юго-западу от пещеры Обишир-4. Она обращена к юго-востоку (135 градусов). Ширина — 30 м, глубина — 9,1 м, высота — 20 м. Пол пещеры — скалистый. Передняя площадка соединяется с площадкой пещеры Обишир-4 и, постепенно понижаясь, доходит до правого берега сая. В 1966 г. на ее площадке были заложены

два шурфа. Из них в шурфе 2 (1×2 м) обнаружены два культурных слоя: верхний — античный и нижний — мезолитический. В 1967 г. этот шурф был превращен в раскоп. В нем таков характер залегания культурных слоев: до глубины

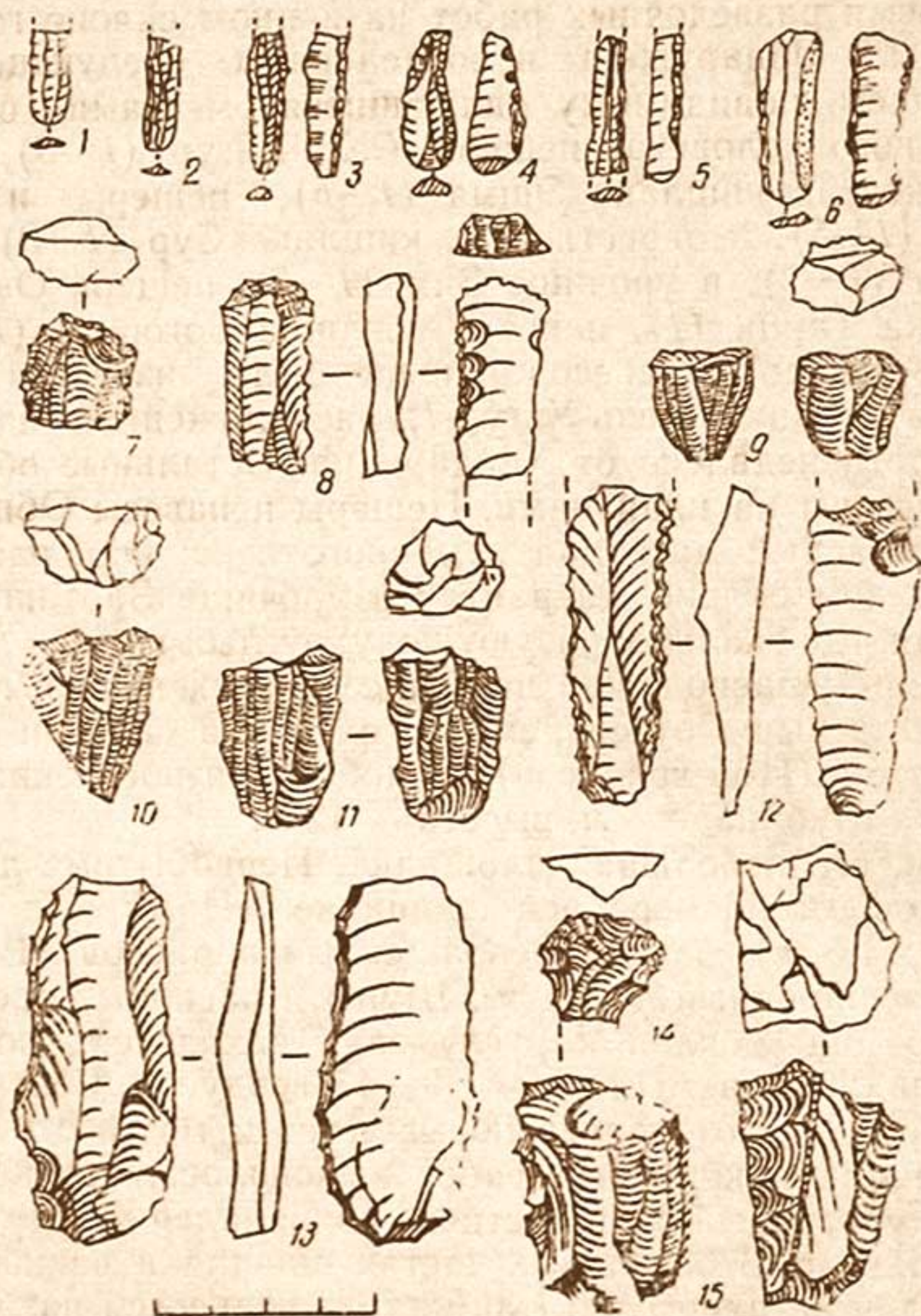

Рис. 1. Изделия микролитического типа, обнаруженные в долине Обишир (верховья р. Сох):

1, 2—обломки пластинок; 3, 5, 6, 12, 13—пластинки; 4—проколка; 7—нуклеус-скребок; 8—концевой скребок; 9—11, 15—нуклеусы; 14—скребок (1, 6, 10, 12, 13, 15—Обишир-1; 2, 3, 11—Чашма; 4, 5, 7, 9, 14—Обишир-5).

80—90 см, а к юго-востоку даже больше, расположен слой античного времени, который насыщен золами, обломками древесных углей, многочисленными фрагментами керамических сосудов и костей различных животных. Ниже его расположен мезолитический, четко выделенный гумусированный слой мощностью от 5 до 20 см, который параллельно склону

поверхности площадки вклинивается в западную, южную и восточную стены раскопа. В нем так же, как и в шурфе-2, обнаружены изделия микролитического типа — миниатюрные пластинки, проколки, концевые скребки и соответствующие им нуклеусы, отщепы, которые по характеру обработки и времени приближаются к материалу Обишир-1 (рис. 1, 4, 5, 7, 9, 14).

Рис. 2. Общий вид пещерной стоянки Обишир-5.

Открыт и частично исследован также новый мезолитический памятник, расположенный на берегу родника Чашма у одноименного кишлака, находящийся, примерно, в 10—12 км к юго-западу от пещерных стоянок Обишир-1, 5. На его площадке были произведены сборы и на разных участках заложены четыре шурфа, размером $1 \times 1,5$ м. Все они неглубокие, и ярко выраженного культурного слоя в них не обнаружено. Но в 50—60 см толще шурфов найдено достаточное количество каменных орудий. Ниже начинаются четвертичные конгломераты, где находки отсутствуют.

Так, на стоянке Чашма собраны такие же микролитические изделия (нуклеусы, пластиночки, проколки и т. д.) (рис. 1, 2, 3, 11), как и в пещерных мезолитических стоянках Обишир-1 и 5.

Открытые впервые в высокогорном районе верховьев реки Сох пещерные стоянки Обишир-1 и 5 и стоянка на открытом воздухе Чашма, вводят нас в еще малоизвестный круг вопросов, связанных с историей мезолитических племен и с так называемой новой Сохской или Обиширской культурой⁴.

Изучение этих и других стоянок, обнаруженных нами пещер и навесов, представляет большой научный интерес с историко-географической точки зрения. Думается, что анализ этих материалов может способствовать изучению ряда вопросов, связанных с бытом, хозяйством, экономикой эпохи мезолита и с вековым колебанием температуры четвертичной геологии юга Ферганы.

В 1966 г. было обследовано также городище Куве (древний Сох), расположенное на левом берегу сая Чилдухтарон, напротив кишлака Кала. Городище занимает несколько гектаров. Его юго-восточная часть в настоящее время занята под кладбище.

На городище почти все сооружения уничтожены рабочими совхоза «Сох» и только местами сохранилось основание. При осмотре городища Куве нами были собраны зернотерки, обломки костей различных животных и большое количество фрагментов керамических сосудов разного периода, начиная с античности до времени тимуридов включительно.

Осмотрено нами и древнее кладбище напротив городища Куве, где собрано несколько обломков сосудов. По времени оно соответствует названному городищу. Обследована также крепость, находящаяся на левом берегу сая Обишир, примерно в 0,5 км к северу от кишлака Кала. Она расположена на стреле и с трех сторон окружена глубокими оврагами. Размеры ее: длина 70 м, ширина 62 м. К востоку от крепости расположено кладбище Мозори Сурх. При осмотре крепости собран немногочисленный материал. Однако, судя по скудным находкам, крепость датируется примерно временем раннего средневековья.

В 1967 г. в восьми пунктах склонов Катрантау открыты и изучены наскальные изображения с разнообразной и богатой композицией, говорящей о религиозных представлениях, хозяйстве и искусстве древних людей, живших в высокогорной долине реки Сох.

Таким образом, следует констатировать, что в долине реки Сох, так же как и в других районах нашей республики, имеется немало интересных археологических памятников древнего прошлого, изучение которых поможет восстановить историю Узбекистана.

⁴ М. Р. К а с ы м о в. Археологические работы в Узбекистане, Сборник «Археологические открытия 1967 года», М., Изд-во «Наука», 1968, стр. 327—328.

У. И. ИСЛАМОВ

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ

Во время исследований 1966 г. Ферганским палеолитическим отрядом Института истории и археологии АН Узбекской ССР были открыты стоянки пещерного типа мезолитического времени в высокогорном районе реки Сох¹.

Разведочные работы велись здесь в районе Чунгара Сары-Курган и главным образом в долине правого притока реки Сох — Сай-Обишир. Было зафиксировано несколько пещер и навесов на южных склонах Катрантау между кишлаками Сох и Хайдаркан. В некоторых из них заложены небольшие шурфы для выяснения остатков поселений первобытного человека.

Из исследованных объектов гроты Обишир-1 и Обишир-5 дали наиболее богатый материал, характеризующий мезолитическую культуру Ферганы. В 1967 г. были продолжены исследования и расширены раскопочные работы в гротах Обишир-1 и Обишир-5².

ГРОТ ОБИШИР-1

Грот Обишир-1 расположен в 17 км к востоку от Соха на правом берегу Сая-Обишир. По залеганию культурных остатков в гроте можно заключить, что первобытные люди обитали в основном на площадке у входа.

В 1966 г. здесь была раскопана площадь около 12 м², а в 1967 г. раскоп расширили до 33 м². В течение двух полевых сезонов было найдено 1117 каменных предметов. Каменные орудия изготовлены из кремня различных цветов, в основном из черного.

¹ М. Р. Касымов. Об итогах исследования памятников каменного века на территории Узбекистана в 1965—1967 гг., ОНУ, 1968, № 3, стр. 51—52.

² В работе участвовали М. Касымов (нач. отряда), У. Исламов, А. Кабиров, М. Джамалов, А. Набиев, М. Мамбетулаев.

Микроскопические исследования орудий под бинокулярной лупой, произведенные сотрудниками лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР, дают возможность говорить о функциональном назначении каждого предмета (по следам работы или изношенности).

В коллекции преобладают изделия микролитического типа, но имеются также пластинки и отщепы. Среди режущих орудий заслуживают внимания вкладыши ножа (21 экз.). Они изготовлены из черного, серого и белого кремня. Обработка различная: 6 микропластинок ретушированы мельчайшей ретушью со стороны брюшка, 2 пластинки, — противоположащей ретушью, т. е. со стороны брюшка и спины, 5 пластинок обработаны со стороны спинки, одна — со стороны лезвия, 6 пластинок совсем не ретушированы. На всех этих пластинках обнаружены линейные следы. Длина вкладышей колеблется от 1,3 до 2 см, ширина — 0,5 см. Кроме того, два обломка кремня также ретушированы с двух сторон, одна сторона лезвия использовалась, как вкладыш ножа. Из 4-х экз. ножей два изготовлены из черного и два из красного кремня. По внешнему виду это грубые пластинки (рис. 1, 2). Три из них не подвергались вторичной обработке, т. е. не ретушировались, одна ретуширована со стороны спинки (рис. 2, 3). Все они имеют линейные следы. Длина их колеблется от 3,8 до 5 см, ширина — от 1,8 до 3 см.

Микропластинки без ретуши (84 экз.). Они изготовлены в основном из черного кремня. Средняя длина их колеблется от 0,9 до 2,8 см, а ширина — от 0,4 до 0,6 см. Микропластинки с ретушью (8 экз.) также изготовлены из кремня. Из них две обработаны противоположащей ретушью, шесть — мельчайшей ретушью со стороны спинки по одному краю. Длина колеблется от 2,5 до 1,5 см, ширина — от 0,4 до 0,7 см.

Кроме того, имеются пластинки с ретушью (10 экз.); 4 из них обработаны со стороны брюшка по одному лезвию, 6 экз. — со стороны спинки тоже по одному лезвию. Длина их от 4,5 до 2,5 см, ширина — от 0,8 до 1,5 см.

Найдены также пластинки без ретуши (80 экз.). Из них 6 массивных пластинок длиной от 5,1 до 7,5 см, шириной 1,8—2,5 см (рис. 2, 9). Остальные пластинки среднего размера. Длина их колеблется от 2,5 до 4,5 см, ширина — от 1 до 1,4 см.

В коллекции имеются и сверла (6 экз.), изготовленные из пластинок малого размера; из них 4 обработаны тщательной мельчайшей ретушью со стороны спинки, в результате чего образован очень острый кончик, 2 — противоположащей ретушью.

Проколки (2 экз.) изготовлены из микропластинок, линейные следы на их кончиках показывают, что этими проколками пользовались по назначению (рис. 2, 5).

Особого внимания заслуживают скобели (10 экз.). Два из них сделаны из микропластинок и тщательно отретуширо-

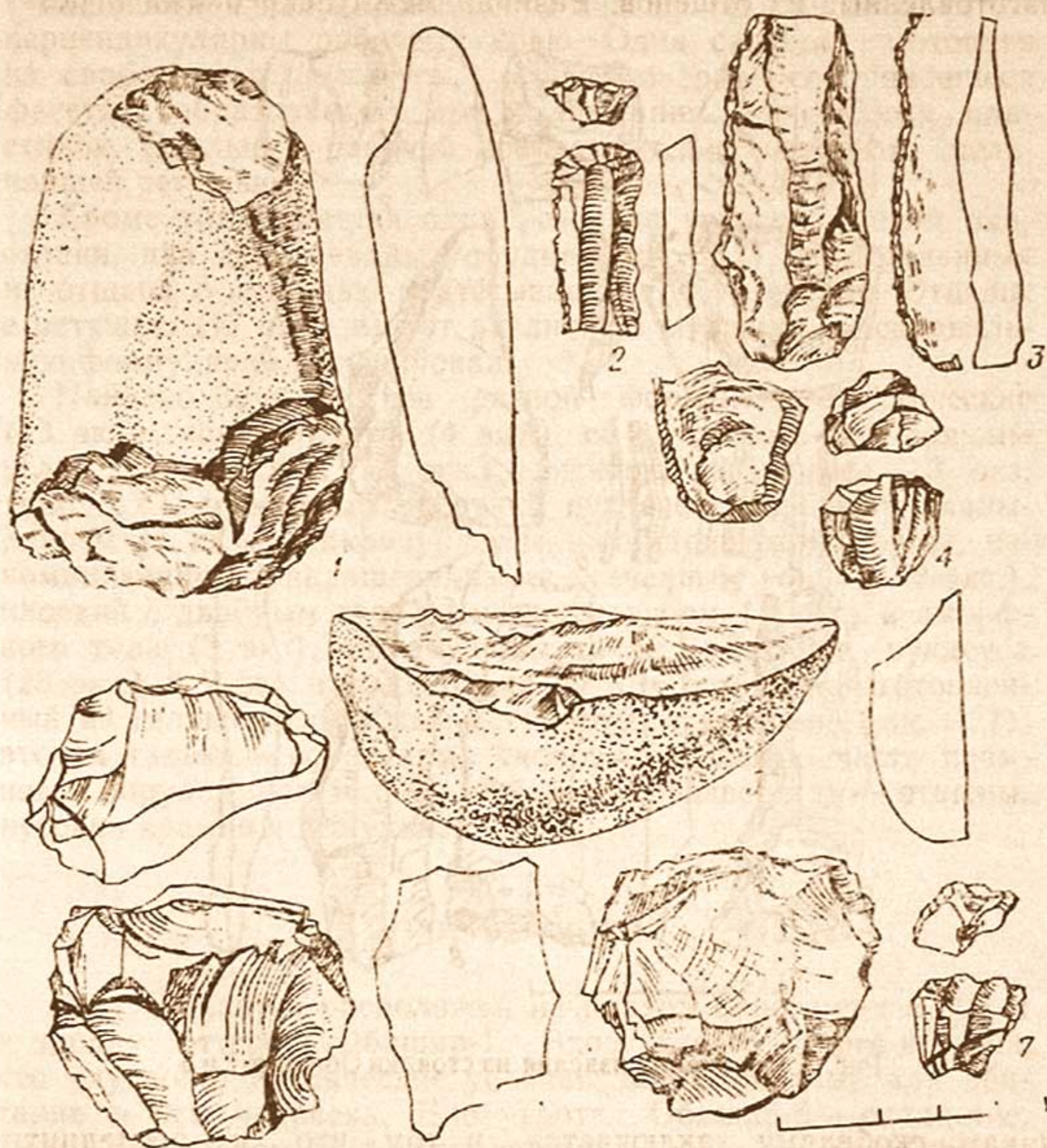

Рис. 1. Каменные орудия из стоянки Обишир-1 и 5.

ваны со стороны спинки. Без рукоятки этими орудиями пользоваться было невозможно. Длина их 2,68 см, ширина 0,5 см. Два скобеля изготовлены из отщепы с тщательно отделанным рабочим краем; 5 — из грубых пластинок, рабочий край которых обработан приостряющей ретушью со стороны спинки. Длина их колеблется от 4 до 5,5 см, ширина — от 1,2 до 3,1 см. Один скобель изготовлен из очень грубого отщепа,

сколотого с гальки без вторичной обработки. На нем видны линейные следы (рис. 1, 5).

В коллекции имеются также резчики-скобели (35 экз.), сделанные в основном из отщепов, с выпуклым рабочим краем. По внешнему виду их можно принять за микроскребки, изготовленные из отщепов. Разница между скребками и рез-

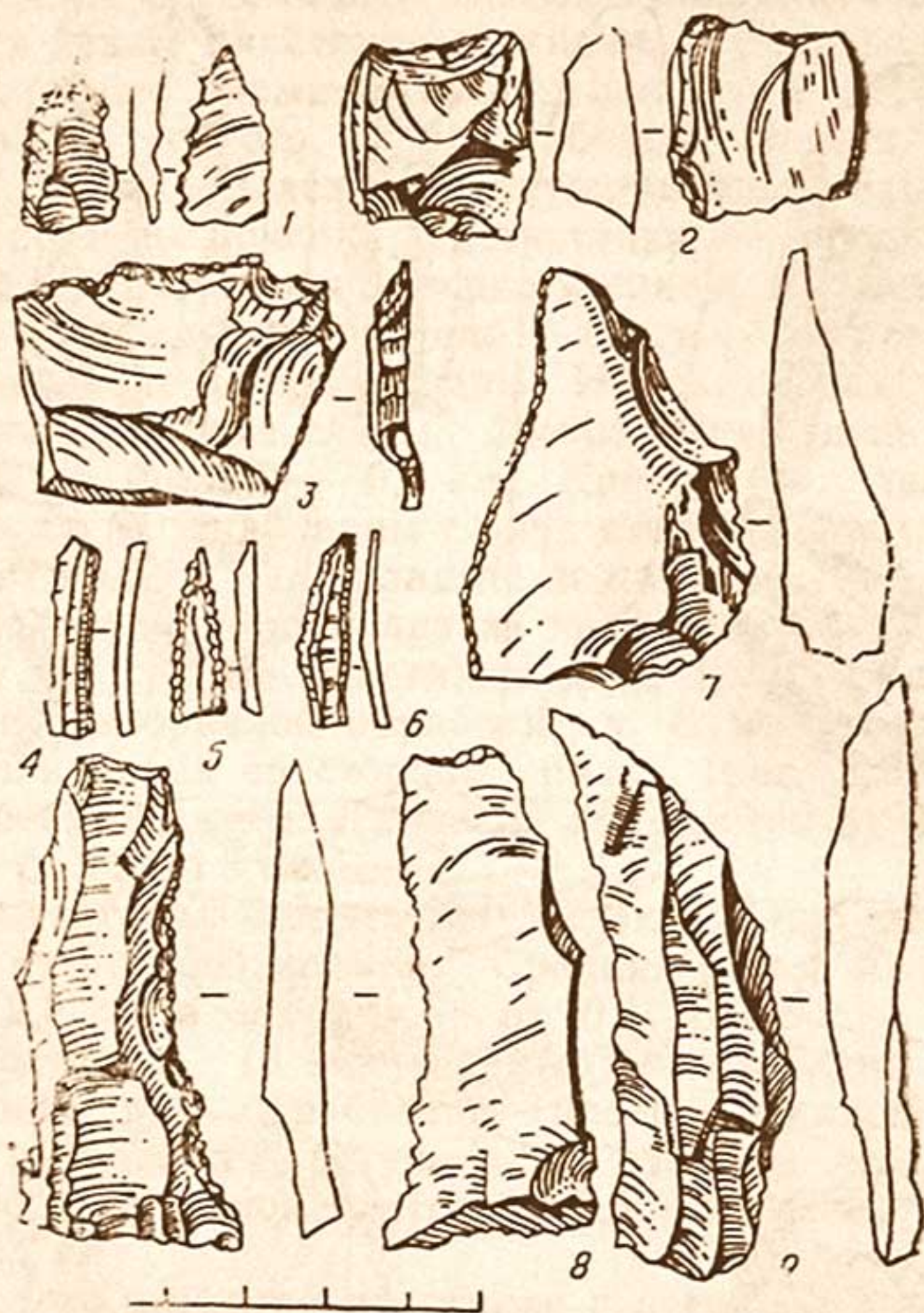

Рис. 2. Кремневые изделия из стоянки Обишир-1 и 5

чиками-скобелями заключается в том, что у последних выпуклый рабочий край очень короткий и больше сработан, чем у скребков, ибо резцами-скобелями работали по твердому материалу (дереву или кости). Линейные следы глубокие.

Было найдено и 32 скребка. Из них 13 сделаны из отщепов, у которых ретушью выработан полукруглый и слегка выпуклый рабочий край, 8 — из отщепов неправильной формы (очертания выпуклого края неясные, но, судя по следам работы, они использовались в качестве скребков), 10 экз.

концевых скребков, изготовленных из небольших тонких пластинок, представляют собой правильную призматическую пластинку с выпуклым овальным рабочим краем, обработанным мельчайшей ретушью, заходящей на продольные края. На выпуклом рабочем конце видны следы изношенности, затупленности и заполированности лезвия. А линейные следы перпендикулярны рабочему краю. Один скребок изготовлен из сработанного нуклеуса, о чем говорят сохранившиеся фасетки, образованные при скалывании ножевидных пластинок. Овальный рабочий край тщательно отделан мельчайшей ретушью.

Кроме того, имеется один резец на углу сломанной пластинки, два долотовидных орудия (рис. 2, 2), изготовленных из отщепы с помощью подтесывания с двух сторон. Отщепы с ретушью (17 экз.) имеют различную величину и неправильную форму, край ретуширован.

Найдено 30 нуклеусов разной формы: призматические (13 экз.), конусовидные (4 экз.), со смежными под прямым углом площадками (3 экз.), дисковидной формы — 3 экз. (рис. 1, 6), массивный короткий нуклеус с торцовым скалыванием (1 экз.), микронуклеусы цилиндрической формы, напоминающие карандашевидные с усеченным концом (2 экз.), плоский с двойным торцовым скалыванием (1 экз.) и аморфного типа (3 экз.). Обнаружены также обломки нуклеуса (28 экз.) и 2 экз. гальки. Один из них ретушер, изготовленный из гальки со смятыми и сколотыми концами (рис. 1, 1), вторая галька — со следами сколов. Остальную часть кремневых орудий составляют отбросы производства — отщепы, кусочки кремня и чешуйки.

ГРОТ ОБИШИР-5

Грот Обишир-5 расположен на правом берегу сая в 200 м к западу от грота Обишир-1. Вход в него с юго-востока, что улучшило термические условия, благоприятные для обитания в нем человека. Дно грота Обишир-5 — скалистое. Люди в основном жили на площадке грота, как и в Обишире-1. Здесь в 1966 г. был заложен небольшой шурф, а в 1967 г. он был расширен и превращен в раскоп. Раскопана площадь в 25 м². По стратиграфическому раскопу выяснилось, что в гроте Обишир-5 неоднократно бывал первобытный человек. Верхний горизонт толщиной в 15—20 см, затем идет серая почва с античной керамикой толщиной в 1 см, местами 1,20 см; далее — культурный слой с мезолитическими находками толщиной 20 см, местами 40 см, затем — галька толщиной 15 см и, наконец, серый слой почвы с

очень редкими находками мезолитической эпохи, который доходит до скалы.

В гроте Обишир-5 было найдено всего 458 каменных предметов. Каменные орудия изготовлены в основном из черного кремня, но встречается в единичном экземпляре белый и серый камень. Среди орудий преобладают грубые пластинки и отщепы, но имеются и изделия микролитического облика. Особого внимания заслуживают орудия труда из призматических пластинок:

1. Вкладыши ножа (4 экз.) изготовлены из микропластинок, 2 из них обработаны заостряющей ретушью со стороны брюшка, 2 использовались без вторичной обработки. Все вкладыши имеют линейные следы. Длина их колеблется от 1,2 до 1,5 см, ширина — от 0,4 до 0,7 см (рис. 2, 4, 6).

2. Ножи (3 экз.) получены из крупных пластинок и использовались, вероятно, без рукоятки. Один из них ретуширован со стороны брюшка (рис. 1, 3), два остались без обработки. Имеются линейные следы. Длина ножей колеблется от 5 до 6 см, ширина — от 2,2 до 3 см.

3. Проколка изготовлена из призматической пластины с заостренным концом без вторичной обработки. На кончике пластинки имеются линейные следы.

4. Сверла (3 экз.) состоят из узких и тонких пластин, кончик их заострен противоположающей ретушью в виде хорошо отретушированного стерженька. Острие и ребро стерженька затуплены. На рабочей части прослеживаются круговые линии, перпендикулярные его оси, образовавшиеся вследствие круговращательных движений. Продольные края пластины не ретушированы. Средняя длина — 3,3 см, ширина — 1 см (рис. 2, 1).

5. Пластинки с ретушью (6 экз.). Они ретушированы со стороны спинки. Вероятно являлись заготовками для орудий. Длина их от 1,7 до 5,8 см, ширина — от 1 до 2,2 см.

6. Пластинки без ретуши (28 экз.) изготовлены из черного кремня, по всей видимости они служили заготовками для различных орудий. Пластинки неправильной формы, как видно, являлись отбросами производства.

7. Микропластинки без ретуши — 20 экз. На них нет следов работы. Возможно они были заготовками для мелких орудий.

Не менее интересны скоблящие орудия труда: 1. Скобели (6 экз.) изготовлены из грубых массивных пластинок (4 экз.), у которых ретушировано лишь одно лезвие (рис. 2, 7, 8), несмотря на то, что оба использовались, как скобели. Длина их колеблется от 3 до 6,5 см, ширина — от 1,5 до 2,5 см. Изготавливались они из крупных отщепов (2 экз.), рабочие

края которых тщательно обрабатывались. В одном случае заметна выемка.

2. Скребок найдено 6; 5 из них изготовлены из небольших отщепов неправильной формы, у которых ретушью выработан полукруглый и слегка выпуклый рабочий край. Один концевой скребок сделан из небольшой тонкой пластинки, представляющей правильную призматическую пластинку с выпуклым овальным рабочим краем. Рабочий край ретуширован мельчайшей ретушью, заходящей на продольные края пластинки (рис. 1, 2).

3. Резчики-скобели (8 экз.) изготовлены из маленьких отщепов. Ретушью оформлен выпуклый рабочий край. Исследования под бинокулярной лупой показывают, что этими орудиями работали по твердому материалу.

Найдены шлифованные орудия:

1. Выпрямитель для древков стрел (абразивный инструмент), очень тщательно отшлифованный, особенно его выемчатая часть.

2. Грузила, сделанные из гальки, также отшлифованы и имеют линейные следы.

Имеются также гальки со ступенчатыми сколами гиссарского типа (3 экз.), один отбойник дисковидной формы из гальки с округлыми сторонами; нуклеусы (9 экз.). Среди имеющихся нуклеусов два клиновидной формы с начальным торцевым скалыванием, один — призматический, с торцевым скалыванием (рис. 1, 7), один со смежными площадками, причем одна ударная площадка расположена на торце, другая — под прямым углом к торцевой части, два — призматической формы с противолежащими площадками (рис. 1, 4), два — микролитической, конической формы и, наконец, один — многоплощадочный. Кроме того, имеются осколки нуклеуса (21 экз.).

Остальная часть кремневого инвентаря представлена отбросами производства — отщепами, кусочками кремня и чешуйками.

Судя по линейным следам, оставленным на кремневых орудиях, а также по типу орудий труда, оружию и костям животных, жители грота занимались охотой.

Основным орудием древнеобиширского охотника были ножи — массивные пластинки и вкладыши — маленькие, хорошо обработанные пластинки, насаживаемые на деревянную или костяную основу.

Наряду с охотой большое значение в хозяйстве имело также собирательство и рыболовство. В пользу последнего говорят грузила, изготовленные из камня.

Уровень техники обработки кремневых орудий у жителей грота Обишир-1 и 5 был достаточно высокий. О достижениях

в технике шлифования камня дает наглядное представление выпрямитель для древков стрел (абразивный инструмент). Широко применялось также сверление. Шкуры животных нужны были человеку как для покрытия жилищ, так и для изготовления одежды, обуви и т. д. О способах изготовления кожаных и меховых изделий можно судить по наличию скребков, которые позволяют восстановить эту технику. Наличие скобелей и резчиков-скобелей (типологические микро-скребки) свидетельствует, что обитатели пещер Обишир-1 и 5 широко применяли орудия из дерева и кости. Найденные в пещере проколки позволяют предполагать существование в эпоху мезолита в Ферганской долине шитой меховой одежды.

Подвергая анализу каменные орудия из пещер Обишир-1 и 5, попытаемся датировать эти древнейшие памятники.

Большинство типов орудия находит соответствие с такими же орудиями других мезолитических памятников Средней Азии. Грубые пластинки, ножи из грубых пластинок аналогичны материалам из Самаркандской верхнепалеолитической стоянки³, а различного типа скребки и нуклеусы с торцовым скалыванием — находкам из стоянки Ош-Хона, датированным 8 тыс. до н. э.⁴

Учитывая аналогии и то, что в гроте Обишир-1 и 5 имеются микропластинки и дисковидные нуклеусы архаичной формы, мы датируем памятники Обишир-1 и 5 развитым мезолитом.

Исследование этих памятников только началось. Последующее изучение даст, безусловно, материалы для более полного представления об этих памятниках и о мезолитической культуре нашей республики в целом.

³ Д. Лев. Поселение древнекаменного века в Самарканде, Исследования 1958—1960 гг., Труды Самаркандского Госуниверситета им. А. Навои, вып. 135, Самарканд, 1964, стр. 27.

⁴ В. Ранов. Раскопки памятников первобытно-общинного строя на Восточном Памире в 1960 г., в кн. «Археологические работы в Таджикистане», вып. VIII, Душанбе, 1962, стр. 16—24.

Т. МИРСААТОВ

ИЗУЧЕНИЕ ТЕХНИКИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ И ФУНКЦИЙ УЧТУТСКИХ ОРУДИЙ

За период с 1961 по 1967 г. экспедициями Института истории и археологии АН УзССР в учтутских шахтах, находящихся в южных склонах Каратау Навоийского района Бухарской области¹, собрано большое количество каменных и костяных орудий, которые впервые определены М. Касымовым, как кремнедобывающие².

Настоящая статья посвящена уточнению техники изготовления и функций учтутских орудий. С этой целью в лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР подвергнуты изучению 1124 галечных, 254 кремневых орудия, а также несколько десятков костяных орудий из рогов бухарского оленя.

Орудия Учтутских шахт, исходя из их материала, формы, техники изготовления и функционального назначения, можно разделить на две большие группы — галечниковые и кремневые.

Галечная группа включает: тяжелые двуручные молоты-наковальни; одноручные галечные отбойники-наковальни; одноручные ударники-кирки; легкие ударники для затупляющей ретуши; одноручные кирки легкого веса; одноручные ударники среднего веса; копалки-зонды.

Кремневая группа содержит: тяжелые двуручные кайла, одноручные ударники-кирки, копалки-зонды.

¹ М. Р. К а с ы м о в. Добыча и техника обработки кремня в каменоломнях — мастерских Средней Азии, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1961.

² М. Р. К а с ы м о в. Кремневая мастерская у кишлака Учтут в районе Каратау Бухарской области, Научные работы и сообщения, в кн. VII, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1963, стр. 258—262; Он же. Новые данные о мастерских каменного века в районе Каратау, Сборник ИМКУ, вып. 5, Ташкент, 1964, стр. 12—20; Он же. Новые данные о Каратауских кремнеобрабатывающих мастерских каменного века в Бухарской области, Сборник ИМКУ, вып. 6, Ташкент, 1965, стр. 30—39.

Остановимся подробнее на каждом виде орудий первой и второй группы:

Тяжелые двуручные молоты-наковальни (наковальни и кайла): их насчитывается около 17 экз., разнообразных по форме — овальных, удлиненных, цилиндрических. Размеры: длина — от 18 до 22,5 см, ширина — от 10,5 до 18 см, толщина — от 4 до 7,5 см. Материалом для них служили либо кремнь плохого качества, либо тонкозернистая галька серого и черного цвета.

Кремневых орудий найдено всего 43 экз., а галечных — 13. Это объясняется тем, что галька не нуждалась в специальной обработке. Вес кремневых орудий достигал 5—7 кг, галечных — от 1,750 г до 3,5 кг.

Как те, так и другие орудия имеют на концах следы сильной сбитости в виде крупных и мелких фасеток, выщербин. Края фасеток порою сглажены и выкрошены, боковые поверхности также имеют характерные следы использования их в качестве наковальни. Например, орудие (инв. № 2609), сделанное из кремня, бело-серого цвета. По форме оно диско-видное, имеет 18 см в диаметре, толщина — 6,5 см в рабочей части и 4,5 см — в противоположной. Рабочая часть несколько утолщена с тем, чтобы при работе орудие удобно было держать двумя руками за уплощенную часть. Оно обработано со всех сторон несколькими крупными и мелкими сколами. На рабочей части четко прослеживаются следы изношенности (в виде сбитости). Совершенно очевидно, что орудие использовалось в качестве двуручного молота.

Второй экземпляр (инв. № 2411) также изготовлен из кремня серого цвета, но имеет форму овальную. Длина орудия — 21 см, ширина — 17,5 см, толщина рабочего конца — 3—4 см, максимальная толщина в центре орудия — 8 см. Судя по следам изношенности на рабочем конце, орудие являлось ударником. Третий — (№ 174) отличается от предыдущих удлиненно-трехгранной формой. Оно из мелкозернистой породы серого цвета, длина — 21 см, ширина — 12 см, толщина одного конца 7,5 см, другого — 2,5—3 см. Оба конца — рабочие, один закругленный, другой — уплощенный. Закругленная часть носит следы использования в качестве двуручного молота, она имеет много выщербин; противоположная часть, более узкая, хотя и служила в работе, но в употреблении была мало. Об этом говорят незначительные следы изношенности. Все три грани орудия также использовались, на них сохранились следы, характерные для наковален; на двух имеются крупные сколы от сильных ударов.

На раскопе № 1 в 1966 г. было найдено орудие (инв. № 908), которое, судя по признакам изношенности, могло выполнять тройные функции. Изготовлено оно из мелкозернистой поро-

ды беловато-желтого цвета; по форме — овальное: (длина — 22 см, ширина — 16 см, толщина — 5 см.). Оба боковых края удобны для захвата рукой. Один конец орудия несколько утолщен и использовался в качестве двуручного молота. В результате долгого употребления он сильно изношен, после чего подновлен с двух сторон несколькими сколами и использован для откалывания породы. Второй конец в работе не использовался. Поверхность орудия с обеих сторон покрыта мелкими лунками, что говорит об употреблении его в качестве наковальни.

Какие функции выполняли эти тяжелые двуручные молоты?

Как известно по раскопкам 1961—1967 гг., горняки Учтута не всегда полностью извлекали желваки из породы. Нередко, чтобы проверить качество камня, учтутцы раскалывали желвак на части. Нами в 1966—1967 гг. был проделан эксперимент по извлечению одного желвака из породы с применением орудий труда, аналогичных учтутским. На это было затрачено 7 часов, т. е. время, в течение которого можно было вырыть шахту глубиной 2 м. Поэтому, естественно, шахтеры Учтута вначале очищали часть желвака от породы, затем расщепляли и в случае, если желвак был хорошего качества, его полностью извлекали. Если же желвак не отвечал требованиям, оставляли на месте. Почти в каждом раскопе можно встретить этому подтверждение. Именно для расщепления и извлечения кремня из породы и применялись тяжелые двуручные молоты или кайла.

Одноручные галечные отбойники-наковальни: большинство орудий имеет округлые или овальные очертания. Вес их — от 650 г до 1,5 кг. Следы сбитости в виде крупных и мелких фасок, выщербин и рисок на концах галек свидетельствуют о широком использовании этих орудий в качестве отбойников. Края фасеток нередко сглажены и выкрошены, а боковые поверхности имеют признаки изношенности, характерные для рабочей части наковален, т. е. носят на себе следы ударов и выщербин, полученных в результате обработки предметов. Одноручные отбойники имели сравнительно небольшой вес и поэтому могли использоваться для расщепления желвака уже после его извлечения из породы. Не весь кремень был хорошего качества — обычно боковые поверхности отличались от сердцевины. Поэтому учтутские мастера, прежде чем унести найденное сырье, очищали желваки от корки и некачественных участков. В нашей коллекции имеется несколько орудий такого типа. Например, экземпляр (№ 2240), он округло-овальной формы желто-серого цвета. Длина орудия — 11,5 см, ширина — 8,5 см, толщина — 6 см. Оба конца сильно сработаны и сохраняют много-

численные следы изношенности, характерные для отбойников. Другой экземпляр (№ 2892) также овальной формы, длина его — 11,5 см, ширина — 8,5 см. Это орудие выполняло три функции. Толстый и широкий конец имеет след отбойника, противоположный, острый, использовался для окапывания желвака при извлечении его из породы, о чем свидетельствуют следы изношенности в виде сбитости. Обе плоские стороны орудия имеют признаки сбитости, характерные для рабочей поверхности наковальни.

Одноручные ударники-кирки: этот тип орудия составляет большую часть учтутской коллекции. Сделаны они в основном из кремня плохого качества (кремень хорошего качества шел, главным образом, на изготовление призматических пластин) и речной гальки. В сечении они по форме овальные, но в основном удлиненные с заостренным концом. Средние размеры этих орудий: длина — 12,5 см, ширина — 10,5 см, толщина — 3,7 см. Одноручными ударниками-кирками обнажали полностью желвак от известковой породы, чтобы затем извлечь его наружу. Доказательство тому, концы орудий, имеющие следы сильной изношенности в виде выбоин, фасеток, выщербин. Нередко внутри выемок и выщербин сохранились следы белой извести, оставшейся от породы.

Кремневые одноручные ударники-кирки сделаны из массивных отщепов. Имеют острый рабочий конец и массивный обушковый. В случае затупления орудия рабочее лезвие заостряли с помощью легкой ударной ретуши и вновь использовали. Кремневые орудия намного эффективнее при использовании, нежели галечные. Внешне одноручные ударники-кирки похожи на древне-палеолитические орудия. Однако все они залегают в неолитических отложениях и ими пользовались только для добывания сырья.

Разберем несколько экземпляров, характерных для этого типа орудий: экз. № 6559 — 1963 г. Это крупный тяжелый отщеп овальной формы, с гладкой широкой площадкой и сильно выступающим конусом. Длина его — 10 см, ширина — 10,5 см, толщина — 4 см, вес — 550 г. Ударный бугорок большой, расплывчатый. Спинка отщепа оформлена несколькими крупными плоскими гранями. Края заготовки заострены крупной и мелкой ретушью, нанесенной по самому краю со стороны спинки. Прилегающая к краю часть брюшка стесана плоскими фасадами. Таким образом, перед нами массивное орудие, удобное для захвата рукой, обладающее полукруглым острым лезвием, частично выкрошенным от работы. Линейных признаков не наблюдается. Однако форма изделия и затупленный рабочий край позволяют видеть в нем орудие для окапывания. Экз. № 3699 — 1963 г. Отщеп сердцевидной формы, длина его — 11 см, ширина — 13,5 см, толщина —

3 см, вес — 650 г. Ударная площадка маленькая, а ударный бугорок большой и расплывчатый. Орудие тщательно обработано крупными и мелкими сколами со стороны брюшка. Облик этого экземпляра очень напоминает ашельское рубило. Выпуклая спинка стесана плоскими фасадами. Широкий и притом толстый конец орудия удобен для захвата руками, противоположный — использовался как рабочая часть.

Как мы уже говорили выше, сырьем для изготовления одноручных ударников-кирок служили не только кремь, но и речные гальки. Река Зарафшан, расположенная в 4—5 км к югу от шахты Учтута, и ее притоки поставляли материал для разнообразных орудий. Крупные гальки весом 2—5 кг использовались как кайла. Из галек меньших размеров изготовляли отбойники, зонды, ретушеры. В зависимости от формы речных галек одноручные ударники-кирки изготовлялись различными по технике способами. Однако все они должны были иметь острый конец, которым можно было бы копать породу и извлекать желваки. Галечными орудиями с этой целью можно было пользоваться благодаря влажности породы. Поэтому галечные орудия составляют 80% по сравнению с кремневыми (20%). Кроме того, речные гальки — наиболее доступный материал, не требующий никаких затрат. Их собирали, приносили в шахты и изготовляли из них орудия. На это указывают десятки и сотни галечных отщепов и чешуек, найденных в учтутских шахтах.

Каковы же способы изготовления одноручных ударников-кирок?

Галька расчленялась поперек одним сильным ударом на две части, если она имела удлиненную форму — 18—20 см в длину и 7—8 см толщину. В результате получалось сразу два орудия с круговым острым краем и тупым концом. Тупой конец захватывался рукой, а острым краем копали породу. Орудий такой формы в шахтах Учтута встречается довольно много (241 экз.). На рабочей поверхности их ясно различимы следы от белой извести, подтверждающие наше предположение о функции этих орудий.

Если галька имела удлиненную форму и длину, меньшую 18—20 см, то из нее изготавливали одно орудие. Гальку держали в левой руке и отбойником наносили по ее концу сильные и резкие косые удары. От нескольких таких ударов конец заострялся и напоминал по форме тесло.

Если галька имела овальную или полуовальную форму и один тонкий конец, а другой — слегка утолщенный, то несколькими легкими ударами по тонкому концу можно было создать острый край, используемый для копания породы. Утолщенный конец был удобен для держания одной рукой.

Однако не всегда галечные одноручные ударники-кирки изготовлялись специально. Нередко от сильных ударов гальки о желвак в процессе расщепления она сама раскалывалась продольно на две части, образуя острый круговой край, используемый для копания породы. Одноручные галечные ударники выполняли кроме указанной функции и другие, в зависимости от формы. Они были и кирками, и отбойниками, и наковальнями. Приведем несколько примеров.

Экз. инв. № 1381. Орудие удлинено-четырехгранной формы, черного цвета, из мелкозернистой гальки. Длина его — 14 см, ширина утолщенного конца — 9 см, противоположного — 7,5 см, толщина тонкого конца — 3 см, противоположного — 4,5 см. Судя по следам изношенности, утолщенный его конец являлся отбойником, а острый, обработанный несколькими легкими ударами и имеющий заостренный край с выемкой, служил для копания породы. Он был сплошь покрыт белой известью. Таким образом, орудие выполняло двойную функцию — и отбойника, и одноручной кирки.

Экз. инв. № 6719. Орудие овальное, из мелкозернистой породы темно-серого цвета. Длина его — 12,5 см, ширина — 9 см, толщина рабочего конца — 1 см, противоположного — 4 см. Оно тщательно обработано с обеих сторон небольшими сколами, идущими от края к середине. Рабочие края зигзагообразные, заостренные при вторичной отеске с помощью мелких сколов. Один конец уплощенно-заостренный, противоположный, служивший пяткой, — полукруглый, почти необработанный, слегка закруглен в результате использования в качестве отбойника и приспособлен для захвата рукой. Одна сторона орудия выпуклая, другая — плоская. С выпуклой стороны на правом боку имеются сколы. Использовалась как наковальня, а следы извести на рабочем крае свидетельствуют о применении в качестве одноручного ударника-кирки.

Экз. № 1895. Орудие изготовлено из продольно расколотой гальки овальной формы темно-серого цвета. Длина его — 13,5 см. Это орудие отличается от предыдущего тем, что галька от сильного удара раскололась во время работы не до конца — продольно на 9 см. Таким образом, на одном конце получилась обушковая часть, удобная для захвата рукой, а на противоположном — образовался острый край, служащий для копания почвы. Сплошные залегания извести на рабочем крае, выщербины и стертость его свидетельствуют о длительном применении этого орудия.

Легкие ударники для затупляющей ретуши. Орудия этого типа обычно небольших размеров: длина — 8,5—11 см, ширина — 5—7 см, толщина — 3,5—5 см. Вес колеблется в пределах от 150 до 500 г. Они бывают овальной, яйцевидной,

полукруглой формы с выемками и т. д. Орудия использовались первобытными людьми в качестве ретушеров-отбойников для затупления острого края, а также приострения их рабочих концов. Применялось ретуширование ударного типа — путем нанесения легких ударов по краю. Материалом для них служил галечник темно-серого и серого цвета. Такие орудия встречаются почти в каждой шахте Учтута. Рассмотрим несколько, наиболее характерных орудий этого типа.

Орудие уплощенное (инв. № 6968), длина его — 9 см., ширина — 7,5 см, толщина — 3 см, вес — 400 г. На концах имеются крупные выбоины от ударов. На одном конце прослеживается глубокая выемка, образовавшаяся в результате длительных чередующихся ударов в одну точку. На противоположном — эти следы выражены слабее. Использовалось для затупления острых краев кремневых орудий.

Орудие яйцевидной формы (инв. № 1671). Длина его — 8,5 см, ширина — 5 см., толщина 3,5 см, вес. 350 г. На концах и одном боку имеются четко выраженные следы от легких ударов по острому краю обрабатываемого орудия. Их можно разглядеть невооруженным глазом. Орудия такой формы преобладают в коллекции. Редкие экземпляры, весящие больше 500 г, употреблялись как отбойники, но их в шахтах найдено мало.

Орудие также яйцевидное (инв. № 412), весьма легкого веса — всего 150 г. Длина его — 6,5 см, ширина — 4,5 см, толщина — 2 см. Поверхность — гладкая; рабочей частью служили оба конца орудия, о чем свидетельствуют четкие следы изношенности. Использовалось как ретушер и как затупляющее орудие.

Орудия, аналогичные учтутским, встречаются и в галерее Сисбури (Великобритания). П. Харрисон в своем труде «Дальнейшие открытия в Сисбурии» (Additional Discoveries of Cissbury) пишет: «В одной шахте найдена почерневшая галька, по форме напоминающая яйцо курицы и используемая для праща. Это единственная галька, найденная в нижней части шахты. Интересно отметить, что в верхней части этой же шахты нашли 36 подобных галек»³. П. Харрисон считает, что эти гальки использовались при метании праща. Нам кажется, он заблуждается. Во-первых, на орудии, изображенном в книге Харрисона на рис. 14, заметны следы изношенности, свидетельствующие о функции его как ретушера или затупливающего инструмента. Во-вторых, если бы эти орудия действительно использовались при метании пра-

³ Park Harrison. Discoveries at Cissbury p. Journal of the antropological institute, 1877.

ща, то их не было бы найдено так много там, где люди добывали кремь, а не охотились.

Одноручные кирки легкого веса. В Учтутской коллекции орудий этого типа найдено около 30 экз. Все они изготовлены из речной гальки. Так же как и одноручные ударники-кирки, они имеют острый край, на рабочих краях четко прослеживаются остатки белой извести. Ввиду того, что орудия имели незначительный вес — от 150 до 300 г, они не могли употребляться как одноручные ударники-кирки. Как нам известно, кремь не всегда извлекали из породы целиком. Иногда желвак расщепляли на месте его залегания при помощи тяжелых двуручных кайл. Затем, прежде чем изготовить орудия, его поверхность очищали от корки. Именно для этой цели и использовали легкие орудия, имеющие острые края.

Орудия (инв. № 11) изготовлено из речной мелкозернистой гальки серого цвета. Длина его — 9,5 см, ширина — 6,5 см, толщина — 4,5 см, вес — 800 г. Одна сторона толще и с нее сильным ударом сколот крупный отщеп так, что образовался острый край, который служил для освобождения желвака от породы. Об этом свидетельствуют следы белой извести на остром крае орудия. Другой конец орудия служил для захвата рукой, а также использовался как ретушер, о чем говорят мелкие лунки от многих легких ударов. Экземпляр (инв. № 1790) также изготовлен из речной мелкозернистой гальки серого цвета, удлиненной формы. Длина его — 10 см, ширина — 5 см, толщина — 3,5 см, вес — 250 г. Это орудие обработано с обоих концов. Тонкий конец заострен одним сколом, толстый — обработан несколькими сколами. И на том и на другом конце просматриваются следы изношенности. На выпуклой стороне орудия имеются мелкие лунки, говорящие о функции ретушера.

Однако подобные орудия не всегда специально изготавливались. Нередко от сильных ударов орудие раскалывалось на крупные и мелкие отщепы, имеющие острые края. При весе отщепа больше 500 г им пользовались как одноручной киркой, при весе от 150 до 300 г — для очистки желвака от породы. Например, орудие подобного типа (инв. № 819) изготовлено из удлиненного галечного отщепа черного цвета. Ударная площадка очень хорошо заметна на левом конце орудия со стороны брюшка. Спинка орудия выпуклая. Оба конца тщательно обработаны несколькими крупными и мелкими сколами и имеют следы от белой известковой породы. В некоторых случаях для очистки желвака от породы пользовались обломками одноручной кирки. Примером такого вида орудия является экз. (инв. № 569), длина которого 6 см, ширина — 8 см, толщина — 3,5 см, вес — 200 г. Сломан-

ный конец его служил для захвата рукой, а противоположный острый край — для очистки желвака от породы. Многочисленные мелкие лунки на поверхности выпуклой стороны свидетельствуют о функции ретушера.

Одноручные ударники среднего веса. Орудия этого типа в основном удлиненной формы. Они использовались в естественном необработанном виде. Некоторые экземпляры выполняли функции одноручного ударника, одноручной кирки и наковальни. Нередко во время употребления в качестве ударника у орудия обламывались концы и тогда несколькими легкими ударами по образующемуся острому краю изготавливались орудия для копания породы. Кроме того, при работе орудие того же типа часто держали одной рукой за утоньшенный конец и производили движения не вертикальные, как при работе отбойником, а напоминающие движения дровосека.

Какова же разница между одноручной киркой и одноручным ударником? Киркой только копали породу, а с помощью ударника изготавливали орудия для копания породы, заготовки нуклеуса и т. д. Например, орудие (инв. № 1). Оно удлиненное, длиной 19,5 см., шириной — 7,5 см, толщиной 3,5 см. и весом 950 г. Изношено оно до предела. Оба конца вначале выполняли функции ударника, но из-за сбитости и выщербин были обработаны легкими ударами и использовались как одноручные кирки. Обе боковые части служили в качестве одноручного ударника (имеются следы изношенности в виде выщербин и сбитости). А на утолщенной стороне заметны мелкие лунки, свидетельствующие об использовании орудия как наковальни. Орудием того же типа, но иной формы является экз. № 690. Длина его 17 см, ширина в узком конце — 5 см, в широком — 8,5 см, толщина узкого конца — 2 см, ширина — 3,5 см, вес — 980 г. Узкий тонкий конец обработан и использован, судя по следам белой извести от породы на рабочем крае, как одноручная ударная кирка. Широкий и толстый конец применялся как ударник — есть следы изношенности. Обе боковые стороны использовались также в качестве одноручного ударника, но выступающий бок был больше в употреблении, чем противоположащий, ввиду удобства его использования. На выпуклой поверхности имеются следы, характерные для рабочей части наковальни. Следующий экземпляр выполнял всего одну функцию — одноручного ударника. Форма орудия трехгранная, длина — 17,5 см, ширина в одном конце — 7,5 см, в другом — 4,5 см, толщина — 3 см, вес — 750 г. (инв. № 2322). Правая боковая часть на широком конце с выпуклой стороной выступает продольно до середины орудия. На этой части четко прослеживаются следы изношенности от многих сильных ударов. Тонкий конец служил для захвата рукой. Кроме бокового края, оба конца также являлись ударниками,

о чем говорят следы сбитости. У всех вышеописанных одноручных орудий рабочими являлись выступающие вперед боковые части.

Однако есть экземпляры в Учтутской коллекции, рабочими частями которых являлись только оба конца, ибо эти орудия не имеют выступающей боковой поверхности. Их тонкие и длинные концы могли при боковом ударе быстро сломаться. Например, орудие № 983: удлиненное, из мелкозернистой гальки серого цвета, длина — 22 см, ширина — 5 см, толщина — 3,5 см, вес — 800 г. Один конец несколько уплощенный. На поверхности орудия и боковых частях никаких следов не прослеживается. Зато имеются следы изношенности в виде сбитости и выщербины на обоих концах орудия.

Копалки-зонды. В Учтутской коллекции встречаются орудия из речных галек и из кремня плохого качества удлиненной формы. Каждое орудие этого типа на одном конце имеет острие и по своей форме напоминает мустьерские наконечники. Остриями этих орудий, нанося легкие удары, зондировали породу, определяя место залегания желвака кремня. В нашем распоряжении имеется орудие (инв. № 4785), изготовленное из кремня плохого качества бело-серого цвета, форма удлиненная. Длина — 15 см, ширина — 6 см, толщина — 3,5 см, вес — 300 г. Ударная площадка со стороны брюшка немного скошена. В остальной части ее имеется шероховатая желвачная корка. Со стороны брюшка заметен продольный выступ, резко выдающийся до середины орудия вперед и затем сужающийся к концу острия. Толстая часть орудия служила для захвата рукой. Острие орудия обработано со стороны брюшка несколькими легкими ударами, и на этой части хорошо прослеживаются следы изношенности.

Другой экземпляр (инв. № 2745) также изготовлен из кремня плохого качества, розового цвета. Длина его — 16,5 см, ширина — 6,5 см, толщина — 3,5 см, вес — 400 г. Ударная площадка орудия скошена. Спинка выпуклая и на 1/3 сохраняет желвачную корку. Оба боковых края имели острое лезвие. Чтобы не поранить руку, оба края легкими ударами были затуплены. Правый край со стороны брюшка обработан несколькими крупными и мелкими сколами, острие орудия обработано со стороны спинки. Четко прослеживаются следы изношенности. Орудие использовалось, как и первое, в качестве зонда.

Если зонды из кремня изготовлялись специально, то из галечника они получались случайно — когда при употреблении удлиненные гальки продольно раскалывались, образуя на одном конце острие. Острие немного подправляли и получали зонд. В нашем распоряжении имеется орудие (инв. № 1374). Длина его 18,5 см, ширина — 5 см, толщина — 2,5 см, вес —

300 г. Получено из продольного расколотого ударника. Один конец и обе боковые грани сохранили следы изношенности, характерные для этого типа орудия. Другой конец раскололся от сильного удара продольно и образовал острие; после подправки орудие было использовано в качестве зонда.

Судя по находкам деревянных орудий в шахтах Европы, а также по результатам проведенных нами экспериментов, можно предполагать, что горняки Учтута пользовались и деревянными орудиями, которые до нас не дошли.

Надо отметить тот факт, что все вышеописанные орудия связаны только с добыванием кремня. Ни одно из них не имеет бытового характера. Следы изношенности говорят о применении их на месте кремнедобывающих шахт.

ДУКЕ ХУАН

К ВОПРОСУ О ХОЗЯЙСТВЕ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ ПЛЕМЕН ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

В результате работ последних лет в Восточном Приаралье¹, в Центральном Казахстане² и особенно в Хакассии³ накоплен богатый материал, который позволяет в некоторой степени охарактеризовать ряд вопросов, относящихся к области хозяйственных и общественных отношений эпохи поздней бронзы в степях Средней Азии и Сибири.

В конце II тыс. до н. э. в относительно короткий срок культура племен, обитавших в Минусинской котловине, резко меняется. Андроновская культура сменяется карасукской.

Некоторые исследователи утверждают, что карасукская культура не может быть преемственно и генетически связана с предшествующей андроновской культурой⁴. Другие, наоборот, считают, что карасукская культура развивалась из предшествующей ей андроновской и генетически с ней связана⁵. Исследовав большую часть керамического материала карасукского типа Восточного Приаралья, Центрального Казахстана и Енисея, автор этой статьи поддержал вторую точку зрения⁶.

¹ С. П. Толстов, Т. А. Жданко, М. А. Итина. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1961 гг., МХЭ, вып. 6, 1963, стр. 37—46.

² К. А. Акишев. Древняя культура Центрального Казахстана, Алма-Ата, 1966, стр. 258—266; 284—294.

³ М. П. Грязнов. Работы Красноярской экспедиции, КСИА, вып. 100, 1965, стр. 66.

⁴ А. Я. Брюсов. Археологические культуры и этнические общности, СА, 1956, XXVI, стр. 91; М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу, М., 1955, стр. 550; Н. Л. Членова. О культурах бронзовой эпохи Западной Сибири, СА, 1955, XXIII, стр. 48.

⁵ С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае, МЭ, т. III, вып. 2, 1927, стр. 102; М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка, МИА, 1956, № 48, стр. 36.

⁶ Х. Дуке. О некоторых параллелях тагискенской и карасукской керамики. Сборник ИМКУ, вып. 8, 1969, стр. 67.

Пастушеско-земледельческие племена Енисейских степей на определенном историческом этапе перешли на новую ступень своего культурного развития — к карасукской культуре, возникшей в связи с более перспективным типом хозяйства — яйлажной системой скотоводства⁷. Можно предполагать, что подобное явление наблюдалось и среди пастушеско-земледельческих племен Средней Азии и Казахстана. Основные предпосылки для перехода к яйлажной системе скотоводства были подготовлены в предшествующий период.

В карасукскую эпоху, видимо, каждый родовой поселок переселялся со своим скотом весной с зимних пастбищ, где находились посевы, на летние, а осенью обратно.

Переход к яйлажной системе скотоводства позволил расширить кормовую базу для скота и увеличить его поголовье, получать больше продуктов скотоводства. Экономическая обеспеченность населения возросла. Это, естественно, привело к увеличению количества населения. Об этом можно судить по большим размерам могильников, иногда содержащих сто и более могил (Карасук I, Кюргеннер, Сухое Озеро II, Малые Копены).

К. В. Сальников отмечал, что характер скотоводства по этапам на основании находок на поселениях установить трудно, так как на всех селищах оказались наслоения не одного этапа развития андроновских племен, а двух-трех. Для этой цели более надежным источником служат остеологические остатки, сопровождающие погребения⁸. Но если это положение К. В. Сальникова правильно для Южного Зауралья, то для большинства других районов оно неприемлемо.

В могильнике Тасты-Бутак I андроновской культуры исследовано 100 могил и лишь в пяти из них были обнаружены кости животных: барана, коровы или лошади⁹. М. Н. Комарова отмечала, что племена андроновской культуры в Енисейских степях снабжали покойника мясной пищей лишь в некоторых случаях¹⁰, а в могильнике тазабагьябской культуры Кокча 3 ни в одной из раскопанных 74 могил не было найдено костей животных¹¹. Аналогичную картину мы наблюдаем среди памятников андроновской и карасукской культур на верх-

⁷ М. П. Грязнов. Вопросы сложения и развития ранних кочевых обществ, КСИЭ, XXIV, 1955, стр. 23.

⁸ К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала, М., 1967, стр. 328.

⁹ В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане, МИА, 1962, № 120, стр. 36.

¹⁰ М. Н. Комарова. Памятники Андроновской культуры близ улуса Орак, АС, вып. 3, 1961, стр. 52.

¹¹ М. А. Итина. Могильник бронзового века Кокча 3, МХЭ, вып. 5, 1961, стр. 54.

ней Оби¹². В Минусинской котловине известен карасукский могильник около с. Усть-Ерба, где кости животных отсутствуют¹³. Однако последний пример не является характерным для карасукских могил. Наоборот, скорее всего его можно приводить только в качестве исключения.

Таким образом, если судить по остеологическим материалам, встречающимся в могилах, выходит, что ряд андроновских и карасукских племен не занимался скотоводством. Но это противоречит общеизвестным фактам.

Интересные данные о составе стада в поселках андроновской культуры приводит М. П. Грязнов. Среди кухонных остатков кости крупного рогатого скота составляют 32—73%, мелкого скота — 19—47%, лошадей — 5—15% и лишь 1—2% принадлежит диким животным¹⁴.

Из карасукских поселений особое значение имеет поселение Ирмень 1 на р. Ирмени, где не только собран интересный материал для характеристики хозяйства и быта карасукских племен, но и вскрыты остатки жилищ¹⁵. Здесь первое место среди кухонных остатков принадлежит крупному рогатому скоту, второе — овце, третье — лошади, а кости диких животных — составляют менее 1%.

Подобную картину мы получили и по остеологическим материалам из поселений X—VIII вв. до н. э.

Каменный лог 1		Каркаралинское	
Корова	— 145	Крупный рогатый скот	— 401
Баран	— 125	Мелкий рогатый скот	— 398
Козел	— 12	Лошадь	— 274
Лошадь	— 38	Собака	— 5
Собака	— 25	Кулан	— 2
Косуля	— 22	Джейран	— 2
Марал	— 9	Лисица	— 1
Кабан	— 1	Заяц	— 2
Птица	— 3		

Костей домашних животных 345; костей диких животных — 32 (не считая птиц).

Костей домашних животных — 1078; костей диких животных — 7.

¹² М. П. Грязнов. История древних племен..., стр. 14—43.

¹³ С. В. Киселев. Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931 и 1932 гг., СА, III, 1937, стр. 163, 165.

¹⁴ М. П. Грязнов. Вопросы сложения и развития..., стр. 25.

¹⁵ М. П. Грязнов. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири, КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 34.

Улутау

Крупный рогатый скот	— 156
Мелкий рогатый скот	— 142
Лошадь	— 173

Костей домашних животных — 471; костей диких животных — 10¹⁶.

Из этих данных видно, что на поселениях андроновской и карасукской культур в X—VIII вв. до н. э. кости диких животных составляют небольшое количество. Очевидно, охота в хозяйстве играла незначительную роль. А среди домашних животных на первом месте стоит крупный рогатый скот, на втором — мелкий. Поскольку кости с поселений являются кухонными отбросами, надо полагать, что они ближе отражают истинное положение в реальном стаде, чем остеологические остатки в могилах. Однако, учитывая то, что мелкий рогатый скот значительно более «скоропел», чем корова и лошадь, можно предполагать, что в реальном стаде количество голов крупного рогатого скота было больше, чем мелкого, или примерно одинаковое.

С. В. Киселев и Н. Л. Членова считают, что основным занятием карасукских племен было овцеводство¹⁷. Они обосновывают это положение тем, что в могилах преобладают кости овцы. Действительно, в большинстве карасукских могил встречаются кости овцы. Это объясняется тем, что карасукцы устраивали тризны и клали умершим по ритуалу четыре куска мяса, в основном правую часть барана. Об этом можно судить по остаткам костей в могилах. Обычно встречаются: правая лопатка, б. берцовая, несколько ребер и бедренная кость. А отсутствие в подавляющем большинстве могил костей коровы, видимо, объясняется тем, что в карасукскую эпоху корова не была жертвенным животным.

Наши сведения об этом периоде в Центральном Казахстане и Средней Азии очень скудны. Поэтому некоторые вопросы мы можем решить в сравнении с материалами карасукской культуры на Енисее, где эти проблемы изучены глубже.

Если инвентарь, в основном керамика, из могильников типа Дындыбай, Бегазы, Тагискен, оказался достаточным, чтобы дать им общую археологическую характеристику, и позволил нам считать эти памятники синхронными карасукским на

¹⁶ Древняя культура Центрального Казахстана, Алма-Ата, 1966, (приложение 3), стр. 301.

¹⁷ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, МИА, 1949, № 9, стр. 84; Н. Л. Членова. Карасукская культура в Южной Сибири. Древняя Сибирь, 1964, стр. 264.

Енисее¹⁸, то отрывочность и незначительность материалов не позволяет сколько-нибудь конкретно осветить вопросы хозяйства, быта и социального строя племен эпохи поздней бронзы. Однако в связи с тем, что поселения карасукского времени в Центральном Казахстане и в Восточном Приаралье неизвестны, мы вынуждены опираться на остеологические материалы из могильников.

Итак, какими материалами мы располагаем для того, чтобы хотя бы в общих чертах осветить вопросы хозяйства и общественных отношений в карасукскую эпоху в Центральном Казахстане и Средней Азии? В Центральном Казахстане нам известны следующие памятники карасукского типа: Дындыбай, Бегазы, Бугулы II, Сангуыр. В Восточном Приаралье — могильник Тагискен. В Средней Азии керамика карасукского типа в незначительных количествах обнаружена на Зарафшане¹⁹ и в районе сел Каинда и Джаильма на р. Чу²⁰.

В погребении Дындыбай II среди могильного инвентаря на дне могилы и в заполняющей ее земле были найдены: большая берцовая кость барана, астрагал, пяточная кость и обломок плечевой кости барана, а также два ребра лошади и челюсти старой собаки²¹.

В могильнике Бегазы кости овцы и лошади преобладают над костями крупного рогатого скота и диких животных. Здесь было обнаружено много трубчатых костей, ребер, позвонков, зубов, пяточных костей, лопаток, астрагалов²². К. А. Акишев отмечал, что в могильнике Бегазы кости барана составляли 80%, лошади — 12% и коровы — 8%²³.

Об остеологическом материале могильника Бугулы II нам известно немного. В оградах 1 и 3 были найдены обломки трубчатых костей барана.

Об остальных памятниках, кроме Тагискена, нам ничего неизвестно. В могильнике Тагискен при раскопках некоторых мавзолеев были обнаружены кости коровы и козы. Интересно отметить, что в одном из самых грандиозных мавзолеев —

¹⁸ Х. Дуке. О некоторых параллелях тагискенской и карасукской керамики, ИМКУ, вып. 8, 1969, стр. 67.

¹⁹ Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскар-ов. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана, Ташкент, 1966, стр. 227.

²⁰ А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина», МИА, 1960, № 14, стр. 104—106.

²¹ М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане, СА, XVI, 1952, стр. 134.

²² Л. Р. Кызласов и А. Х. Маргулан. Плиточные ограды могильника Бегазы, КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 133—134.

²³ К. А. Акишев. Древняя культура Центрального Казахстана, Алма-Ата, 1966, стр. 262.

мавзолее 6, были вскрыты две ямы, одна из которых содержала множество костей, по-видимому, коров²⁴.

Краткая характеристика остеологического материала из могильников карасукского этапа Центрального Казахстана и Восточного Приаралья показывает, что остеологические остатки в этих могильниках мало чем отличаются от карасукских на Енисее.

Мы отмечали, что карасукцы клали в могилу четыре куска мяса, как правило, правую часть барана, хотя в некоторых могилах встречаются и кости коровы, реже лошади. Судя по костным остаткам из могильников Дындыбай, Бегазы, Бугулы II, племена, оставившие эти памятники, также устраивали тризны и клали в могилу определенную часть барана.

Об остеологическом материале из Тагискена мы будем говорить ниже в связи с вопросом об общественных отношениях в этот период.

Таким образом, в карасукскую эпоху скотоводство стало ведущей отраслью хозяйства. В одной из своих работ Н. Л. Членова пишет... «мы не можем достоверно утверждать, что карасукские племена занимались земледелием. Землю им приходилось копать, видимо, лишь при устройстве землянок, хозяйственных ям и могил»²⁵.

Вряд ли мы можем считать карасукские племена чисто скотоводческими. Они, безусловно, занимались и земледелием. Об этом мы можем судить во-первых, по находкам зерно-терок (Кюргеннер, могила 48, «Буфер», могила 2 и др.). О том, что карасукцы занимались земледелием также свидетельствует целый ряд бронзовых серпов, найденных случайно. Поэтому можно предполагать, что и племена Центрального Казахстана и Средней Азии также занимались земледелием «в условиях скотоводческого яйлажного хозяйства при ежегодных переселениях с зимних пастбищ на летние и обратно»²⁶. Об этом можно судить и по тому, что в одном из горшков из могильника Бугулы II были обнаружены остатки растительной пищи в виде густого нагара, которая, как утверждает К. А. Акишев, «была пищей типа каши из неочищенного проса, пшеницы или ячменя»²⁷.

Значительный прогресс по сравнению с предшествующим временем произошел и в металлургии. Если в могилах андроновской культуры на Енисее из бронзовых предметов встречались в основном украшения, реже шилья и иглы, то среди

²⁴ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962, стр. 83—84.

²⁵ Н. Л. Членова. Карасукская культура..., стр. 268.

²⁶ М. П. Грязнов. Восточное Приаралье, Средняя Азия в эпоху камня и бронзы, М., 1966, стр. 238.

²⁷ К. А. Акишев. Древняя культура..., стр. 260.

карасукских металлических предметов, найденных как в могилах, так и среди подъемного материала, имеются бронзовые ножи, кинжалы, серпы, более разнообразные украшения и т. д. В Центральном Казахстане и в Восточном Приаралье об этом прогрессе можно судить, в первую очередь, по литым бронзовым наконечникам стрел, найденным в погребении Дындыбай II, Бегазы и Тагискен.

Таким образом, общий процесс исторического развития в Сибири, Центральном Казахстане и Средней Азии протекал в сходных условиях.

Приведенные выше данные указывают на то, что смена андроновской культуры карасукской была обусловлена внутренними историческими процессами. Последняя развивалась из предшествующей — андроновской культуры. И этот процесс происходил не только на Енисее, но и в Центральном Казахстане и в Восточном Приаралье. Поэтому мы считаем неверной мысль некоторых археологов о том, что «...прослеживаемая смена культур не может быть объяснена изменениями быта, хозяйства, общественного уклада, а связана, очевидно, с приходом новой этнической группы»²⁸.

Действительно, если допустить, что в Енисейских степях смена андроновской культуры карасукской связана с приходом нового населения, то как объяснить смену культур в Центральном Казахстане и Восточном Приаралье?

Сведения наши об этом периоде в Центральном Казахстане и Восточном Приаралье еще очень ограничены, но все же можно полагать, что в конце II тыс. до н. э. пастушеско-земледельческие племена этих областей продолжали развивать свое хозяйство и общественную жизнь в том же направлении, что и родственные племена Енисея.

Остановимся подробнее, насколько позволяют имеющиеся материалы по Центральному Казахстану и Восточному Приаралью, на вопросе об общественном строе в этот период. О нем можно судить по таким богатым памятникам, как Дындыбай, Бегазы, Сангуыр, Бугулы II, Тагискен, указывающим на наличие значительной экономической дифференциации. Уже среди памятников Центрального Казахстана алакульского этапа андроновской культуры наблюдается заметное различие могил по размерам и богатству могильного инвентаря. Иногда в одной могиле находят металлические вещи и по 6—8 сосудов (Балкылдак 1,8; Айшрак 4 и др.). По памятникам типа Дындыбай, Бегазы, Тагискен можно наблюдать дальнейшее развитие этого процесса.

²⁸ Э. А. Новгородова. Центральная Азия и карасукская проблема (автореферат), 1965, стр. 13.

М. П. Грязнов отмечал в отношении могилы Дындыбай II, что она принадлежала представителю богатой семьи, занимающему, должно быть, и какое-то видное общественное положение в роде или племени²⁹. Об этом говорит и разграбление могилы вскоре после захоронения. А случаи разграбления могил в этот период являются очень редкими.

О дальнейшем развитии имущественного неравенства свидетельствует и появление тамг на двух сосудах из могилы Дындыбай II, указывающих на стремление отдельных лиц обособить свою собственность от общественной. Подобные знаки часто встречаются на бронзовых серпах Минусинской котловины на карасукском этапе.

Судя по размерам могильных сооружений, их монументальности — могилы Бегазы, Сангуыр также принадлежат представителям родоплеменной знати. Но, к сожалению, от несомненно обильного могильного инвентаря сохранилось очень немногое.

Некоторые исследователи Центрального Казахстана считают, что подобного рода громадные памятники эпохи поздней бронзы (Бегазы) «могли быть возведены только в период разложения первобытно-общинного строя»³⁰. Другие — связывают резкие изменения в хозяйстве и общественных отношениях племен в дындыбаевско-бегазинское время с переходом общества к новой форме хозяйства — кочевому скотоводству³¹.

Мы считаем, что говорить о разложении первобытно-общинного строя в этот период еще рано, а изменения в хозяйстве и общественных отношениях племен в дындыбаевско-бегазинское время были связаны, безусловно, с переходом общества к новой форме хозяйства. Но говорить о кочевом скотоводстве в этот период не следует, ибо данный процесс произошел в раннесакское время, примерно в VIII—VII вв. до н. э.

Что касается могильника Тагискен, где сооружались величественные мавзолеи из сырцового кирпича, окруженные небольшими могильными сооружениями разной формы и размеров, то в них, по-видимому, были погребены представители высшей племенной знати, вероятнее всего, племенные вожди, а в пристроенных к мавзолеям могилах — члены их семей и приближенные. О грандиозности мавзолеев Тагискена свидетельствует, например, тот факт, что только на сооружение мавзолея 6 было израсходовано приблизительно столько

²⁹ М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа..., стр. 160.

³⁰ А. Х. Маргулан. Открытие новых памятников культуры эпохи бронзы Центрального Казахстана, М., 1960, стр. 9.

³¹ К. А. Акишев. Древняя культура..., стр. 288.

грунта, сколько на строительство первого пазырыкского кургана из камней на Алтае. Как отмечал М. П. Грязнов, на сооружение последнего было затрачено не менее 2500—3000 человеко-дней³².

О богатстве могил в Тагискене говорит и то, что в некоторых мавзолеях, несмотря на ограбление и пожар, сохранилось значительное количество могильного инвентаря, например, керамики. В мавзолее 6 обнаружено 60 сосудов, в пристроенной с севера к мавзолею 5 могиле — 40. Кроме того, в разных могилах найдены: бронзовые втульчатые наконечники стрел, бронзовые гвозди для навешивания ковров, обломок бронзового серпа, а также золотые украшения: массивная золотая серьга, бусы и т. д.

М. П. Грязнов отмечал по поводу сосудов из погребения Дындыбай II, что они довольно разнообразны по технике изготовления, по форме и орнаментации. По-видимому, покойнику, кроме его собственной посуды, клали и посуду его соплеменников, принимавших участие в похоронах³³.

Так как в Тагискене были, вероятно, похоронены вожди местных племен, то не исключено, что в сооружении этих громадных мавзолеев участвовали все члены племени или нескольких племен. Они хоронили своих вождей с частью богатств, не только им принадлежащих, но и тех, которыми владело племя. Этими материальными ценностями могли быть, кроме золотых вещей, также и бронзовые. Например, стрелы, разнообразная посуда, в том числе и полученная в качестве обмена, сделанная на гончарном круге. Этим богатством, по нашему мнению, являлся также и достаточно полно представленный крупный рогатый скот (коровы, как предполагает С. П. Толстов³⁴), которых вряд ли стали бы класть в могилу рядовым членам племени.

С. П. Толстов отмечал, что характер жилищ, инвентарь и животные, сопровождавшие погребения в мавзолеях Тагискена, несомненно, свидетельствуют о том, что перед нами не кочевой, а оседлый народ, занимавшийся разведением крупного и мелкого рогатого скота и земледелием³⁵. С этим высказыванием С. П. Толстова трудно согласиться, так как известно, что некоторые народы кочевали с крупным рогатым скотом, например, массагеты в Приаралье и скифы.

³² М. П. Грязнов. Первый пазырыкский курган, Л., 1950, стр. 68.

³³ М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа..., стр. 151.

³⁴ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962, стр. 84.

³⁵ С. П. Толстов. Результаты историко-археологических исследований 1961 г. на древних руслах Сырдарьи, СА, 1962, № 4, стр. 137.

Тагискенцы, безусловно, имели довольно прочные связи не только с племенами карасукского этапа из Казахстана, но и, как видно, Енисея, а также с племенами южных земледельческих районов Средней Азии. Очевидно, что в результате торговых связей с ними тагискенцы получили ряд сосудов, сделанных на гончарном круге, по-видимому, от земледельческих племен они заимствовали и применение в строительстве сырцового кирпича.

Таким образом, существование специального могильника с величественными мавзолеями в Тагискене, где погребались вожди племен и их приближенные, свидетельствует о том, как далеко зашел процесс разложения патриархального рода и выделения слоя родовой и племенной аристократии.

Дж. КАБИРОВ

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ САРМЫШСАЯ

Известно, что на территории Узбекистана, как и в других районах Средней Азии, широко распространены памятники наскальных изображений. Среди них особое место занимают наскальные изображения Сармышсая, находящиеся в горах Каратау, недалеко от города Навои. Этот замечательный памятник был впервые обнаружен археологом Х. И. Мухамедовым¹, частично изучался Н. Х. Ташкенбаевым². О нем неоднократно упоминалось в печати. Однако достаточно полного описания и подробного анализа рисунков пока еще не сделано.

В 1966—1967 гг. автор данной статьи в составе Махан-дарьинского археологического отряда Института истории и археологии АН УзССР под руководством академика Я. Г. Гулямова занимался исследованием наскальных изображений Сармышса³. В результате напряженной работы группа обнаружила новые местонахождения древних наскальных изображений в ущелье Тангатарсая, Бирансая, Гуртутсая, Киличликсая, Атчапарсая и других районов Каратау. Было скалькировано и сфотографировано более 300 изображений людей, животных и различных знаков.

По своему сюжету и тематике наскальные изображения Сармышсая представляют большой интерес не только в нашей республике, но и по всей Средней Азии. На этих рисунках изображены группы людей, диких быков — туров, диких козлов, архаров, оленей, джейранов и кабанов. Часто встречаются

¹ Х. И. Мухамедов. Археология янгиликлари, «Қызыл Ўзбекистон», 10 декабрь 1958 г.

² Н. Х. Ташкенбаев. Наскальные изображения Караунгурсая и Сармышса, ИМКУ, вып. 7, 1966, стр. 36—39.

³ В работе отряда приняли участие М. Р. Касымов (нач. отряда), У. Исламов, Т. Мирсаатов, Р. Сулейманов, Я. Амиров, М. Тагиев, С. Алимов и др.

ся рисунки лошадей, верблюдов, куланов, собак, волков, лисиц, барсов, а также композиции, изображающие сцены охоты на диких козлов, архаров, оленей и быков. В охоте участвовали иногда всадники, но чаще — пешие лучники. Излюбленный мотив древних художников — нападение барса или волка на оленей, козлов, быков (рис. 1). Зарегистрированы сцены загона скота всадниками-пастухами и ритуальные танцы. Зафиксированы солярные знаки (изображение змей) в форме чаши и различные обозначения. В рисунках представлена борьба зверей друг с другом, сцена боя между лучниками и зверями с арабской надписью. В одной композиции ху-

Рис. 1. Сармыш. Сцена охоты на диких быков.

дожник того времени достаточно реалистично изображает сцены групповых охот на диких быков. Интересен тот факт, что в охоте участвуют собаки.

На другой грани изображен бегущий архар. Хорошо переданы общие очертания и пропорции животного. Архар с закрученными рогами изображен в профиль (рис. 2).

Одна из композиций посвящена охоте на козла. Лучник стреляет в бегущее животное. Охотник изображен стоящим в полупрофиль к зрителю, с согнутой левой и вытянутой правой рукой. Рисунок выполнен довольно умелой рукой, реалистично переданы пропорции и общие очертания фигуры животного. Козел изображен в стремительном беге. Саблевидные рога чуть отогнуты назад (рис. 3).

Техника нанесения наскальных изображений Сармышская весьма разнообразна. Изображения выбивались ударным способом при помощи металлических и, возможно, каменных орудий. Следы инструмента различны: круглые, треугольные, удлиненные, каплевидные и неопределенной формы. Глубина

варьирует от 0,5 до 3 мм, а диаметр следов — мелких, средних и крупных — от 1 до 4 мм. Подобной же техникой выполнялось большинство наскальных изображений Средней Азии и Казахстана, петроглифы Тувы и Монголии, писаницы Сибири и Дальнего Востока.

Первоначальное исследование показало, что наскальные изображения Сармышая подразделяются на несколько стилистических групп: линейно-схематический стиль; геометрический теневой стиль; реалистический теневой стиль; орнаментально-геометрический стиль; орнаментально-реалистический стиль.

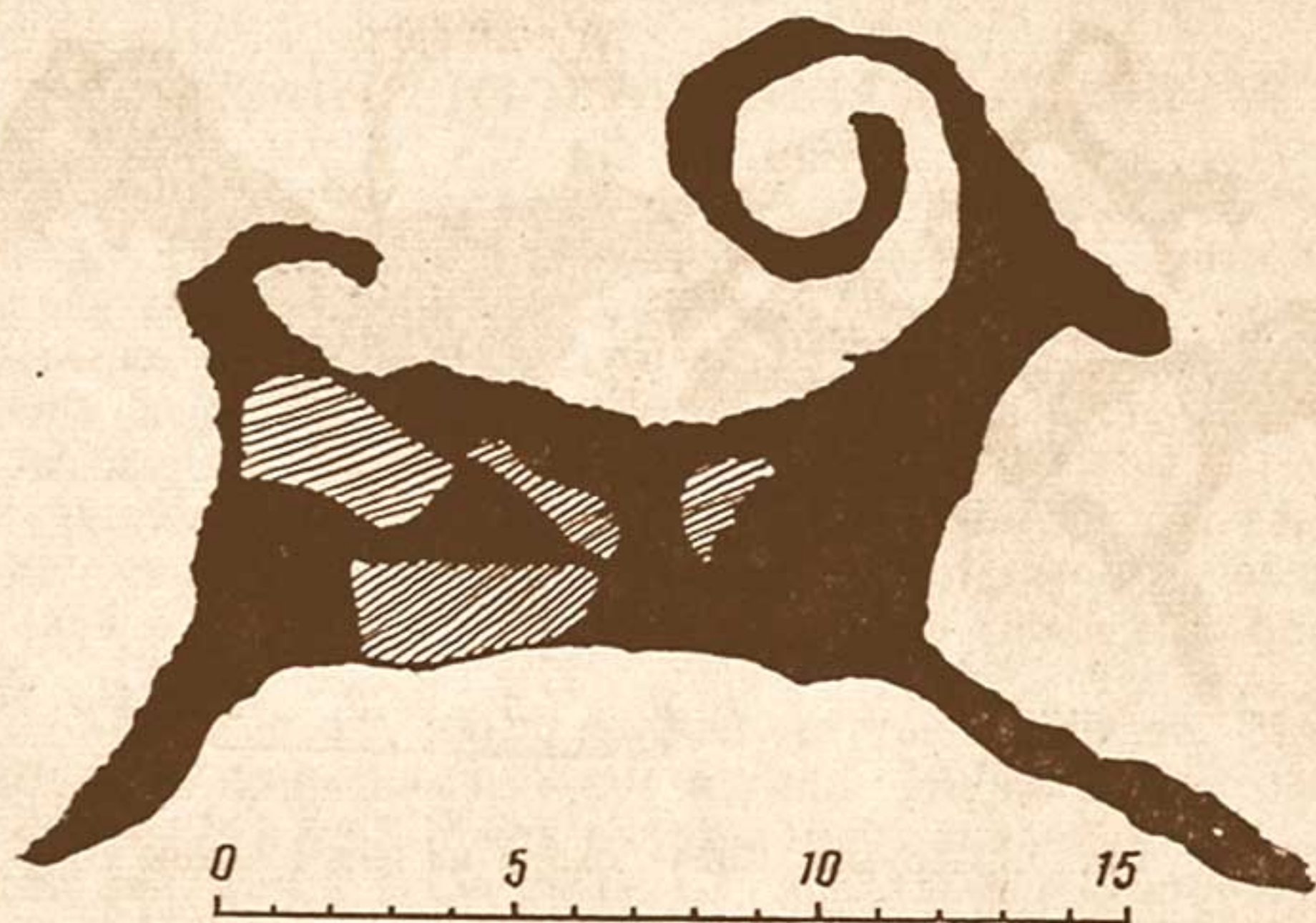

Рис. 2. Сармыш. Изображение архара.

Наскальные изображения Сармышая, в зависимости от времени их нанесения, отличаются друг от друга по стилю, по композиции, сюжету и размеру, а также по степени сохранности. Иногда эти рисунки высекались один над другим. Эти изображения, безусловно, выполнялись в разное время представителями различных племен, некогда обитавших в горах Каратау и их окрестностях. Изучение наскальных изображений дает возможность приблизительно установить их датировку, хотя этот вопрос представляет собой чрезвычайно сложную задачу. Трудность разрешения ее заключается в том, что в отличие от других археологических памятников, писаницы не сопровождаются какими-либо датирующими предметами, например, монетами или изделиями характерных форм⁴.

⁴ А. П. Окладников. Петроглифы Ангара, М.—Л., 1966, стр. 107.

Для уточнения и выяснения датировки наскальных изображений Каратау можно использовать методы исследования ряда советских ученых по установлению хронологии наскальных изображений. В определении возраста наскальной росписи решающее значение имеют сюжетно-смысловое содержание, стилистические особенности, сопоставление анализируемого

Рис. 3. Сармыш. Сцена охоты на оленя.

изображения с надежно датированными предметами искусства, рисунками на крашеной керамике, обнаруженными из раскопа археологических памятников⁵, а также с датированными комплексами наскальных изображений⁶, исследование элементов техники⁷.

⁵ А. П. Окладников. Петроглифы Ангара, стр. 107; А. Д. Грач. Петроглифы Тувы I, Сборник МАЭ АН СССР, вып. XVII, М.—Л., 1957, стр. 402—403; А. Н. Бернштам. Наскальные изображения Саймалы-Таш, СЭ, 1952, № 2, стр. 65—67.

⁶ А. П. Окладников. Петроглифы Ангара, стр. 108.

⁷ А. Д. Грач. Петроглифы Тувы I, стр. 403.

Первоначальный сравнительный анализ показывает, что наскальные изображения исследуемого района находят себе близкие аналогии среди наскальных изображений Саймалы-Таша⁸, Горного Бадахшана⁹, верховий реки Зарафшана¹⁰, Сураты¹¹, Охны¹² и в других районах Средней Азии. Подобные рисунки встречаются также и в горных местностях Казахстана¹³, Тувы¹⁴, Монголии¹⁵ и в других районах Центральной Азии.

Наскальные изображения Сармышсая, как мы указывали выше, выполнялись в течение многих веков многими поколениями древних художников и относятся к различным периодам истории человеческого общества.

Первоначальное исследование и сравнительный анализ дает возможность сделать предположение, что самые ранние изображения Сармышсая относятся к эпохе бронзы (начало II тыс. до н. э.), частично к сакскому периоду (VIII—III вв. до н. э.), но среди них встречаются изображения более позднего времени (I в. до н. э. и I—VI вв. н. э.).

Наскальные изображения Средней Азии, в частности, Сармышсая, не случайно аналогичны петроглифам Казахстана, Кавказа, Афганистана, Тувы, Монголии и писаницам Южной Сибири. Основываясь на сравнительном изучении петроглифов и других археологических материалов, А. П. Окладников, А. Д. Грач и другие ученые пришли к выводу, что, безусловно, существовали взаимосвязи различных этнических групп, обитавших на удаленных друг от друга территориях Центральной и Средней Азии¹⁶.

⁸ А. Н. Бернштам. Наскальные изображения Саймалы-Таш, стр. 58—59, рис. 7—8.

⁹ В. А. Ранов, А. В. Гурский. Краткий обзор наскальных рисунков Горно-Бадахшанской автономной области ТаджССР, СЭ, 1966, № 2, стр. 110—119, рис. 2—3.

¹⁰ А. Н. Дальский. Наскальные изображения в бассейне реки Зарафшан, МИА, № 15, 1950.

¹¹ М. Э. Воронец. Наскальные изображения в Южной Киргизии, Труды Кирг. Госпединститута, Фрунзе, 1951, стр. 78.

¹² Г. В. Шацкий. Редкие сюжеты на петроглифах Охны, ИМКУ, вып. 7, 1966, Ташкент, стр. 40—42, рис. 1—2.

¹³ Л. Р. Кызласов. Сары-Булакская писаница в Бетпак-Дале, КСИИМК, вып. XXXV, 1950, стр. 139—143, рис. 60; С. С. Черников. Наскальные изображения верховий Иртыша, СА, № 9, 1947, стр. 250—281; А. Г. Максимова. Наскальные изображения ущелья Тамгалы, ВАН КазССР, 1958, № 9, стр. 108—110, рис. 2—4.

¹⁴ А. Л. Грач. Петроглифы Тувы I, Сборник МАЭ, XVII, стр. 403—407, табл. XIX—XXII, XXIII, XXV, XXVIII, XXIX.

¹⁵ Дорж. К истории изучения наскальных изображений Монголии, МАС, М., 1962, стр. 45—54, рис. 9, 10, 11, 12, 13.

¹⁶ А. П. Окладников. Петроглифы Ангары, стр. 3.

Исследование наскальных изображений Сармышсая имеет большое научное значение для изучения древнейшей истории, культуры и искусства Узбекистана.

Многочисленные наскальные изображения животных, обнаруженных в горах Каратау и в других районах республики, представляют интерес и для зоологов, т. к. дают возможность ознакомиться с древнейшим животным миром горных районов Средней Азии.

Уточнение и выяснение хронологической классификации и расшифровка смыслового содержания наскальных изображений, взаимосвязи народов Средней Азии с соседними племенами — дело будущего.

О. В. ОБЕЛЬЧЕНКО

АГАЛЫКСАЙСКИЕ КУРГАНЫ

В 12 км юго-западнее Самарканда старая Каршинская дорога пересекает русло Агалыксая и идет параллельно горной гряде, которая с юга ограничивает степь. На левом берегу сая дорога имеет несколько ответвлений, ведущих к селениям, расположенным в горных ущельях. Вдоль одной из них по направлению к селению Миранкуль высятся курганы, одиночные или небольшими группами. Какой-либо определенной системы в их расположении нет. Расстояние между группами и отдельными курганами различно. Одна группа насыпей (8 курганов) расположилась в виде цепочки, вытянутой с юга на север. Расстояние между насыпями — 0,5—0,7 км от западного берега русла Агалыксая. Другая группа находится примерно в одном километре западнее первой, расположилась у дороги, идущей к Миранкулю. Она состоит из четырех насыпей. Ближе к Миранкулю находится еще одна группа курганов, состоящая также из нескольких насыпей. Большие курганы расположены севернее и западнее двух последних групп в степной полосе и южнее старой Каршинской дороги. Всего на этом пространстве находится около двух десятков курганных насыпей.

Вся степная полоса от подошвы горного хребта на юге, до арыка Даргом на севере распахана под посевы богарной пшеницы. Имеющиеся насыпи уцелели благодаря своим большим размерам или потому, что находятся на участках пересеченного рельефа местности. Несомненно, что обнаруженные в этом районе курганы — остатки большого могильника, уничтоженного, видимо, много сотен лет назад из-за распашки посевов богарной пшеницы.

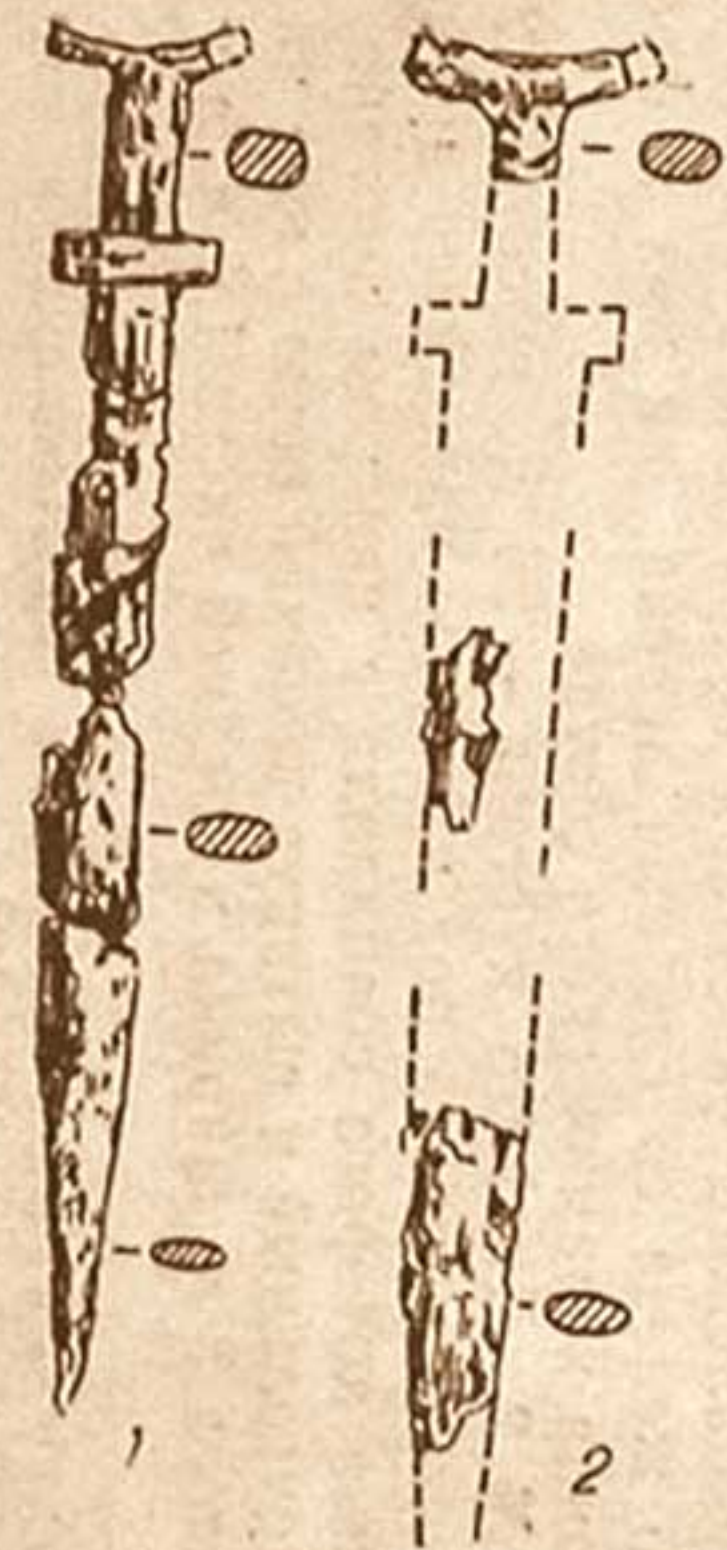
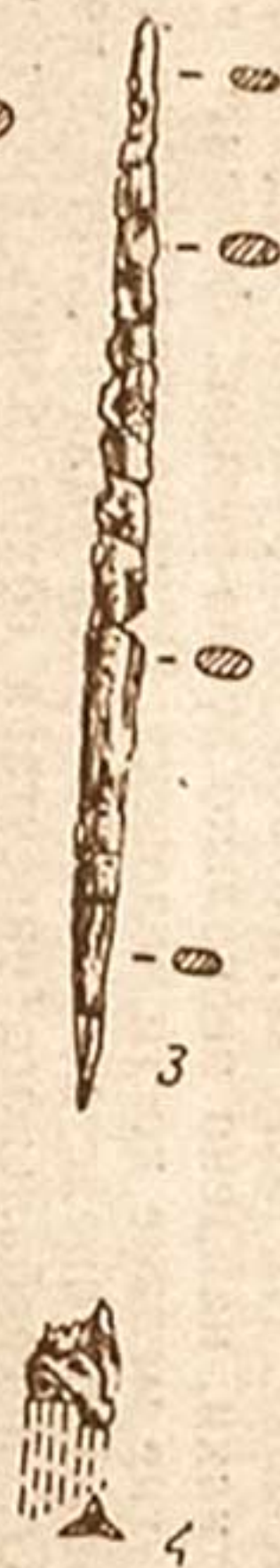
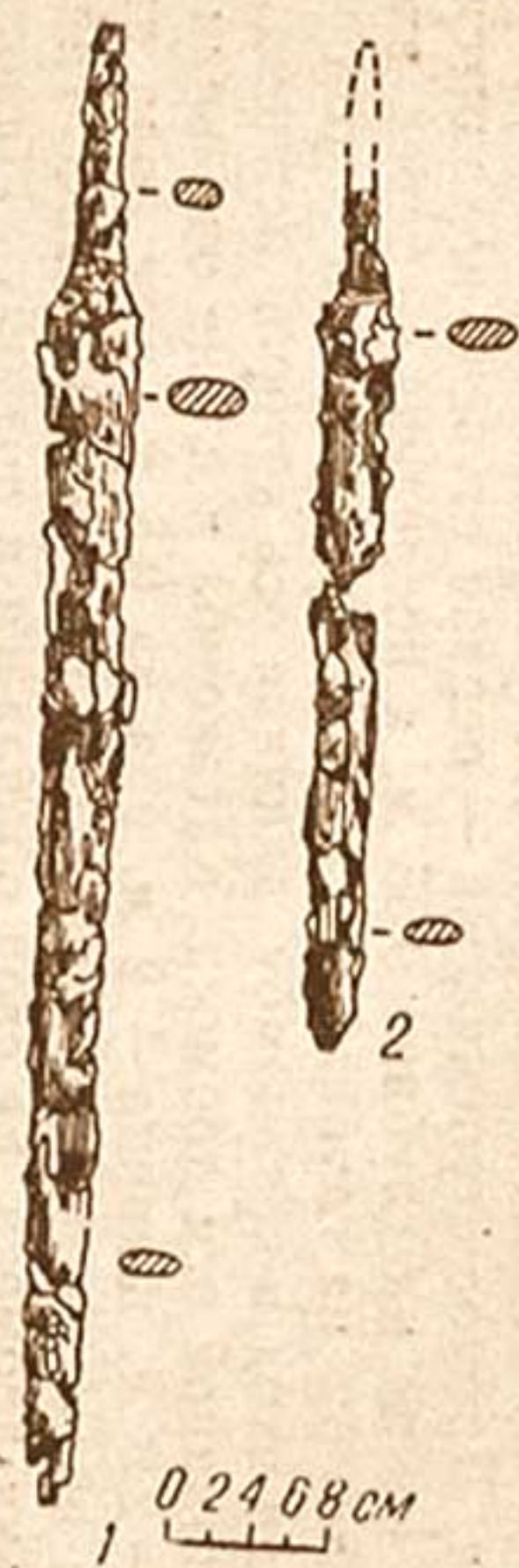
Раскопки курганов в Агалыксайском могильнике были начаты в 1965 г. и продолжены в 1966—1967 гг. За этот период были раскопаны курганы №№ 1, 2, 4, 5, 6 в группе близ Агалыксая и курганы №№ 8, 9, 10 и западнее их. Первые резуль-

таты раскопок уже нашли отражение в печати¹, поэтому описание кургана № 5 в данной работе опущено. Нумерация курганов дана в порядке ведения раскопок.

Курган № 1. Диаметр насыпи—20 м, высота—2 м. Ее поверхность изрыта траншеями. При снятии насыпи в юго-западном секторе на глубине 0,5 м от вершины кургана были найдены фрагменты венчика тонкостенной керамики с красным ангобом снаружи. Там же было обнаружено донце кубка с ножкой. Ножка сделана на гончарном круге из глины красноватого обжига. Снаружи ножка покрыта светлым ангобом, ее высота 4 см, диаметр — 3,5 см. Донце толстое. Под насыпью кургана в южной половине находился дромос, вытянутый длинной осью с юга на север. При углублении у восточной стенки дромоса, на глубине 1 м от бывшей дневной поверхности, обнаружен сырцовый кирпич размером 40×30×12 см из темно-серой глины с саманом. Над северным концом дромоса в насыпи найден фрагмент округлого венчика кувшина из глины красноватого обжига. Южный конец дромоса закруглен и ширина его 1 м, а к северу он расширяется до 1,5 м. Его северный конец — прямоугольный. Длина дромоса 5 м, глубина от бывшей дневной поверхности перед входом в катакомбу 2,5 м. Дромос ступенчатый — первая ступень находится в южном конце на глубине 0,35 м, а последняя — перед входом в катакомбу на глубине 2,5 м. В северной стенке дромоса обнаружен вход в катакомбу, длинная ось которой перпендикулярна длинной оси дромоса. Катакомба в плане овальная, длина ее — 2,9 м, ширина — 2 м, пол на 0,8 м ниже пола дромоса. Как видно, потолок катакомбы был не выше последней ступеньки дромоса. Ее свод обвалился и поэтому установить высоту сейчас трудно. Катакомба была заполнена песком и землей. После ограбления она длительное время стояла открытой, о чем свидетельствуют натечные слои, хорошо видные в ее засыпке. На полу катакомбы обнаружены следы войлочной подстилки, найдено несколько зубов-резцов, фаланги пальцев и другие мелкие кости человека. Однако эти находки не дают какого-либо представления об ориентации скелета в катакомбе. От погребального инвентаря сохранились кусочки перержавевшего железа со следами дерева на них и фрагмент плоского донца керамического сосуда.

Курган № 2. Диаметр кургана — 26 м, высота — 2 м. В южной половине кургана под насыпью находился дромос, северная стенка которого совпадала с центром кургана. Он в плане прямоугольный и вытянут длинной осью с юга на север. Длина дромоса 5 м, ширина в средней части 1,4 м, а у север-

¹ О. В. Обельченко. Погребение сарматского типа под Самаркандом, СА, 1967, № 2, стр. 181—187.

0 2 4 6 8 CM

0 2 4 6 8 CM

0 1 2 3 4 CM

0 1 2 3 4 CM

ной, лобовой стенки — 1,5 м. Он ступенчатый, глубина у входа в катакомбу 3,2 м. Вход в нее был заложен сырцовым кирпичом из глины с саманом, от которого остались фрагменты толщиной 10 см и шириной 25 см (полностью выявить размеры кирпича не удалось). Пол катакомбы на 0,7 м ниже пола дромоса. Катакомба длинной осью перпендикулярна оси дромоса и ориентирована с востока на запад. В плане она — неправильный прямоугольник, у которого западная сторона закруглена. Длина катакомбы — 3,5 м, ширина — 1,7 м, высота — 0,7 м. Свод обвалился и высота установлена приблизительно по остаткам свода у входа. Катакомба была завалена песком и фрагментами сырцового кирпича, что свидетельствует об ее ограблении. При расчистке катакомбы на полу в северо-восточном ее углу обнаружены, образовавшиеся вследствие попадания атмосферных осадков через разрушенный свод, натеchnые слои. Пол катакомбы был покрыт подстилкой из войлока, от которого сохранился тлен. От скелета осталось лишь небольшое количество сильно истлевших костей. В западной части катакомбы были обнаружены кости коленного сочленения. Восточнее, у северной стены катакомбы найдено несколько позвонков, а у восточной — фрагменты ребер и трубчатых костей рук. В средней части катакомбы против входа находились фрагменты лезвия железного двулезвийного меча с остатками деревянных ножен на них. Здесь же обнаружено круглое в сечении железное кольцо диаметром 3,5 см. Лезвие меча длиной 43 см, чечевичное в разрезе. Ни верхней части меча, ни нижней не сохранилось, поэтому трудно судить о его форме. Ширина лезвия 4 см.

Курган № 4. Диаметр кургана — 26 м, высота — 2 м. Насыпь неровная, с вмятинами. В обрезе видны натеchnые слои, указывающие на ее разрушение и долгое нахождение в таком виде. Под насыпью в центре — грунтовая могила, ориентированная длинной осью с севера на юг. Длина могилы — 2,6 м, ширина — 1,3 м, глубина — 2,4 м. В насыпке найдены фрагменты крупного толстостенного сосуда из глины красноватого обжига, покрытые снаружи светло-серым ангобом. Костей человека в могиле не было. Обнаружены фрагмент тонкой железной пластинки и кости передней части барана. Мелкие кости человека встречались над могильной ямой в насыпи кургана.

Курган № 6. Насыпь кургана распахана. Место, где он был, слегка возвышается на пашне. Под слоем пахотной зем-

Рис. 1. Металлические изделия из Агалыксайских курганов.

Слева: курган № 10, 1—2—мечи; 3—кинжал; 4—наконечники стрел. В середине: курган № 6, 1—меч; 2—кинжал; 3—нож, 4—5—наконечники стрел, 7—бронзовые обоймы. Справа: курган № 8, 1—умбон (?), 2—кольцо, 3, 4, 5, 7, 8—скобы, 6—лезвие меча, 9—петля из свинцовой проволоки, 10—сдвоенная бусина; 11—гвозди, 12—наконечники стрел.

ли, в центре имеющейся возвышенности, оказался дромос, ориентированный длинной осью с юга на север с небольшим отклонением к западу. Южный его конец — округлый, а северный — прямоугольный. Длина дромоса с юга на север — 6 м, ширина в южном конце — 1,1 м, в северном — 1 м. Пол покаты с юга на север и имеет одну ступеньку длиной 2,1 м. Глубина его в южном конце — 1,2 м, в северном, у входа в катакомбу — 3 м. Катакомба была заполнена песком и кусками глины синеватого цвета. Такими же пластами глины толщиной около 10 см был заложен и вход в нее. Свод обвалился. Катакомба в плане овальная, ориентирована длинной осью с востока на запад. Длина ее 2,5 м, ширина 1,5 м. Пол катакомбы на 0,3 м ниже пола дромоса. На полу катакомбы без подстилки лежал скелет в вытянутом на спине положении, головой на восток. У правого плеча скелета около стены лежал прямой железный нож с коротким насадом для ручки и ребра барана. Длина ножа — 12 см (рис. 1). Около локтя правой руки стоял кувшин, сделанный на гончарном круге из глины красноватого обжига. Донце плоское, диаметр его — 12,5 см. От донца тулово слегка расширяется и вытянуто вверх. Покатые плечики кувшина переходят в короткую цилиндрическую горловину с выступающим наружу венчиком. Венчик, горловина и плечики сохранили на себе остатки красной краски, которой они были покрыты. Следы красной краски в виде натеков видны местами на нижней части тулова, где они образуют сетку. Переход от тулова к горловине разграничен полоской в виде окружности. Высота кувшина 20,5 см, диаметр венчика — 8 см. По всему тулову и донцу видны изъяны от выпавших твердых частиц при формовке на круге.

С правой стороны скелета около бедра острием к ступне лежал железный кинжал. Он двулезвийный, чечевичный в разрезе, без перекрестия и навершия. Кинжал был в деревянных ножнах, которые местами сохранились на лезвии. Его длина 40 см, ширина 2 см.

С левой стороны скелета от левого плеча острием к тазу лежал железный двулезвийный меч. Он также чечевичный в разрезе, без перекрестия и навершия. Меч был в деревянных ножнах, остатки которых сохранились по всему лезвию. Длина его 73 см, ширина 4 см. Ниже меча остриями к ступне лежали пять железных наконечников стрел с черешками. Наконечники стрел трехлопастные с опущенными жальцами, образующими острый угол с черешками. Длина боевой части наконечников 4—4,5 см, а одного наконечника — 2,5 см, причем он слился с наконечником длиной 4,5 см.

Правее черепа скелета у стены катакомбы лежали две бронзовые обоймы с остатками истлевшего ремня на них. Одна

из обойм имеет длину 3 см и ширину 1,5 см, вторая — в длину и ширину 1,5 см.

Скелет в катакомбе сильно истлел и разбит обвалившимся сводом.

Курган № 8 (рис. 2). Диаметр насыпи — 25 м, высота — 1,7 м. Насыпь возведена из супеси. Местами в ней встречались прослойки красного крупнозернистого песка от могильного выкида. В насыпи попадались фрагменты сырцового кирпича из глины с саманом, размер кирпича 30 см × 12 см. В южной половине насыпи над бывшей дневной поверхностью встречались фрагменты крупных костей человека, позвонки.

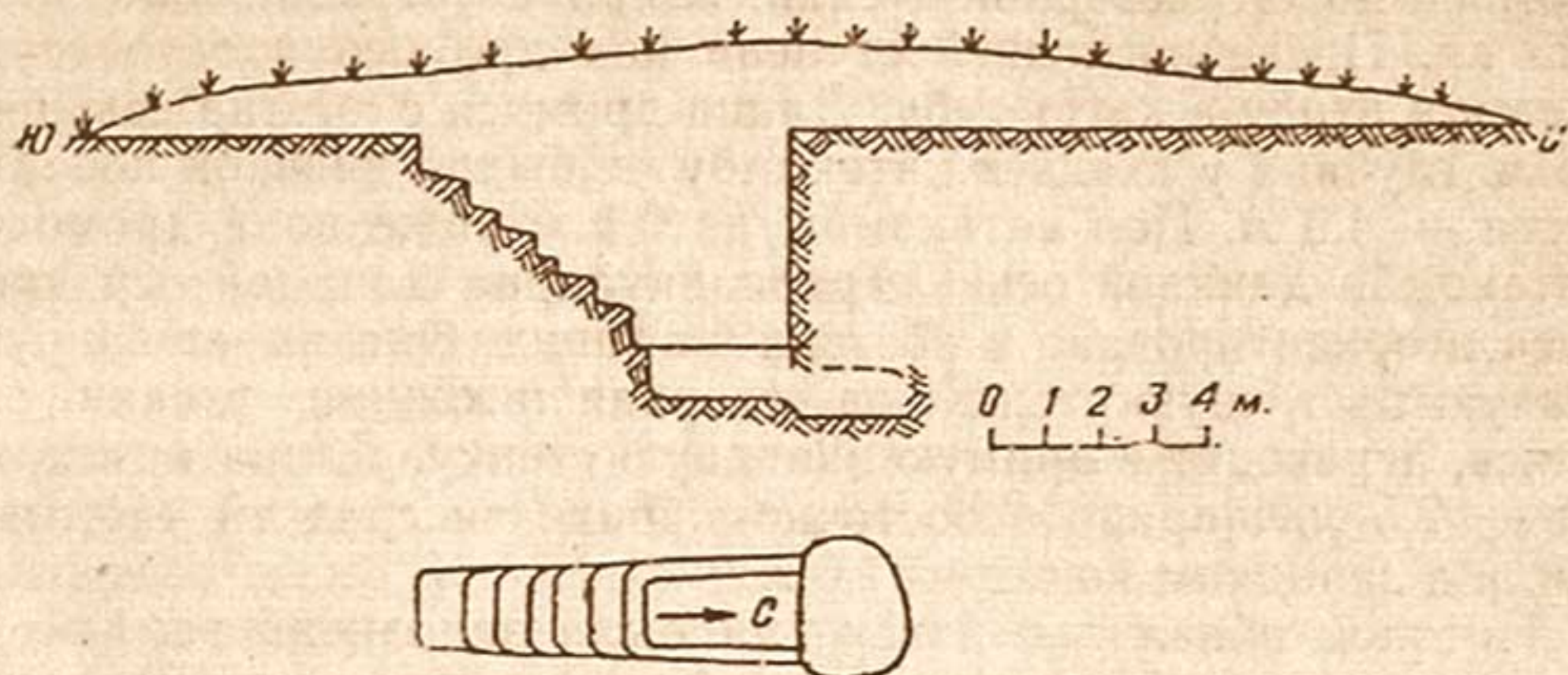

Рис. 2. Разрез и план кургана № 8.

В западной части у самой кромки кургана найдена круглая железная пряжка диаметром 4,5 см. Около костей человека были найдены мелкие фрагменты неполивной керамики. В юго-западном секторе кургана ближе к южной кромке обнаружены кости скелета ребенка, а с ними петля из свинцовой проволоки и сдвоенная стеклянная бусина (см. рис. 1).

В южной половине кургана, восточнее дромоса, на расстоянии одного метра от него расположена небольшая могильная яма, овальная в плане. Она вытянута с юга на север с небольшим отклонением к западу. Устроена в бывшей дневной поверхности. Глубина могилы 0,35 м, длина — 1,5 м, ширина — 0,5 м. В этой могиле находились кости ребенка — подростка. Скелет лежал без подстилки, кости плохой сохранности, ориентирован головой в северную сторону. Никакого инвентаря на нем не было.

Остатки другого захоронения находятся западнее южного конца дромоса. Здесь были кости черепа и немного мелких костей — фаланги пальцев, ребра. Большое количество костей встретилось в насыпи кургана под северным концом дромоса. Перемешанные кости двух особей лежали восточнее средней части дромоса на уровне бывшей дневной поверхности.

Всего же в южной части насыпи были обнаружены кости пяти особей человека. В южной половине насыпи находился дромос, северная стенка которого совпадала с ее центром. Дромос ориентирован длинной осью с юга на север. Южный его конец округлен. Ширина — 1,5 м, к северу он расширяется, углы — прямые. Ширина дромоса в северном конце — 2 м. Он имеет семь ступеней, которые заканчиваются перед входом в катакомбу на расстоянии 2,6 м. Ширина ступеней 0,4—0,7 м, высота колеблется от 0,3 м до 0,8 м. Последняя ступень перед входом в катакомбу переходит в уступы — заплечики, которые тянутся вдоль западной и восточной стенок дромоса до его северной стенки. Ширина уступов-заплечиков 0,25 м. После последней ступени пол дромоса полого спускается к входу в катакомбу. Длина дромоса с юга на север — 6,8 м, глубина у входа в катакомбу от бывшей дневной поверхности — 4,9 м. Пол катакомбы на 0,4 м ниже пола дромоса. Катакомба длинной осью перпендикулярна длинной оси дромоса и ориентирована с востока на запад. Она имеет закругленную восточную стенку, а северная и южная стенки, сужаясь, переходят в прямую западную стенку. Длина катакомбы — 2,5 м, ширина в восточном конце и средней части — 2 м, а в западном конце — 1,6 м.

Потолок обвалился и вся она была заполнена землей. В засыпке катакомбы, покрывающей пол, найдены разбитые и перемешанные кости скелета человека и остатки погребального инвентаря. По теменным костям двух черепов, покрытых зеленью от разложившейся бронзы, можно сделать вывод, что погребение было парным. Однако вследствие ограбления судить об ориентации погребенных трудно. Но указание на положение скелетов головой на восток можно видеть в находке фрагментов черепов в этой части катакомбы. В других местах катакомбы, на разных уровнях, в земле были найдены фрагменты костей скелетов — фаланги пальцев, ребра, позвонки. Из погребального инвентаря в засыпке были найдены сломанные скобки из железа, которые употреблялись, видимо, для скрепления досок гроба, несколько железных гвоздей с полусферическими шляпками. На полу катакомбы видны следы истлевшего дерева, возможно от досок гроба. Стены на высоте 0,8 м по всему периметру имеют черноватый цвет от кожи или войлока, которым была обтянута катакомба. В западной ее части были обнаружены изделия из золота. Одно из них представляет собой оттиснутое на листке золота несколько схематичное и грубоватое изображение хищной птицы. Голова ее с загнутым книзу клювом повернута вправо, к хвосту. Крылья раскрыты, причем правое крыло слегка выступает из-за шеи и опущено вниз, а левое поднято вверх. Хвост также поднят вверх и слегка закручен, короткие ноги пере-

ходят в когтистые лапы. Внешняя поверхность рельефная и покрыта выпуклыми полосками, символизирующими оперение. На голове птицы, на крыле, на хвосте и на лапах имеются отверстия для нашивания пластинки. Высота пластинки 2 см, длина — 2,5 см. Другое украшение представляет собой две параллельных выпуклых полосы, которые соединены между собой двумя зигзагообразными, выпуклыми линиями. Третья находка из золота — прямоугольная обойма с гвоздиком в середине для крепления на ремень.

В средней части катакомбы найдены фрагменты лезвия железного двухстороннего чечевичного в разрезе меча со следами деревянных ножен на нем. Там же найдены два плоских кольцевых навершия железных ножей, обтянутых листовым золотом. Рядом с ними лежал фрагмент круглого плоского навершия какого-то предмета из железа с узкой полоской золотой обкладки на нем.

В засыпке катакомбы был найден круглый диск из сильно поржавевшего железа диаметром 8 см. С одной стороны центральная часть диска вдавлена и образует круглое углубление, в котором видна выступающая, сильно поржавевшая, а потому непонятная фигура. Обратная сторона плоская, но имеет загнутые шипы, которыми диск крепился к коже — фрагменты ее налипши на эту сторону диска. Вполне вероятно, что это был умбон от кожаного щита. Там же, в слое земли, найдены 9 железных трехлопастных черешковых наконечников стрел с опущенными жальцами. Наконечники стрел слежались в пучки, на черешках некоторых из них сохранились остатки древка. Длина боевой части наконечников — 2,5—3 см. Ширина железных скоб для крепления досок гроба — 1,5—2 см.

Курган № 9 (рис. 3). Диаметр насыпи — 16 м, высота — 1,5 м. В насыпи кургана встречались остатки впускных погребений без инвентаря, кости очень плохой сохранности. В центре под насыпью, слегка сместившись к югу, находилась грунтовая могила, ориентированная длинной осью с юга на север. Яма имеет закругленные северную и южную короткие стенки и прямые — восточную и западную. Длина грунтовой могилы — 3 м, ширина — 1,1 м, глубина от бывшей дневной поверхности — 2,1 м. Вдоль длинных стен сделаны уступы-заплечики шириной 0,25 м, высотой 0,75 м от пола. Погребение ограблено. Костная труха и отдельные сильно истлевшие фрагменты костей встречаются во всей засыпке могильной ямы. От подстилки из войлока на полу могилы сохранился тлен коричневого цвета. От черепа найден фрагмент лицевой кости, лежавшей в южной части могилы. Там же находился черешок от железного наконечника стрелы. В южной части могилы около восточной боковой стенки было обнаружено бронзовое зеркало с костяной ручкой. Зеркало круглое, диаметр 23 см.

Рабочая сторона зеркала гладкая, а обратная — имеет по краю валик, ограниченный по внешней и внутренней сторонам ребрами. К круглому диску зеркала сбоку приклепан насад из бронзы длиной 10 см для ручки. Ручка из кости длиной 4 см, нижний ее конец обтянут свинцовой пластинкой. В северной части могилы был найден фрагмент украшения. Он представляет собой цилиндрическую пронизку из камня яшмовидной породы длиной 1,5 см и диаметром 0,5 см. На концы этой пронизки одеты круглые обоймы из листового золота. Обоймы цилиндрические, по внешнему краю они имеют круглый бортик с косыми насечками, имитирующими скальный орнамент. Поверхность обойм заполнена геометрическим орнаментом в виде выступающих зигзагов, идущих по кругу.

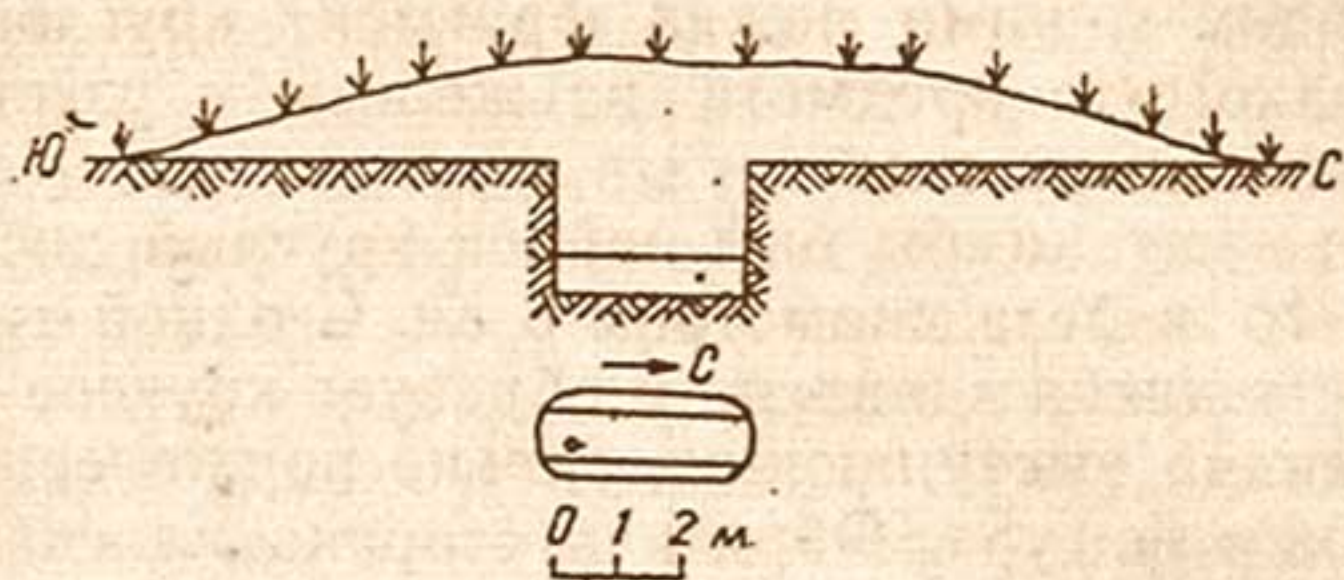

Рис. 3. Разрез и план кургана № 9.

Курган № 10. Диаметр насыпи 20 м, высота 2 м. Насыпь кургана возведена из крупного зернистого песка и земли. В юго-западном секторе насыпи кургана, над былой дневной поверхностью находились длинные кости скелета. Западнее этих костей найдены фрагменты черепа и длинных костей. Фрагменты костей встречались и в других местах насыпи. Все они относятся к впускным погребениям, которые не имели при себе никакого инвентаря. В центре под насыпью находилась грунтовая могила, ориентированная длинной осью с юга на север. Длина могилы — 3,2 м, ширина — 1,6 м, глубина от былой дневной поверхности — 3 м. Яма в плане прямоугольная, углы закруглены, боковые стенки отвесные. В южном ее конце на глубине 2,4 м от былой дневной поверхности находится ступенька шириной 1 м. Пол на 0,6 м ниже ступеньки. Могила ограблена. Никаких указаний на ориентацию находившегося в ней скелета нет. От него остались только костная труха и сильно истлевшие мелкие фрагменты костей в слое, покрывавшем пол могилы. Фрагменты черепа были найдены у северной стенки под полом. Судя по остаткам трухи, пол был устлан войлоком. Часть инвентаря, находившегося в погребении, обнаружена в северном конце ямы. Находки представлены фрагментами железных мечей, длинного, узкого кинжала и железными наконечниками стрел (см. рис. 1).

Все изделия из железа в результате ограбления были сломаны и находились в земле на разном уровне. После расчистки могилы было установлено, что это фрагменты двух железных мечей с серповидным навершием и длинным прямым перекрестием. Один меч собран полностью, а от второго сохранились лишь серповидное навершие, заостренный конец лезвия и большое количество мелких фрагментов средней части лезвия.

Длина собранного меча 0,6 м, ширина лезвия 4 см, лезвие плоское с двухсторонней заточкой. От второго меча сохранилось более массивное серповидное навершие и заостренный конец лезвия. Ширина его 5 см, лезвие плоское с двухсторонней заточкой. Мечи находились в деревянных ножнах, остатки которых местами сохранились на лезвиях.

Из фрагментов удалось полностью собрать длинный узкий кинжал, напоминающий стилет. Длина его — 56 см, рукоятка не имеет перекрытия и навершия, лезвие чечевицеобразное в разрезе, с двухсторонней заточкой, ширина лезвия 2,5 см. Стержень рукоятки прямоугольный в сечении. Там же на разных уровнях находились слепленные в пучки наконечники стрел из железа в количестве более двух десятков. На них видны куски налипшей кожи, которая проржавела вместе с железом наконечников. Наконечники трехлопастные, черешковые, с опущенными жальцами. Длина их боевой части 3,5—4 см. В засыпке могилы под железными мечами, т. е. в северном конце могильной ямы, был найден фрагмент ручки крупного сосуда из глины красноватого обжига, снаружи покрытого светло-серым ангобом. Ручка в сечении овальная, на внешней стороне имеются слегка выступающие два ребра, идущие параллельно по длине. Нижний конец ручки обломан, а на верхнем сохранился фрагмент слегка загнутого внутрь венчика.

Насыпи всех курганов возведены из супеси с включением крупнозернистого песка красноватого цвета, который является могильным выкидом. При снятии насыпи в них очень редко встречались камни или валуны, из которых почти целиком возведены насыпи некоторых курганов около селения Миранкуль, раскопанных в 1964—1965 гг.² и курганов около селения Сазаган, исследованных в 1963 г.³ У раскопанных семи курганов сохранились насыпи. У кургана № 6 она была почти совсем распахана, лишь по небольшой возвышенности, отличной по цвету от земли окружающей пашни, удалось ее обнаружить. Под всеми курганными насыпями оказались

² О. В. Обельченко. Миранкульские курганы, ИМКУ, вып. 8, Ташкент, 1967, стр. 81.

³ О. В. Обельченко. Сазаганские курганы, ИМКУ, вып. 7, Ташкент, 1966, стр. 66—72.

могильные сооружения — грунтовые могилы, подбой и катакомбы.

Грунтовые могилы были под насыпями курганов №№ 4, 9 и 10, подбой — под насыпью кургана № 5, а катакомбы — под курганами №№ 1, 2, 6 и 8.

Все исследованные курганы потревожены грабителями, причем, некоторые ограблены полностью, а в некоторых осталось небольшое количество инвентаря, который позволил определить курганы во времени и получить некоторое представление, правда далеко не полное, об истории древней культуры Согда.

Ограбление курганов имело место много столетий спустя после возникновения могильника. Находки фрагментов ручек крупных сосудов в курганах № 5⁴ и № 10 дают возможность установить время ограбления. Такого типа ручки от крупных сосудов характерны для слоев IX—X вв. на городище Афрасиаб.

Грунтовая могила кургана № 4 по своей форме схожа с грунтовой могилой кургана могильника Акджартепе под Самаркандом. Для той и другой характерно расширение в северной части⁵. Грунтовые могилы курганов, раскопанных неподалеку от Агалыксайского могильника около селений Миранкуль и Сазаган, несколько отличны. Следует отметить, что это — древнейшие типы могил и существование их в могильниках Средней Азии охватывает весьма значительный отрезок времени⁶.

Наиболее интересной могилой в Агалыксайском могильнике является грунтовая могила кургана № 9, у которой вдоль западной и восточной длинных стенок имеются уступы — заплечики. Подобного типа могилы характерны для погребений IV—III вв. до н. э. прохоровской культуры Нижнего Поволжья и Южного Приуралья⁷.

Найденные в кургане № 10 железный меч с серповидным навершием и фрагменты второго меча такого же типа характерны для прохоровской культуры. Меч из кургана № 10 является ранней формой такого типа мечей и аналогичен находкам из погребений прохоровской культуры Калиновского могильника⁸.

⁴ О. В. Обельченко. Погребение сарматского типа под Самаркандом, стр. 181.

⁵ О. В. Обельченко. Могильник Акджартепе, ИМКУ, вып. 3, Ташкент, 1962, стр. 62, рис. 3.

⁶ О. В. Обельченко. Сазаганские курганы, стр. 75.

⁷ М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры, САИ, д. 1—10, М., 1963, стр. 20, табл. 2, рис. 11.

⁸ В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник, МИА СССР, № 60, М., 1959, стр. 431, рис. 40; см. также: М. Г. Мошкова. Указ. соч., стр. 34, табл. 18.

К этому же времени следует отнести и железные наконечники стрел с опущенными жальцами. Железные трехлопастные черешковые наконечники стрел с опущенными жальцами появляются в VI—V вв. до н. э. в курганных погребениях Нижнего Поволжья и Южного Приуралья⁹. В Средней Азии подобные наконечники стрел относятся примерно к этому же периоду и имеют крупные размеры¹⁰. Наконечники стрел из кургана № 10 возле Агалык-саи схожи по форме лопастей с наконечником стрелы из прохоровского погребения Калиновского курганного могильника¹¹.

Для узкого длинного кинжала, который находился в рассматриваемой могиле вместе с мечами с серповидным навершием и наконечниками стрел, подобрать какие-либо аналогии пока не удалось. Находка подобного типа кинжала, видимо, очень редка. В грунтовой могиле с уступами-заплечиками кургана № 9, находящегося рядом с курганом № 10, найденный инвентарь состоял из большого бронзового зеркала с костяной ручкой на остром насаде (рис. 4) и маленькой цилиндрической пронизки из камня яшмовидной породы с золотыми обоями на торцах.

Крупное бронзовое зеркало с небольшим выпуклым валиком по краю имеет ручку-насад или штырь, который на одном конце расщеплен и прикован к диску зеркала. По обеим сторонам валика снаружи и внутри нанесен узор в виде concentрических окружностей, которые как бы образуют узкие, небольшие валики снаружи и внутри большого валика — утолщения. Подобного типа зеркала крупных размеров характерны для погребений IV—III вв. до н. э. прохоровской культуры¹².

Деталь украшения (рис. 5), найденная в кургане № 10, имеет на золотых обоях геометрический орнамент в виде зигзагов, идущих по кругу. Точно так же украшены края шейной золотой гривны из кургана Куль-оба. Их венчают скульптурные изображения скифских всадников, за спинами которых — такой же геометрический орнамент. Как известно, курган Куль-оба датируется последней четвертью IV в. до н. э., что позволяет и находку детали украшения из кургана № 10 Агалыксайского могильника отнести к этому же времени.

Подбойная могила под насыпью кургана № 5 с характерным для сарматских погребений инвентарем, среди раскопанных курганов по Агалык-саю, пока единственная. Под насыпью

⁹ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, МИА СССР, 1961, № 101, стр. 63, стр. 142, рис. 40, 8.

¹⁰ Кой-Крылган-Кала, М., 1967, стр. 134—136.

¹¹ В. П. Шолов. Калиновский курганный могильник, стр. 433, рис. 46—9.

¹² М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры, стр. 43.

ми курганов №№ 1, 2, 6 и 8 были обнаружены катакомбы. Дромосы и катакомбы в курганах № 1, 2 и 8 совершенно одинаковы по своему устройству — длинные, глубокие, ступенчатые и только в кургане

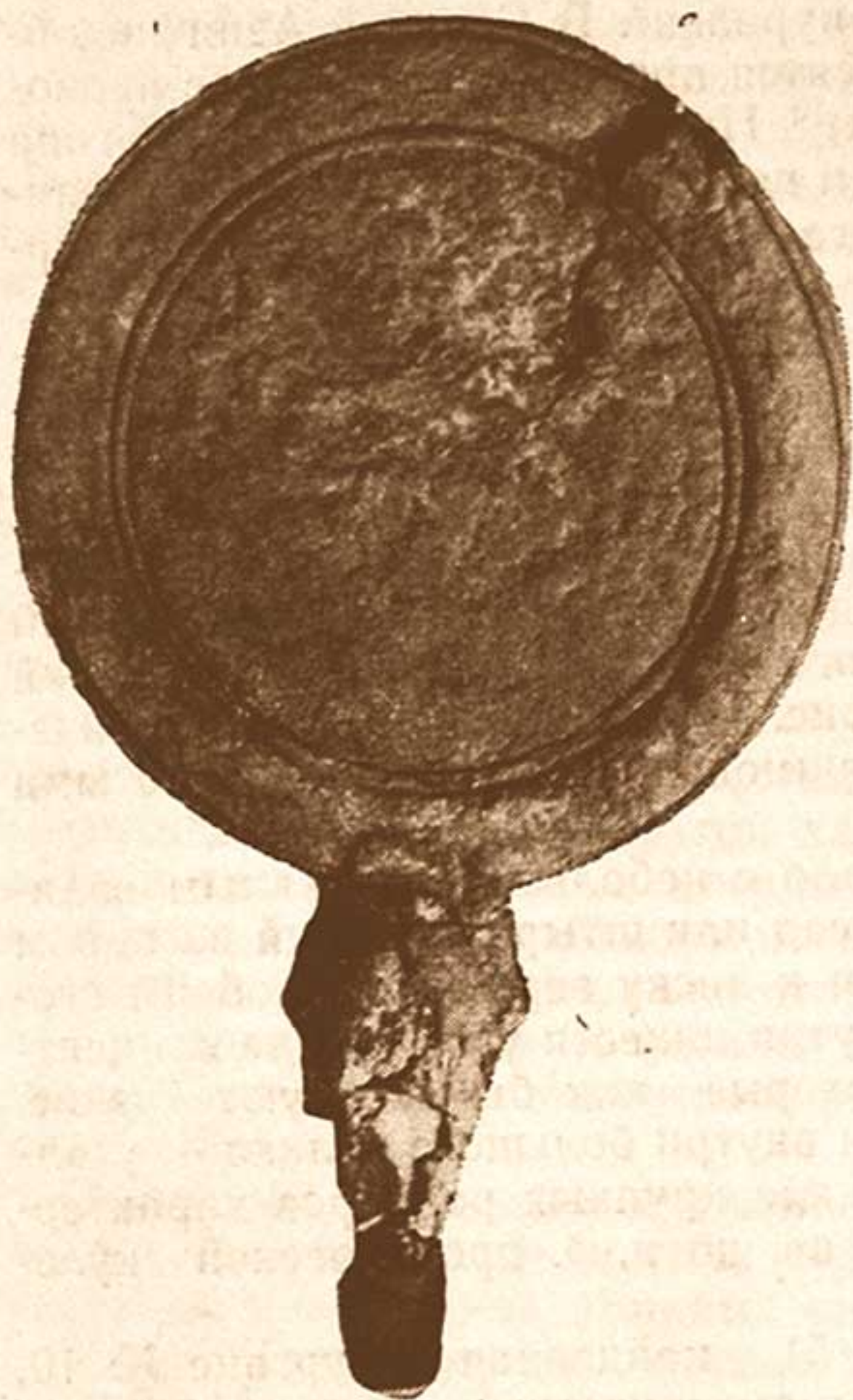

Рис. 4. Зеркало из кургана № 9.

№ 6 дромос имел одну ступень примерно в средней части, что отличало его от трех других курганов. Наибольшее количество инвентаря было найдено в кургане № 6.

В кургане № 1 из-за ограбления совсем не было инвентаря. В кургане № 2 обнаружен фрагмент лезвия меча. Фрагмент лезвия меча был также найден и в кургане № 8. Катакомбы этих курганов одинаковы своим положением по отношению к дромосу. В кургане № 6 длинная ось катакомбы перпендикулярна длинной оси дромоса и по ней лежал в вытянутом на спине положении головой на восток скелет. Судя по находкам фрагментов двух теменных костей черепов в катакомбе кургана № 8, скелеты там тоже лежали головой на восток. Этот

вид ориентации скелетов характерен для катакомбных погребений в курганах II—VI вв. н. э. могильников Акджартепе¹³, около Сазагана¹⁴, около Миранкуля и у селения Хазара¹⁵, в то время, как для катакомбных погребений долины Зарафшана первых веков до н. э. характерна южная ориентация скелетов¹⁶.

Дромос в кургане № 6 по своему устройству почти идентичен дромосам в курганах III—IV вв. н. э. около Сазагана¹⁷.

¹³ О. В. Обельченко. Могильник Акджартепе, стр. 60.

¹⁴ О. В. Обельченко. Сазаганские курганы, стр. 76.

¹⁵ О. В. Обельченко. Курганы около селения Хазара, ИМКУ, вып. 4, Ташкент, 1963, стр. 64.

¹⁶ О. В. Обельченко. Лявандакский могильник, ИМКУ, вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 125—128.

¹⁷ О. В. Обельченко. Сазаганские курганы, стр. 75.

Инвентарь погребения в кургане № 6 состоит из кувшина, меча, кинжала и наконечников стрел, ножа и бронзовых обойм,

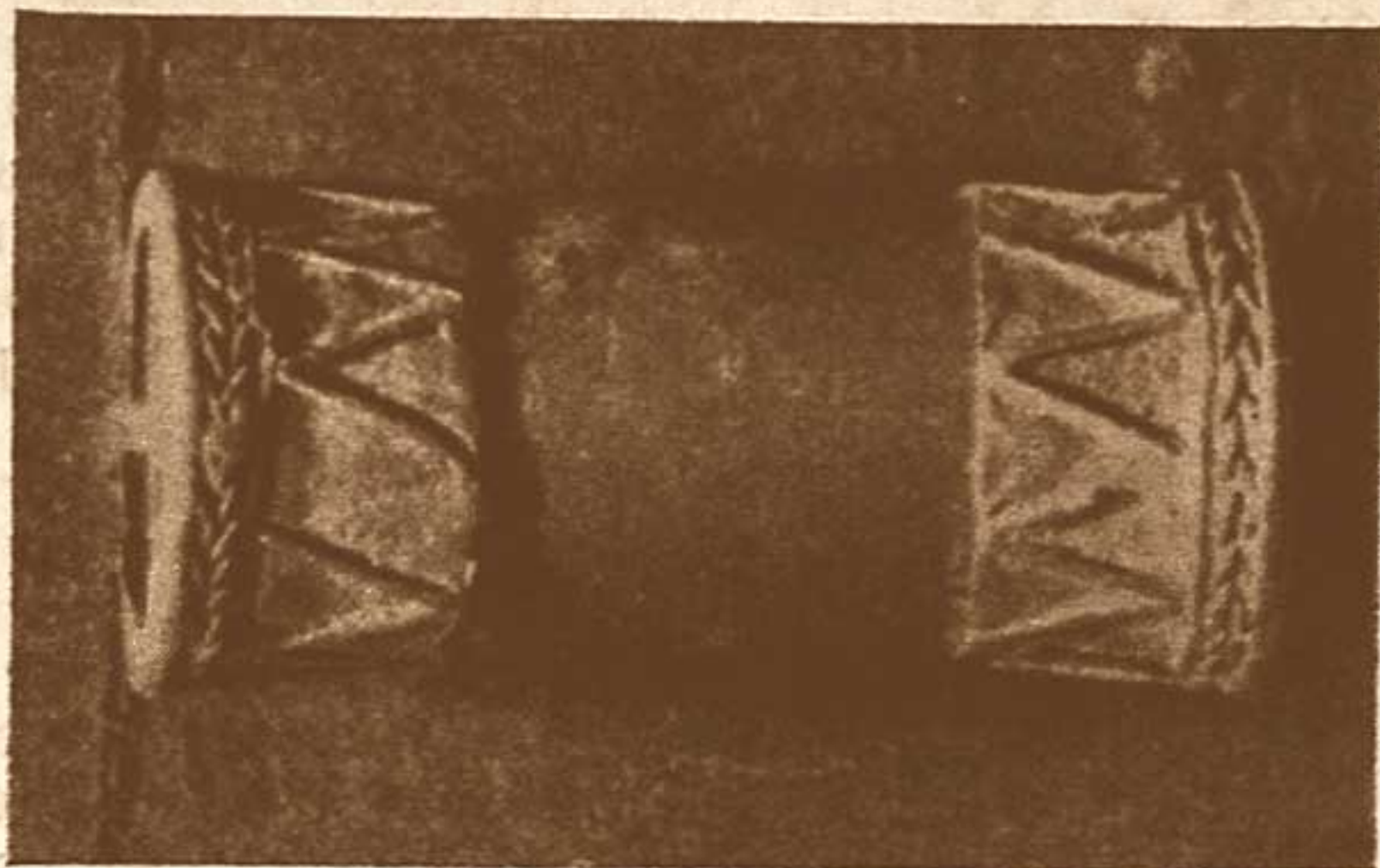

Рис. 5. Деталь украшения из кургана № 10.

украшения ремня. Железный двухлезвийный чечевичный в разрезе меч без перекрестия и навершия одинаков с мечами, найденными в кургане около ст. Кодж в южной Туркмении¹⁸, около Янгиюля¹⁹ и в других местах²⁰. Кинжал без перекрестия и навершия, найденный вместе с мечом, совершенно одинаков с кинжалами из курганов около Миранкуля и Куюмазарского могильника²¹.

Железные трехлопастные черешковые наконечники стрел с опущенными жальцами, найденные в курганах № 6 и № 8, одинаковы

Рис. 6. Кувшин из кургана № 6.

¹⁸ М. Е. Массон. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана (из работ ЮТАКЭ, 1951 г.), ВДИ, 1953, № 1, стр. 154.

¹⁹ Г. В. Григорьев. Келеская степь в археологическом отношении, ИАН КазССР, серия археологическая, вып. I, 1948, стр. 46, 56—60.

²⁰ О. В. Обельченко. Могильник Акджартепе, стр. 62.

²¹ О. В. Обельченко. Курганные погребения первых веков н. э. и кенотафы Куюмазарского могильника, Труды САГУ (Археология Средней Азии), вып. 4, Ташкент, 1957, стр. 119.

с наконечниками стрел из кургана № 5 как по размерам, так и по форме лопастей.

Кувшин из кургана № 6 (рис. 6) очень схож с кувшином из кургана № 2 около Сазагана²². На тулове кувшина из Сазаганского кургана имеются пятна красной краски, а на тулове кувшина из кургана около Агалыкса проглядывают не только пятна красной краски, но и натеки, которые в нижней части образуют как бы сетку. Правда, от долгого пребывания в земле краска сильно поблекла, но рисунок на поверхности тулова, образованный натеками, хорошо виден.

Находки в кургане № 8, за исключением железного трехлопастного черешкового наконечника стрелы, не могут служить датирующим материалом из-за фрагментарности. Это относится к лезвию меча, у которого отсутствует рукоятка. Железный наконечник стрелы из этого кургана аналогичен наконечникам стрел из кургана №№ 5 и 6. Вооружение из погребений исследованных курганов Агалыксайского могильника при наличии одного типа наконечников стрел различается по мечам и кинжалам на три группы. В первую группу входят мечи с прямым перекрестием и серповидным навершием, во вторую — меч с прямым перекрестием и навершием в виде круглой пластинки и в третью — меч без перекрестия и без навершия. Соответственно инвентарю подразделяются и подкурганые сооружения: 1) грунтовые могилы, в том числе с уступами-заплечиками; 2) подбойная могила; 3) катакомбы с одноступенчатым и многоступенчатыми дромосами.

Исходя из найденного при раскопках инвентаря, можно определить во времени все эти три вида погребений в курганах по Агалыксаю, грунтовые могилы, подбой и катакомбы. Погребения или, вернее, их остатки, в грунтовых могилах курганов №№ 4, 9 и 10 следует отнести к концу IV — началу III вв. до н. э. По облику инвентаря и могильных ям можно их считать идентичными прохоровским погребениям IV—III вв. до н. э. Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Следующей по времени является подбойная могила кургана № 5, которая довольно точно датируется II—I вв. до н. э.²³ Катакомбы курганов №№ 1, 2, 6 и 8, очевидно, следует датировать II—IV вв. нашей эры, причем погребение в кургане № 6 относится к I—III вв. н. э.

Почти полное отсутствие краниологических материалов из-за ограбления курганов в древности не позволяет делать каких-либо выводов о смене или постоянстве населения на протяжении очень большого отрезка времени. Однако погре-

²² О. В. Обельченко. Сазаганские курганы, стр. 77, рис. 2—3.

²³ О. В. Обельченко. Погребение сарматского типа под Самаркандом, стр. 187.

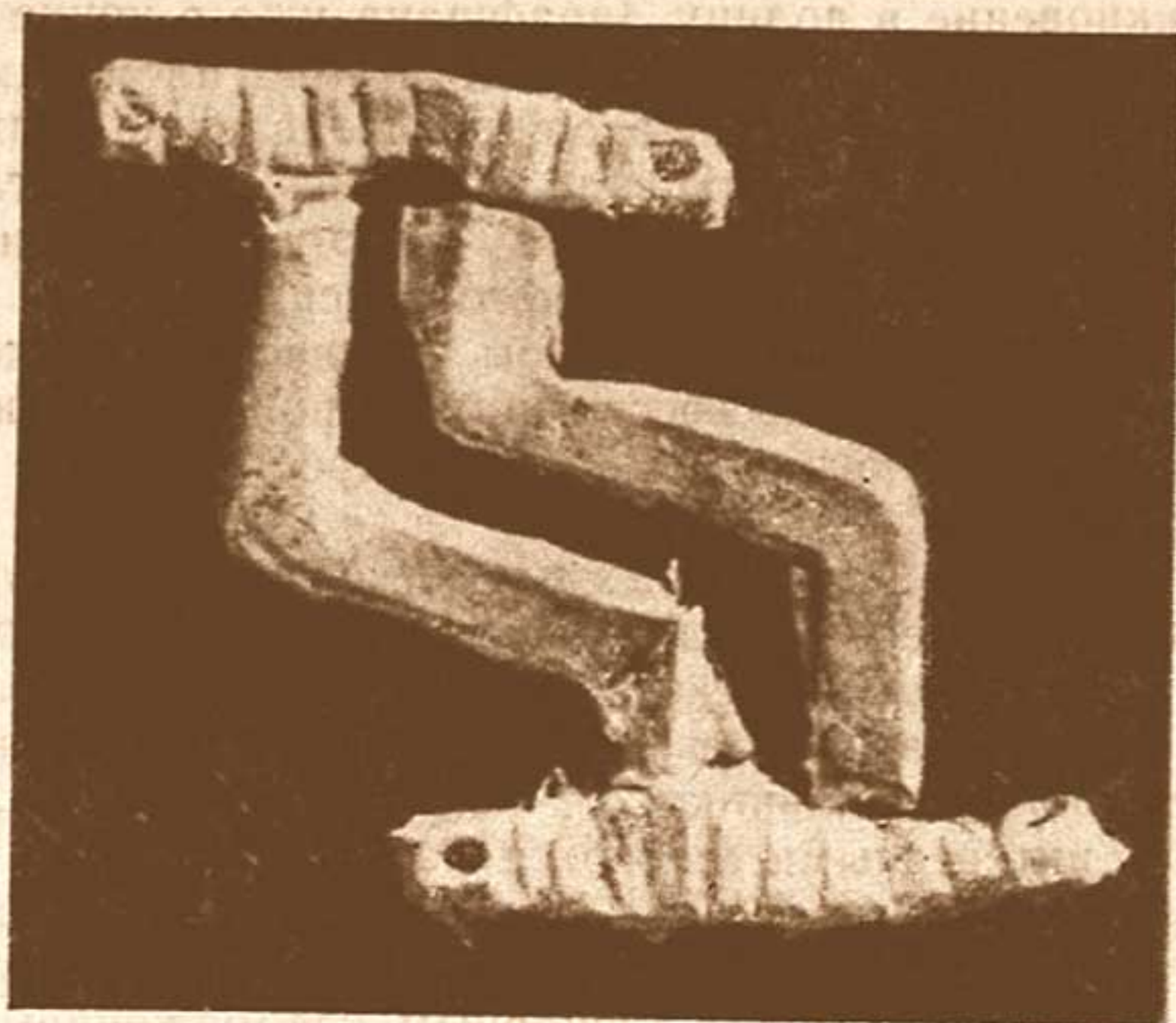

Рис. 7. Нашивное украшение из листового золота
из кургана № 8.

Рис. 8. Изображение Хварны из листового золота из
кургана № 8.

бальный инвентарь и тип могильных сооружений указывают на проникновение в долину Зарафшана уже в конце IV в. до н. э. скифо-сарматских племен, родственных племенам Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Появлению этих племен в Средней Азии способствовала политическая обстановка в Согдиане, сложившаяся в конце IV в. до н. э. в связи с завоеваниями Александра Македонского и вспыхнувшей борьбой согдийцев во главе со Спитаменом против греко-македонских захватчиков. На помощь восставшим пришли скифские племена, кочевавшие на огромных степных пространствах к северу от Средней Азии.

Это проникновение кочевых племен с севера в глубь Средней Азии имело место и в дальнейшем и привело в конце II в. до н. э. к крушению Греко-Бактрии, о чем свидетельствуют находки в курганах низовьев Зарафшана и в кургане № 5 Агалыксайского могильника.

Весьма интересными являются находки золотых украшений в кургане № 8 (рис. 7). Изделия из листового золота представлены обоймой, украшавшей пояс, нашивным украшением в виде меандра и нашивным изображением хищной птицы, которую, очевидно, следует считать божеством удачи — Хварна (рис. 8). Как известно, Хварна являлся героем Авесты и представлялся в разных образах, в частности, барана и хищной птицы. В облике птицы Хварна сопровождал одного из героев Авесты — Йиму²⁴. Представления о Хварне в образе барана были широко распространены в Нижнем Поволжье и владениях Кангюя по Сырдарье, памятниками которого является хорошо известная в археологии культура Каунчи²⁵.

Раскопки курганов по Агалыксаю дополнили наши представления о древней культуре долины Зарафшана и наметили много проблем, освещение которых невозможно уложить в ограниченные рамки настоящей статьи. Дальнейшие исследования Агалыксайских курганов будут значительным вкладом в изучение вопросов культуры, истории и идеологии населения древнего Согда.

²⁴ Е. Э. Бертельс. История персидско-таджикской литературы, М., 1960, стр. 57.

²⁵ М. Е. Массон. Ахангаран, Ташкент, 1953, стр. 121.

С. К. КАБАНОВ

АЙТУГДЫ-ТЕПЕ

Айтугды-тепе (в переводе «тепе» — рожденное луной) находилось примерно в 2 км к западу от поселка при станции Карши. Весной 1965 г. на этом памятнике мы провели раскопки, позволившие выявить стратиграфию поселения и раскрыть остатки раннесредневекового здания.

Развалины поселения образуют прямоугольник, вытянутый с севера на юг, размером 80×60 м (рис. 1); наиболее возвышенная часть тепе, в юго-западном углу памятника, заметно выступает из контура прямоугольника. Высота вышки — 9 м, остальной части развалин — до 3,5 м в северо-восточной части, отделенной от вышки впадиной, видимо, являющейся признаком незастроенного двора.

Основной раскоп был заложен на вышке, представлявшей собой округлый бугор с крутыми склонами; диаметр его у основания — 35 м, в вершине — 10 м. Площадь раскопа была доведена до 420 м^2 ; была вскрыта почти вся вершина бугра на глубину до 3 м, а с западной стороны — почти до 6 м. В результате раскопок выявлены три строительных горизонта, соответствовавшие трем периодам в жизни поселения. Развалины капитального здания были обнаружены в средних наслоениях, в них же был собран и основной комплекс находок.

Стены здания (рис. 2) были выявлены на глубине 1—1,5 м от поверхности верхней площадки тепе, пол — на глубине 2,5—3 м (рис. 3). Помещения и стены были прикрыты завалом из глины различной плотности и состава, сверху — с большой примесью золы, органических остатков, обломков керамики.

В центре здания было большое помещение (рис. 2, 1), с севера, востока и юга окруженное коридором шириною 1,1—1,35 м; к коридору по сторонам примыкали другие помещения, расположенные по внешнему обводу здания. Не удалось установить, был ли коридор и с западной стороны: на уровне стен здесь были обнаружены почти сплошные глиняные зап-

лывы. Не установлена и толщина внешних стен, лишь местами сохранились их остатки.

В относительно хорошей сохранности выявлены помещения, расположенные по северной стороне здания (рис. 2, 2—5). Крайнее западное из них было угловым, западная и северная его стены полностью выклинились, однако можно определить, что площадь помещения была не менее 30 м^2 ; дверной проем, выводивший в северный сектор коридора, нахо-

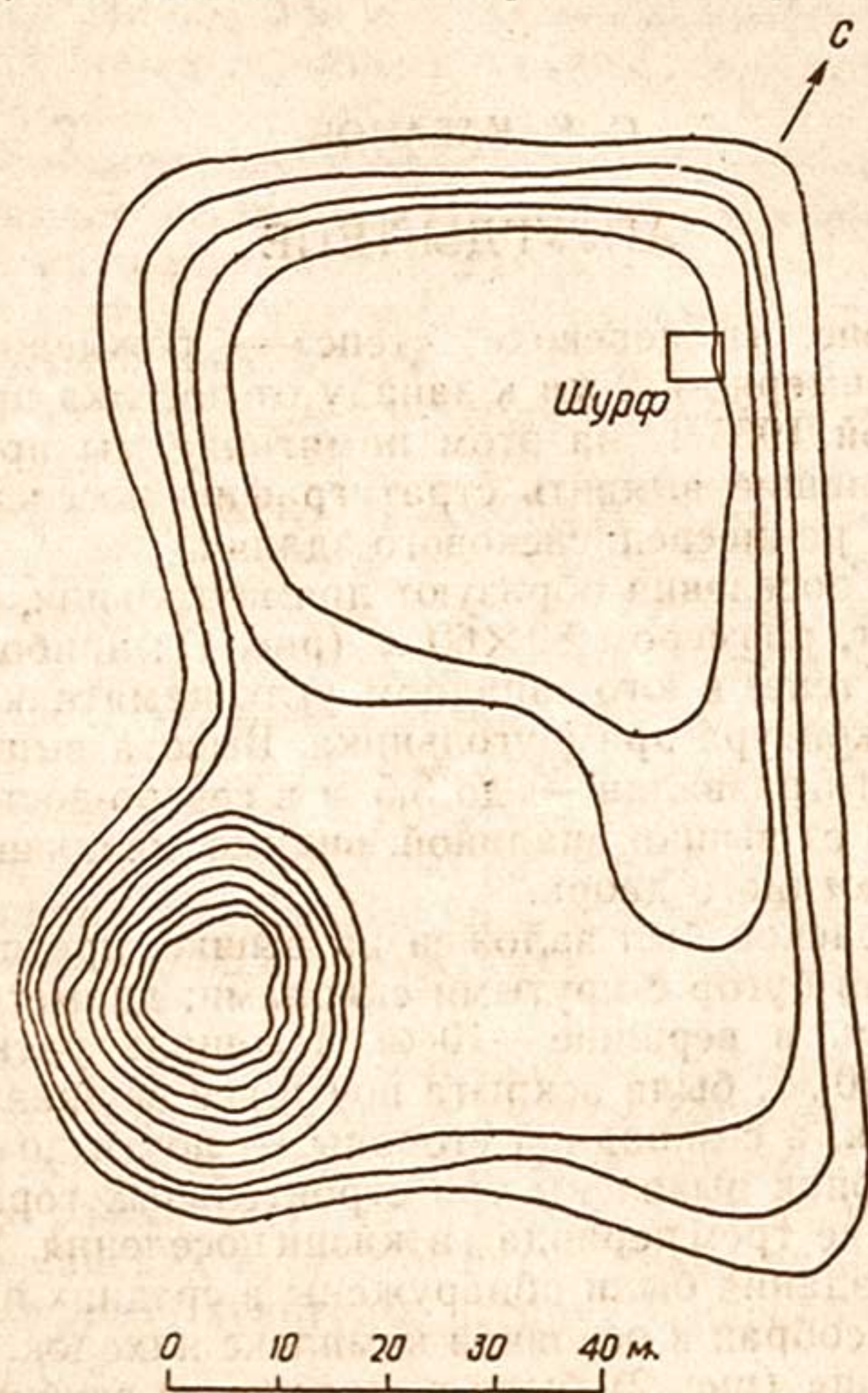

Рис. 1. Айтугды-тепе. План.

дился около юго-восточного угла помещения. В середине северной стороны внешнего обвода были раскрыты два помещения одинаковой планировки — прямоугольные, с проемами в юго-восточных углах (рис. 2, 3—4), размером также почти одинаковые — $7,4$ и $9,2 \text{ м}^2$; разделяются эти два помещения паховой стеной толщиной 60 см . Восточное угловое помещение (рис. 2, 5), так же как и западное, находилось на линии выклинивания, в длину оно было не менее $3,5 \text{ м}$, в ширину —

2,25 м. В этом помещении, около западной его стены, обнаружен разрушенный очаг в виде завала из обожженной глины, золы, угля, обломков котлов лепной работы. Южнее этого помещения, отделенная от него тонкой стенкой, расчищена довольно большая комната, размером $4,35 \times 2,17$ м (рис. 2, б); в рыхлом завале, прикрывавшем пол, здесь были найдены стеклянный флакон и расслоившийся железный наконечник.

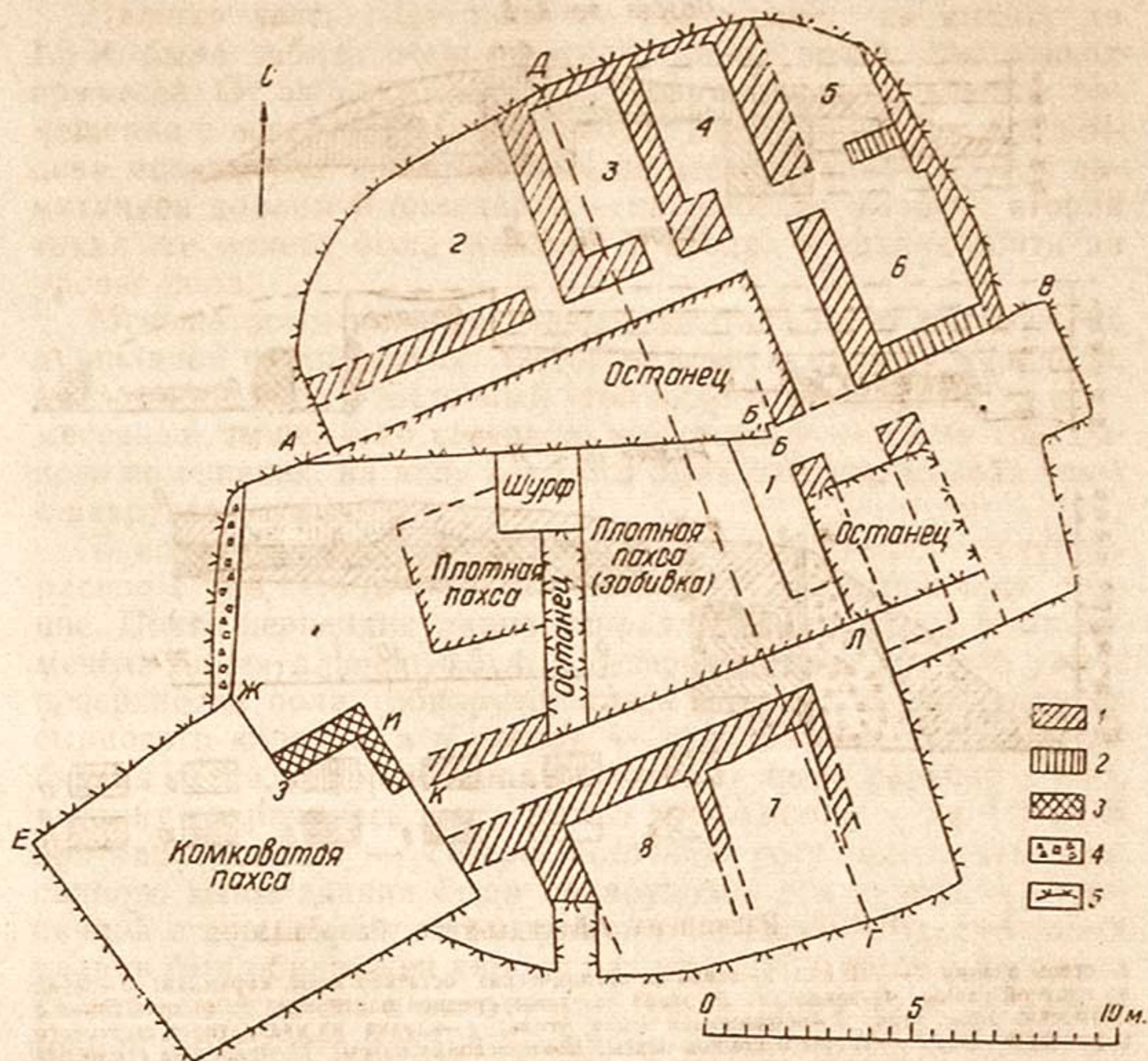

Рис. 2. Раскоп на Айтугды-тепе. План:

1—стены здания V—VII вв.; 2—закладки; 3—древние стены из квадратного сырцового кирпича; 4—подпорка стилобата из комков бурой пахсы; 5—граница раскопа.

стрелы. С юга это помещение ограничивалось рыхлой закладкой, за которой выявлен пол входа в здание в виде пандуса.

С южной стороны развалин помещения сохранились хуже, чем с северной, но все же удалось установить, что планировка помещений здесь не соответствовала планировке помещений в северной части, они не были расположены симметрично, другими словами, не было общей оси симметрии, как на Аул-

тепе¹. Дверные проемы в помещения южной части здания со стороны коридора отсутствовали; они, несомненно, были с южной стороны, полностью выклинившись. Восточное из помещений, шириною 2,7 м, было отделено от соседнего глинобитной стенкой толщиной 40—45 см, довольно рыхлой, заполнявший помещение завал был гораздо плотнее. Среднее поме-

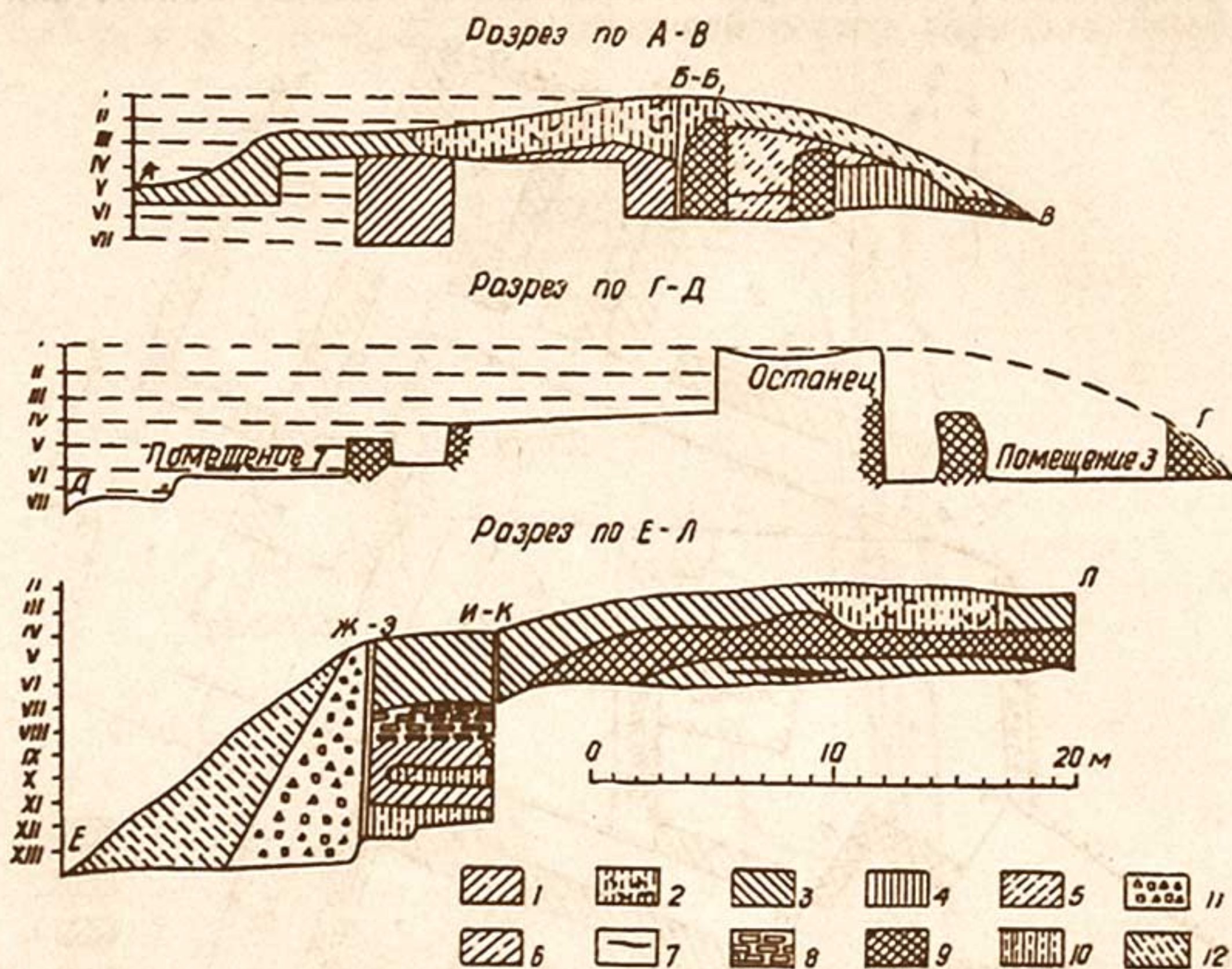

Рис. 3. Раскоп на Айтугды-тепе. Разрезы:

1—стены здания V—VII вв.; 2—завал из органических остатков золы, керамики; 3—завал из плотной глины; 4—закладка; 5—завал из глины средней плотности; 6—рыхлая глина с примесью золы, угля; 7—обожженная земля, уголь; 8—кладка из квадратного сырцового кирпича; 9—завал из глины и комков пахсы; 10—прослойка пахсы; 11—подпорка стилобата из комков бурой пахсы; 12—осыпь из рыхлой глины.

щение, шириною 3,1 м, отделено от соседнего с запада более капитальной стеной, толщиной 1,05 м. В завале, заполнявшем среднее помещение, был найден фрагмент костяной расчески с изображением лучника. От третьего помещения южной стороны, расположенного западнее, сохранился лишь северо-восточный угол.

¹ С. К. Кабанов. Согдийское здание V в. н. э. в долине р. Кашка-Дарьи (Узбекистан), СА, 1958, № 3, стр. 146, рис. 4.

Стены центрального помещения, ооконтуренного с трех сторон (кроме западной) коридором, были сложены сплошь из сырцового кирпича размером $46 \times 21 \times 8$ см; толщина стен — 80 см. Дверной проем в центральное помещение расположен в середине восточной стороны, прямо против входа в здание. Вход в помещение был перекрыт аркой, сложенной из сырцового кирпича; венчание арки не сохранилось.

Нижняя часть центрального помещения на высоту до 1,3 м была забита очень плотной глиной почти без всяких примесей. От забивки расчищен лишь небольшой участок помещения с восточной стороны, возле входа, причем в ней найдена монета, уже известная нам по исследованиям других памятников долины Кашкадарьи, — нахшебская монета²; вторая такая же монета была найдена у входа в здание почти на уровне пола.

Меньше всего конструктивных остатков было обнаружено в западной части здания: здесь, по южную сторону коридора, был расчищен юго-восточный угол одного помещения, уже отмеченный выше, а по северную его сторону — часть еще одного помещения, на полу которого была найдена медная чаша с закругленным дном.

В конце южного сектора коридора было решено углубить раскоп с тем, чтобы выявить наслоения, подстилающие здание. Почти перпендикулярно направлению коридора была намечена линия длиной 5,5 м, в северном конце которой уже с поверхности пола обнаруживалась кладка из квадратного сырцового кирпича, а в южном — глинобитная стена. Глинобитная стена, ограничившая глубинную часть раскопа с юга, в длину сохранилась всего на 1,5 м, в высоту — на 1,2 м. В противоположном — северо-восточном углу под полом описанного выше здания были обнаружены два фрагмента кирпичной стены, образующие прямой угол. В северном фрагменте кладки был обнаружен кирпич размером $40 \times 40 \times 9,5$ см; кладка эта сохранилась в высоту на 1,3 м, в длину на 1,6 м. В восточном фрагменте кладки — кирпич размером $38 \times 38 \times 9,5$ см: этот фрагмент кладки сохранился в высоту на 75 см, в длину на 2,5 м. Под кирпичными стенами обнаружен довольно рыхлый завал; поверхность пола не устанавливается. Под восточной стеной, глубже ее на 1 м, был обнаружен кувшин лепной работы, грушевидной формы.

Глубина раскопа в юго-западной части тепе, как уже отмечалось, была доведена почти до 6 м; на этой глубине была обнаружена кладка из комков пахсы, очень плотная, являвшаяся

² С. К. Кабанов. Нахшебские монеты V—VI вв., ВДИ, 1961, стр. 137—144.

ся первоначальным стилобатом сооружения³. В северном разрезе глубинной части раскопа с особой четкостью выделяется подпорная стенка, сложенная из комков плотной темно-бурой глины (рис. 3, Ж—З); этой кладкой укреплялся снаружи стилобат вскрытого нами здания с коридором, в основном же стилобатом ему служили развалины более древнего здания, от которого были обнаружены лишь фрагменты двух отмеченных выше стенок из квадратного кирпича.

Кроме основного раскопа, на вышке был заложен шурф в северо-восточной части развалин поселения. Вначале была вскрыта площадка размером 4×4 м до глубины 50 см, в пределах которой обнаружены две плохо сохранившиеся глинобитные стенки, а также пол с очагом; на этом полу, вдоль одной из стенок и был заложен шурф размером 3×2,5 м. Под полом с очагом обнаружен завал, состоявший из рыхлой глины с примесью и линзами органических остатков, золы, обожженной земли, угля; керамики было мало. На глубине 1,2 м в восточной части шурфа была выявлена глинобитная стенка толщиной 60 см, сохранившаяся в высоту на 80 см, окруженная такими же завалами, но с большим содержанием керамики, преимущественно лепной работы; с обнаружением этой стенки, проложенной в направлении с севера на юг, был установлен второй строительный период в обживании данного участка городища. На глубине 2,5 м от поверхности был обнаружен сплошной слой органических остатков, а затем и большой хум (корчага) с отбитой горловиной, также заполненный органическими остатками; часть хума находилась под отмеченной выше стенкой. Таким образом, выявился уже третий период обживания поселения в данной его части.

Хум с органическими остатками был вкопан в грунт, характеризующийся по цветности чередованием тонких (7—8 см) пластов глины двух оттенков желтого цвета; видимо, это признак кладки стены, быть может, окружавшей все поселение в древнейший период его существования; толщина этого слоя 75 см.

Высота тепе в месте заложения шурфа 3,5 м, основание же нижней стены находится на глубине 4 м от поверхности. Под стеной, в южной стенке шурфа, прослеживается прослойка органических остатков, уголь, линза обожженной земли. Встретилось несколько фрагментов керамики, из них один — от тонкостенного сосуда с характером для первых веков на-

³ Этот вывод подтвержден наблюдениями над разрезом вышки, образовавшемся после проведения строительных работ: от указанного уровня обнаружения стилобата до уровня местности прослеживалась такая же комковатая глина; более древний культурный слой отсутствовал.

шей эры матовым ангобом. На глубине 4,5 м от поверхности тепе обнаружена глина с большой примесью песка.

Рассмотрим вещественные материалы, основная масса которых получена из развалин здания с коридором; более ранние или более поздние материалы были очень немногочисленны. Как и обычно при раскопках поселений, подавляющую часть находок составляли керамические изделия, почти все в обломках. По способу изготовления их можно подразделить на ремесленные, изготовленные на гончарном станке, и домашней лепной работы. Рассмотрим вначале первые изделия ремесленной работы.

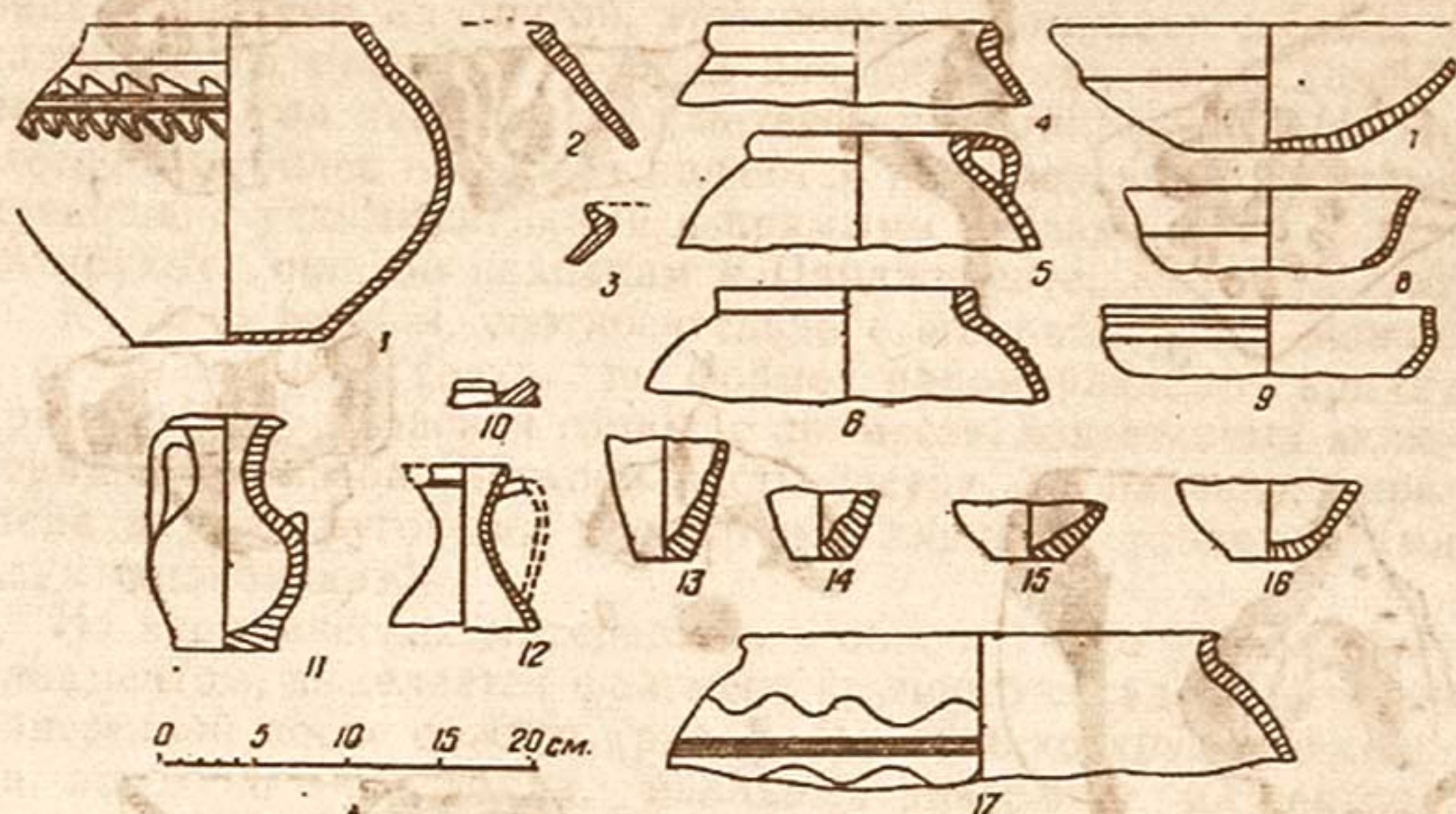

Рис. 4. Тонкостенная керамика V—VII вв.

Почти полностью удалось восстановить сосуд типа кринки (рис. 4, 1), тонкостенный, красноглиняный, покрытый белым ангобом. Сосуд приземистый, с дугообразными в разрезе стенками. Венчик пластинчатый с характерным выемом для крышки. Плечики сосуда украшены двумя ярусами волнистых линий. Под венчиком — четыре отверстия для шнура. Высота сосуда — 17,2 см, диаметр венчика — 15,6 см, диаметр корпуса — 23 см. В фрагментах встречались и другие сосуды этого вида (рис. 4, 2—3). Подобные сосуды более крупных размеров найдены в верхних наслоениях городища Пянджикент⁴, датированных VII—VIII вв.

⁴ И. В. Бентович. Керамика верхнего слоя Пянджикента (VII—VIII вв.), Труды Таджикской археологической экспедиции, т. IV, МИА, 124, М.—Л., 1964, стр. 272, рис. 8.

В мелких обломках встретились близкие по времени кринки со сливом под венчиком (рис. 5, 5—6), широко распространенные в наслоениях V—VII вв. поселений Согда⁵, но впервые встретившиеся в Каршинском оазисе.

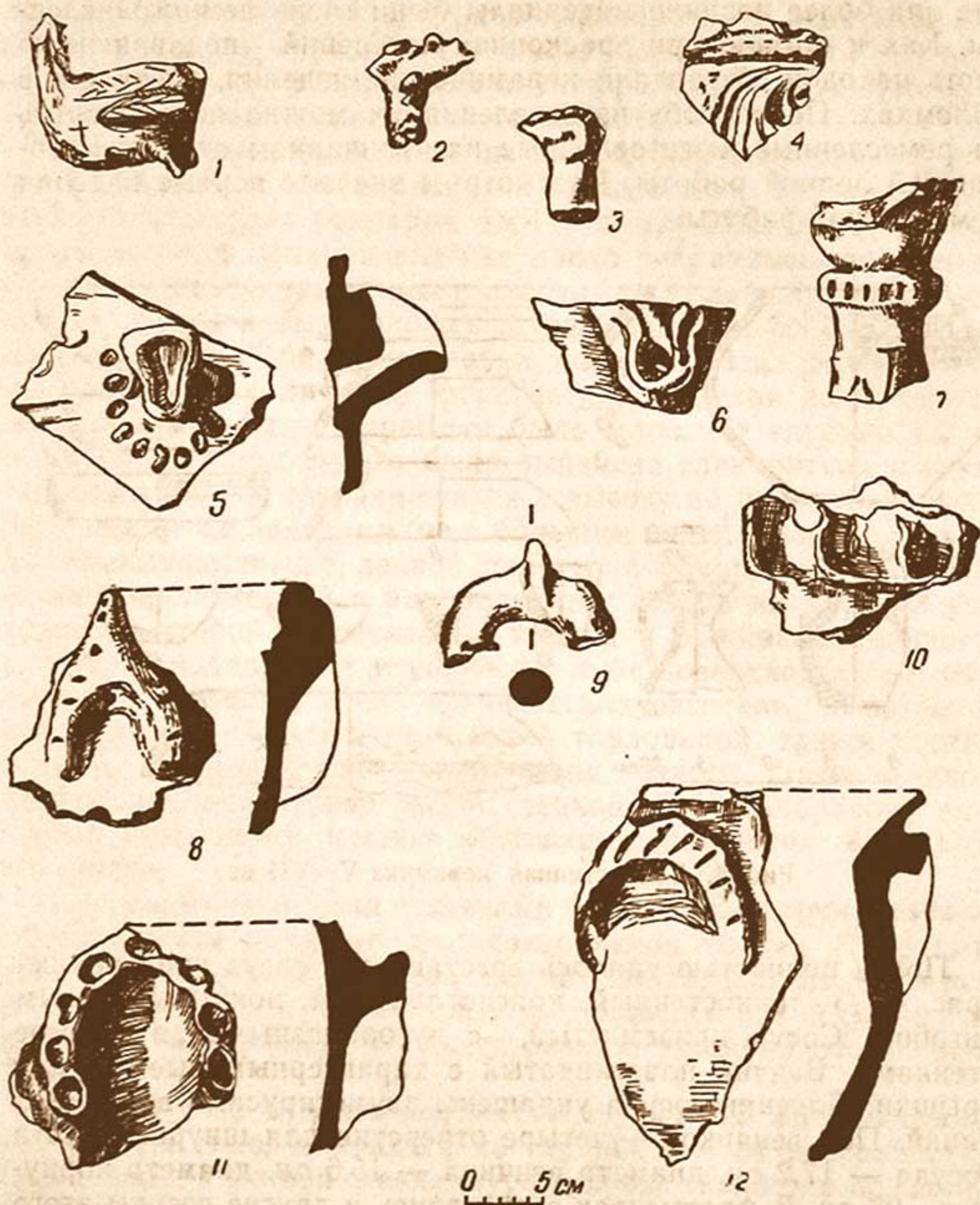

Рис. 5. Элементы декора керамических изделий.

Очень характерна уплощенная миска (рис. 4, 7), относительно толстостенная, плохого обжига, покрытая серым ангобом. Корпус сосуда с резко выраженным перегибом в верхней

⁵ С. К. Кабанов. Археологические данные к этнической истории Южного Согда в III—VI веках, СА, 1963, № 1, стр. 223.

части. Наиболее близкие аналогии описанным уплощенным мискам известны в материалах Пянджикента VI—VII вв.⁶

Небольшие кувшинчики найдены нескольких видов, из них наиболее характерны выявленные здесь лишь в фрагментах (рис. 4, 13—14) тонкостенные сосуды, известные уже в ряде памятников Каршинского оазиса⁷. Кувшинчики эти стройные, обычно хорошего обжига, покрыты серым ангобом; датируются они в широких хронологических рамках с III по VI в.

Почти целым найден кувшинчик относительно толстостенный, с намечающимся поддоном, слегка вытянутым корпусом и узкой шейкой раструбом (рис. 4, 11); с ручкой на одной стороне и носиком на другой, этот сосуд напоминает собой металлический «чойдуш» — сосуд для кипячения воды. Подобный сосуд был найден на Куль-тепе⁸, памятнике VI—VIII вв. Несколько более поздними являются и относительно крупные кувшины с узкими шейками и прямыми сливами (рис. 4, 12); датируются они, по находкам в Пянджикенте, VII—VIII вв.⁹

К тонкостенным, соотносительно с его размерами, можно отнести большой сосуд, по форме напоминающий кринку (рис. 4, 17), из красной глины, с примесью известковых включений, без ангоба. Верхняя часть сосуда, по плечу, украшена двумя круговыми волнистыми линиями, разделенными двумя ложбинками.

Из керамических материалов, в общем скупо украшенных орнаментом, выделяется фрагмент крупного сосуда с резьбой, нанесенной после обжига (рис. 5, 4); плечико крупного сосуда, вероятно — кувшина, валиками разделено на сектора, разработанные растительными узорами.

Примерно половину материалов из раскопок здания составляли обломки сосудов лепной работы, изготовлявшихся из глины с большей или меньшей примесью шамота и обжигавшихся на костре. Поверхность сосудов домашнего изготовления покрывалась серой обмазкой различной плотности, сквозь которую проступают отдельности шамота.

Наиболее распространенным видом сосудов лепной работы были котлы, ни одного из которых не удалось взять целым. Это были, видимо, плоскодонные сосуды, со скобообразными в разрезе стенками корпуса, сужающегося к устью (рис. 6, 1); венчик прямой или отогнут наружу. Все ручки — накладные

⁶ А. И. Тереножкин. Раскопки в кухендизе Пянджикента, Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции, т. 1, МИА, 15, М.—Л., 1950, стр. 91, табл. 41, 3 ж.

⁷ С. К. Кабанов. Археологические данные по истории Нахшеба в III—V вв., ВДИ, 1958, № 2, стр. 165—166.

⁸ У. Алимов. Раскопки на Культепе в Каршинском оазисе, ИМКУ, вып. 8, Ташкент, 1969, стр. 110, рис. 2, 1.

⁹ И. Б. Бентович. Указ. соч., стр. 281, рис. 19.

под венчиком, подковообразные или прямые, разнообразные по разработке. Наиболее характерны ручки с выступами на вершине дужки, видимо, имитирующие изделие из металла (рис. 5, 8, 9), но чаще на дужки наносились круглые вмятины или насечки (рис. 5, 11—12). В нижних слоях шурфа найдена пластинчатая ручка с зубцами (рис. 5, 10); возможно, что эта ручка древнее дугообразных. Встречаются ручки в виде витой накладки (рис. 6, 1).

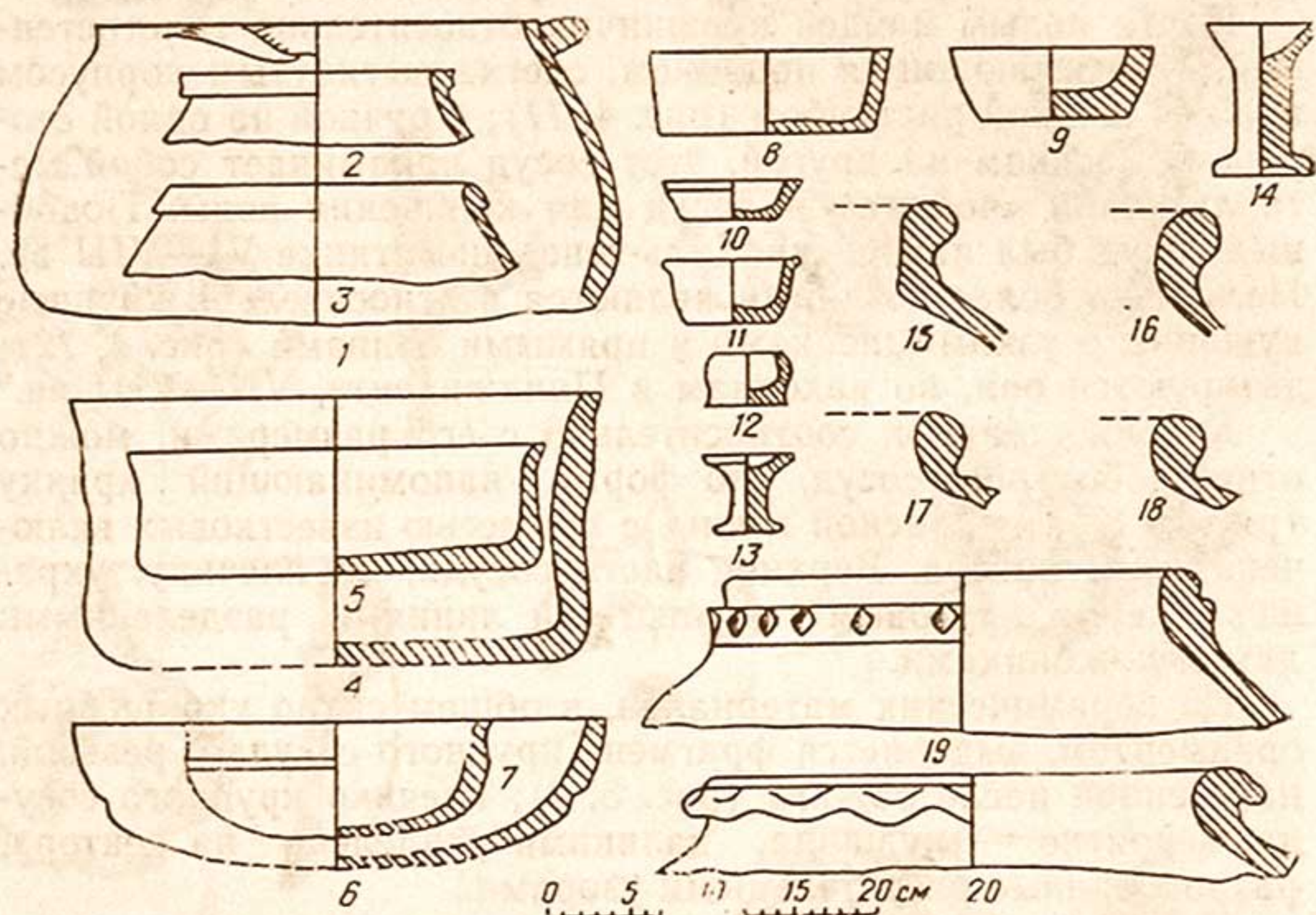

Рис. 6. Лепная керамика и фрагменты хумов.

Крышки котлов украшались углублениями, нанесенными по окружности и радиусу рядами или же россыпью. Подобные крышки встречались и в других памятниках Каршинского оазиса¹⁰.

Сосуды других видов были очень разнообразными как по размерам, так и по форме, а следовательно, и по назначению. Найдены довольно крупные (диаметром до 30 см) толстостенные плоскодонные сосуды цилиндрической формы с прямыми или слегка изогнутыми стенками (рис. 6, 4—5), различной высоты — до 17 см. Широко применялись и сосуды с закругленными или полусферическими днищами, служившие, видимо, в качестве мисок или чаш (рис. 6, 6—7); при изготовлении этих сосудов, их донных частей, применялись формы, оставив-

¹⁰ С. К. Кабанов. Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе, стр. 97.

шие после себя ровные поверхности днищ, сверху обрамленные валиками. Чаши небольших размеров формировались полностью от руки, иногда довольно грубо, с бугристой поверхностью (рис. 6, 8—9). Встречались миниатюрные сосуды (рис. 6, 10—12), назначение которых еще нельзя считать точно установленным¹¹, предполагается, что эти сосуды культового назначения, но не исключено, что они находили применение в быту. Найдены две курильницы (рис. 6, 13—14), из них одна с круглыми налепами по краю устья и с шиповидным выступом в середине донышка. Почти все эти виды сосудов находят свои аналогии в изделиях лепной работы, найденных в наслоениях V—VI вв. Шор-тепе¹². Очень характерны светильники в виде круглых плоских с ручками в виде пластинчатых или проушных выступов, однако без зооморфных украшений, как на сосудах этого вида из Шор-тепе¹³.

Рассмотрев основную часть наших материалов — керамические изделия, перейдем к материалам других видов.

Найдено несколько крупных фрагментов изделий из железа. Прежде всего отметим обломок изогнутого пластинчатого стержня с заостренной внутренней стороной (рис. 7, 1); видимо, это был серп. Выясняется, что довольно широко были распространены сосуды из железа, о чем свидетельствует находка фрагмента одного такого миниатюрного сосуда (рис. 7, 2), а также трех ручек других сосудов (рис. 7, 4—6). Найден железный наконечник стрелы (рис. 7, 3); половина его разрушена, поэтому о нем можно лишь сказать, что он был с круглым черенком и, видимо, округлый в срезе; длина наконечника — 6,3 см.

Интересной находкой является упомянутая выше медная чаша с закругленным дном. Чаша почти полусферической формы с вертикальным, слегка утолщенным краем устья. Высота чаши — 6,2 см, диаметр устья — 15,2 см. Из меди были найдены и две ложечки, из них от одной сохранилась лишь часть стержня, другая же — почти полностью (рис. 7, 7, 11). Ложечка длиной 15 см с круглым стержнем и слегка вогнутой округлой пластиной. Найдены ложечки недалеко от описанной чаши и, видимо, были предметами одного «сервиза». Недалеко от этих предметов найдена и ручка металлической крышки (?) в виде массивной фигурной пластинки с отверстием (рис. 7, 12). В помещении 6 (см. план, рис. 2) был обнаружен миниатюрный сосудик полусферической формы с профилиро-

¹¹ М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода, ТХАЭЭ, т. IV, Керамика Хорезма, М., 1959, стр. 167.

¹² С. К. Кабанов. Раскопки на Шор-тепе близ Карши в 1952—1953 гг., ИМКУ, вып. V, Ташкент, 1964, стр. 84, рис. 11.

¹³ С. К. Кабанов. Археологические данные к этнической истории Южного Согда, СА, 1963, № 1, стр. 227, рис. 5.

ванным наружу венчиком и с двумя отверстиями под ним (рис. 7, 8); похоже, что это чаша миниатюрных весов. В помещении 3 найдена медная подвеска в виде изогнутого в кольцо стержня со спиральными ложбинками; конец стержня, в виде головы змеи, отогнут наружу (рис. 7, 9).

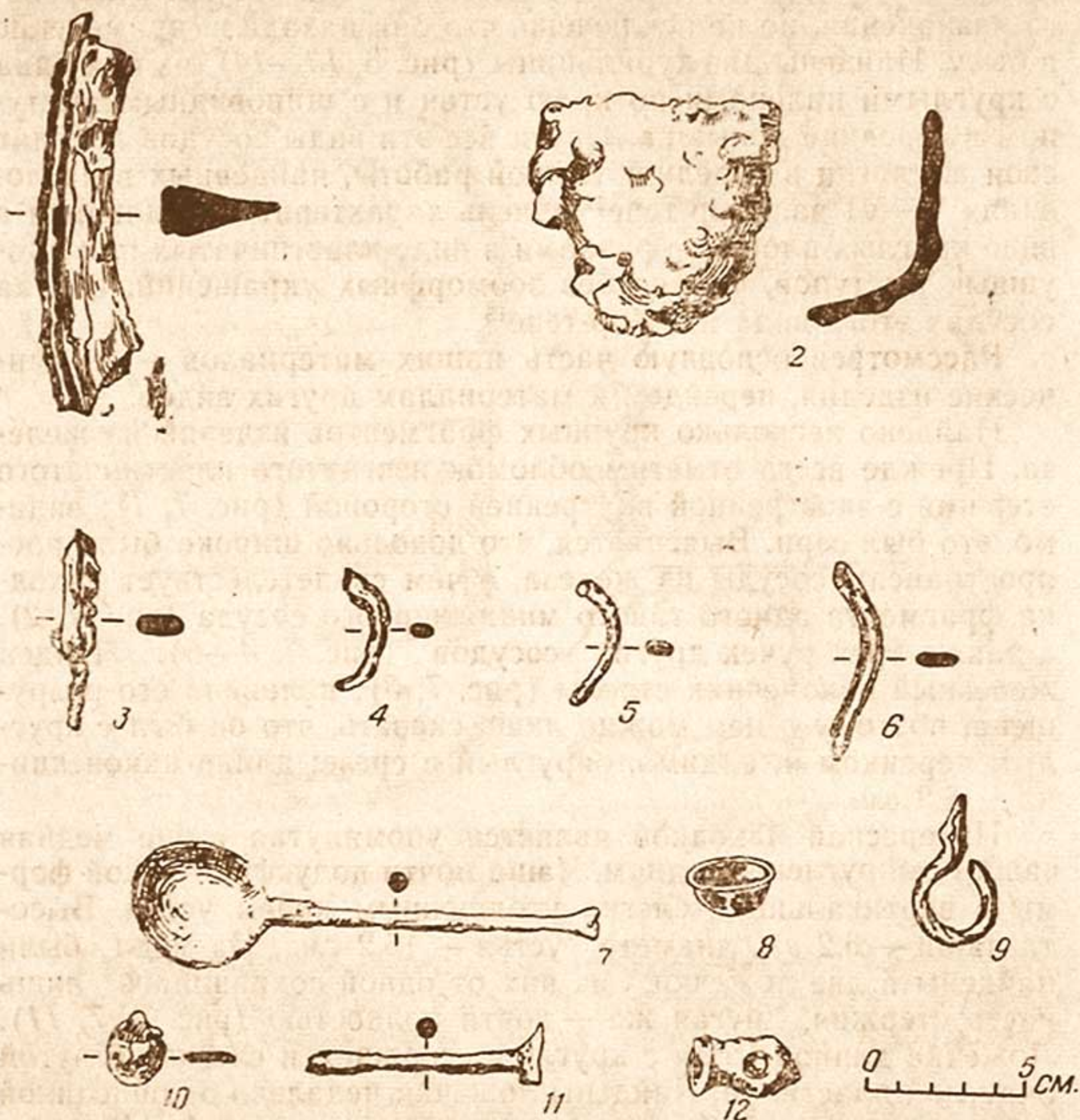

Рис. 7. Металлические изделия.

Одной из наиболее интересных находок нужно считать также флакон из стекла желтоватого цвета, найденный на полу помещения 6. Флакон почти шаровидной формы, со слегка уплощенным дном, в центре которого обычное для стеклянных изделий углубление — след их изготовления¹⁴. Горлышко в

¹⁴ Подобный флакон см.: А. М. Беленицкий. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951—1953 гг.), МИА, 66, стр. 134, рис. 32.

виде узкой трубки, завершенной раструбом. Шаровидный корпус флакона обвивает грубо наложенный валик, образующий три дужки; в две из них наложены округлые налепы; с одной стороны — один, с противоположной — два. Концы валика не сомкнуты, слегка утолщены и им как будто придана форма змеиной головы. Не указывает ли это на назначение флакона как сосуда, предназначенного для хранения лекарства? Высота сосуда 8 см, диаметр корпуса 6 см.

На полу, в северо-восточной части коридора, был найден обломок большой раковины-жемчужницы¹⁵. Найдены и обломки двух других раковин, также морских; эти находки свидетельствуют о связях обитателей поселения, развалинами которого является Айтугды-тепе, с отдаленными странами южных морей.

Выше упоминалось о находке обломка расчески с изображением лучника. Расческа была сделана из ребра крупного животного, на тонкой его стороне были вырезаны массивные зубья; длина обломка кости 9,3 см. Видимо, расческа употреблялась в качестве средства производства — для расчесывания пряжи, однако это ее употребление было вторичным, вначале кость была предметом приложения мастерства древнего художника, причем очень искусного. Тонкими линиями уверенной рукой на одной стороне кости был нанесен рисунок стрелка из лука (рис. 8); возможно, что было и изображение цели (противник или дичь), но оно не сохранилось, перед стрелком кость обломана. Сохранившийся конец кости был украшен с обеих сторон полоской орнамента в виде двойной зигзагообразной линии, образующей треугольники, в которые вписаны полудужия. В передаче образа стрелка достигнута большая выразительность, человек находится в движении, он наклонился вперед и с усилием натягивает лук. Изображение головы, в полуобороте вправо, нанесенное на выпуклую часть кости, сильно истерто, видимо, при применении ее в качестве расчески, но все же черты лица — глаза, прямой нос различаются хорошо. Туловище изображено схематически, в виде двух сходящихся к узкой талии линий. Правой рукой, согнутой в локте, стрелок натягивает тетиву, кисть — чуть ниже подбородка. Левая рука вытянута вперед, натягивая тетиву, кисть охватывает рукоять оружия. Лук — очень большой, пятичленной формы: почти прямая рукоять, плавно изогнутые плечи, отогнутые рога — типичный лук кушано-сасанидского типа¹⁶.

¹⁵ *Pinctada* sp. — жемчужница. Морской двустворчатый моллюск из Индийского океана. Определение научного сотрудника Зоологического института Академии наук СССР О. А. Скарлата.

¹⁶ Б. А. Литвинский. Сложносоставной лук в древней Средней Азии, СА, 1966, № 4, стр. 66—69.

Из одежды стрелка различается полоска, охватывающая шею, разрез халата (?), также в виде полосы, обшлага на рукавах. Нижняя часть изображения сильно испорчена при изготовлении расчески, но все же видно, что человек стреляет с колена. Различается колчан со стрелами.

На оборотной стороне кости, кроме полосы орнамента у края, видно примитивное изображение лука со стрелой, видимо, нанесенное чесальщиком шерсти.

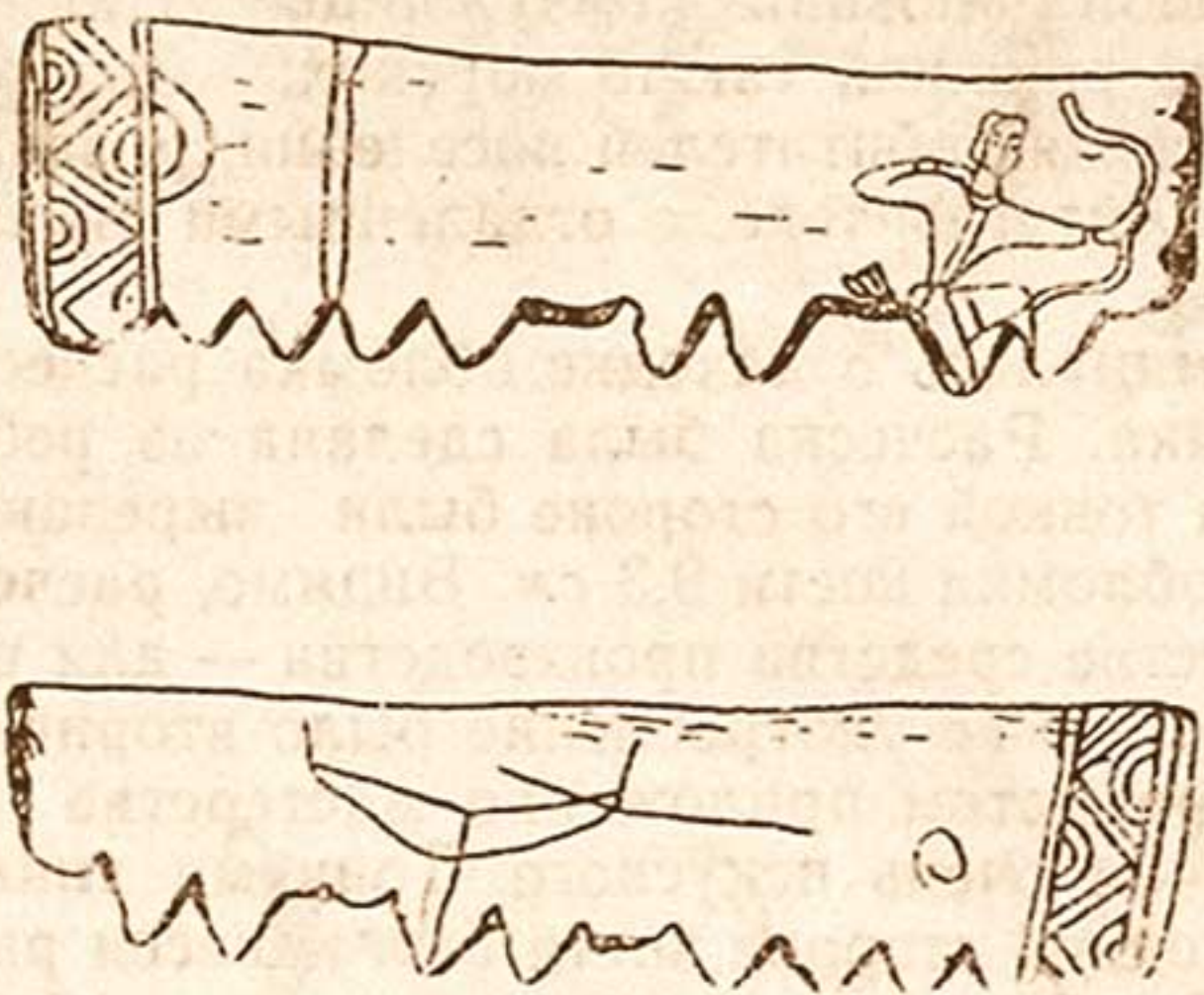

Рис. 8. Кость с гравированным изображением лучника.

Описанием этой редкой находки, свидетельствующей о высоком уровне искусства резьбы по кости в древности, мы и закончим рассмотрение материалов из наслоений, прикрывающих развалины здания.

Материалы раскопок позволяют восстановить в основных чертах историю поселения, развалинами которого было Айтугды-тепе; вместе с тем определяется и значение этого памятника для изучения истории древнего земледельческого оазиса низовьев реки Кашкадарья.

Выявлено три культурных слоя, соответствующих трем периодам в жизни поселения. Нижний из слоев наиболее отчетливо представлен развалинами древнего здания (включенного в стилобат), которое, судя по размерам квадратного кирпича, можно датировать I—III вв. н. э.¹⁷ Второй слой в вышке образован развалинами здания с коридором; в ней найдены монеты, датированные V—VI вв. Верхний, наиболее поздний слой, перекрывающий забивку центрального помещения, дати-

¹⁷ С. К. Кабанов. Изучение стратиграфии городища Афрасиаб. СА. 1969, № 1. стр. 188.

руется VII—VIII вв. В этот последний период в ремесленной гончарной продукции четко выражены связи с наиболее развитой частью Согда — районом Самарканда и Пянджикента.

В первые века нашей эры здесь существовало поселение, прямоугольное в плане, окруженное стеной; в юго-западной части поселения, на особом стилобате высотой около 3 м, был возведен замок владельца. Собственно, археологических данных для характеристики поселения в этот его период очень немного. К ним относятся прежде всего две кладки из квадратного кирпича размеров, наиболее характерных для первых веков нашей эры. Из керамических материалов к древнейшему слою относится сосуд грушевидной формы лепной работы, найденный под древней кирпичной кладкой. Два фрагмента керамики из нижних слоев шурфа по своему облику также тяготеют к древнейшему слою, это фрагмент тонкостенного сосуда с плотным матовым ангобом, а также часть стержня курильницы с врезными знаками в виде буквы «Т» и некоего другого треугольного знака (рис. 5, 7).

Во втором периоде истории поселения древнее здание уже было разрушено, его развалины закреплены по сторонам подпорками и включены в стилобат нового здания, основной чертой планировки которого являлось наличие обходного коридора как организующего элемента внутреннего пространства. Такая особенность планировки, в еще более четком выражении, уже известна в двух памятниках — на Аул-тепе¹⁸ и в здании близ Кафир-калы в окрестностях Самарканда¹⁹ и, следовательно, можно полагать, что она является характерной для древней согдийской архитектуры.

На Айтугды-тепе, как уже указывалось, помещения южной стороны здания сильно отличались от помещений северной стороны: последние были более просторными, стены — капитальными. Если к тому же учесть, что северная сторона здания была более благоприятной в климатическом отношении, здесь жарким летом сохранялось больше прохлады, то можно сделать вывод, что северные помещения предназначались для членов семьи или приближенных владельца здания, а южные — для его челяди. В центральном помещении обитал сам владелец, занимавший довольно высокое место, как представитель господствовавшего класса, в обществе своего времени; об этом свидетельствует поселение, расположенное у подножья замка. Конечно, этот владелец был рангом ниже вла-

¹⁸ С. К. Кабанов. Согдийское здание..., стр. 146, рис. 4.

¹⁹ Г. В. Шишкина. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом, ИМКУ, вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 194, рис. 2.

дельца здания, развалинами которого было Аул-тепе; этот последний определен нами как правитель округа²⁰, владелец же поселения, развалинами которого было Айтугды-тепе, мог быть владельцем одного укрепленного поселения, а также ближайших усадеб. Это был дихкан более поздних письменных источников²¹.

Здание, руины которого нами исследованы, в ходе его использования было капитально перестроено; признаком перестройки является плотная забивка, заполнившая нижнюю часть центрального помещения, однако остальные комнаты продолжали использоваться без существенных переделок, по крайней мере, еще в VII в. Выше, при рассмотрении керамических материалов, можно было отметить, что некоторые из них тяготеют к V—VI вв., другие — к VII—VIII вв.; стратиграфически комплекс не удалось расчленить более точно ввиду плохой сохранности памятника.

²⁰ С. К. Кабанов. К изучению аграрного строя Согда в V—VI вв., СА, 1966, № 3, стр. 56.

²¹ Согдийские документы с горы Муг, вып. III, Хозяйственные документы, чтение, перевод и комментарии М. Н. Боголюбова и О. И. Смирновой, М., 1963, стр. 8.

М. Н. ФЕДОРОВ

К ВОПРОСУ О ПОКУПАТЕЛЬНОЙ СПОСОБНОСТИ ДИРХЕМА И ДИНАРА¹ В СРЕДНЕЙ АЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ (IX—XII вв.)

Проблема «ценности» или покупательной способности дирхема и динара — основных денежных единиц средневекового мусульманского Востока — представляет большой интерес, но, к сожалению, пока мало изучена, так как решение этого вопроса сопряжено с большими трудностями. Автор английского перевода «Истории Бухары» Ричард Н. Фрай, например, считает, что «определение ценности дирхема Средней Азии того времени (IX—X вв. — М. Ф.) является невозможным²».

Вместе с тем решение ряда вопросов не только нумизматического, но и чисто исторического и историко-экономического порядка не представляется возможным без определения «ценности» дирхема и динара. Оба эти термина остаются абстрактными, мертвыми понятиями до тех пор, пока мы не узнаем, сколько хлеба, муки, ячменя можно было купить за дирхем или динар, сколько стоили земельный участок, предметы роскоши, вооружения и т. д. Очень важно и то, что покупательная способность дирхема и динара, как правило, являлась наиболее чутким показателем экономического состояния страны на разных этапах ее истории.

Единственным источником по указанному вопросу являются труды средневековых авторов, а для более позднего времени и вакуфные документы.

Обычно сведения о покупательной способности дирхема и динара встречаются в средневековых сочинениях не часто. В этом отношении «История Мас'уда», написанная одним из вы-

¹ Дирхем — серебряная монета весом 2,97 г., равен 48 медным фельсам. Динар — золотая монета весом 4,23 г., равен 20 дирхемам. См.: Ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей, пер. А. М. Беленицкого, Л., 1963, стр. 490.

² The history of Bukhara. Translated from a Persian Abridgment of the Arabic Original by Narshakhi by Richard N. Frye, Cambridge—Massachusetts, 1954, p. 127.

дающихся летописцев газневидского круга Абу-л-Фазлом Бейхаки, является исключением.

Кроме того, о покупательной способности дирхема и динара мы узнаем из «Истории Бухары» Абу Бакра Наршахи, сочинения Низами Арузи Самарканди «Собрание редкостей или четыре беседы», а также из некоторых других произведений средневековых авторов. Эти источники дают ценные сведения по интересующему нас вопросу и позволяют провести аналогии между IX—X и XI — первой половиной XII вв.

Помимо сведений о ценах на различные товары и недвижимое имущество, в «Истории Мас'уда» содержатся данные, позволяющие проследить, как менялись эти цены в зависимости от экономического состояния Хорасана во второй четверти XI в.

Непомерные налоги, неуголимая алчность вельмож, не останавливавшихся перед открытым грабежом населения, разорительные военные походы, кончившиеся разгромом Мас'уда, его неумная расточительность — все это привело Хорасан к полному разорению.

Наказывая мелких воришек и грабителей, Мас'уд открыто поощрял крупных. Так, воин, отнявший у крестьянина овцу, был повешен по приказу Мас'уда³, а наместник Хорасана Абу-л-Фазл Сури, разоривший поборами страну, но преподнесший Мас'уду дары на 4 млн. дирхемов, был признан лучшим слугой государя. Причем, по утверждению современников, из десяти дирхемов Сури отдавал Мас'уду только пять⁴.

Большой урон казне причиняла расточительность Мас'уда. На пиру он мог подарить поэту миллион дирхемов⁵, в порыве великодушия простить провинившемуся чиновнику несколько миллионов дирхемов долга⁶ и т. д. По весьма неполным подсчетам, за 10 лет правления Мас'уда в дар родственникам и вельможам, послам и поэтам, танцовщицам и музыкантам, купцам, чиновникам, воинам и т. д. из государственной казны было роздано 20 млн. дирхемов и 250 тыс. динаров. Здесь не учтены средства на содержание двора, армии, чиновничьего аппарата, постройку крепостей, дворцов и т. д. Например, в 427/1036 г. в окрестностях Газны был построен новый замок-дворец для Мас'уда. Строительство продолжалось 4 года и обошлось казне в 7 млн. дирхемов. Однако Бейхаки подчеркивает, что сверх средств, истраченных на содержание наемных рабочих, еще в два раза больше пришло хашара и бесплатных

³ История Мас'уда, пер. А. К. Арендса, Ташкент, 1962, стр. 399.

⁴ Там же, стр. 367—368.

⁵ Там же, стр. 139.

⁶ Там же, стр. 138.

рабочих⁷. Таким образом, реальная стоимость постройки замка превышала 20 млн. дирхемов.

Абу-л-Фазл Бейхаки в «Истории Мас'уда» нарисовал достоверную картину разрухи и голода — последствий экономической и военной политики Мас'уда. В первую очередь это можно проследить на изменении цен и покупательной способности дирхема и динара в государстве Газневидов. Следует, правда, отметить, что в первые годы правления Мас'уда положение в государстве было довольно сносным.

Рассмотрим, например, цены на хлеб — предмет жизненной необходимости. Цены зависели от географических и климатических условий, от урожайности, но еще в большей степени от факторов экономического и политического порядка (войн, разорительных поборов и т. д.).

В период сравнительного благополучия, в 426/1035 г. (очевидно, урожайном) в Дихистане за 1 дирхем можно было купить 10 манов (6,8 кг) хлеба или 15 манов (10,2 кг) ячменя⁸. Это минимальные цены, приводимые в «Истории Мас'уда». В последующие годы, однако, цены неуклонно возрастали. В 429/1038 г. минимальной ценой 7 манов хлеба в Хорасане был уже 1 дирхем, а максимальной (в полупустынных районах) — 7 дирхемов⁹.

В 431/1039—1040 г. в Нишапуре, некогда богатом и цветущем городе, в результате войн, грабежей и поборов начался сильный голод. Сначала ман хлеба стоил 3 дирхема (цена для Нишапура невиданная), и жители, срывая кровлю с домов, продавали ее, но все же умирали от голода. По сообщению Бейхаки, «дирхем шел за данак», т. е. его покупательная способность упала в 6 раз¹⁰. Позже, в самый разгар голода, цена 1 мана хлеба поднялась до 13 дирхемов, и большая часть жителей города и округа погибла голодной смертью. В других областях государства Газневидов дела обстояли менее плачевно. Так, в государственных хранилищах столицы Мас'уда — Газне было припасено более 20 тыс. кафизов (3500 т зерна)¹¹.

Разруха и голод быстро распространялись по всему Хорасану. В том же 1040 г. участь Нишапура постигла города Тус, Серахс и их округу. Стоимость 1 мана хлеба в Серахсе поднялась до 10, а в Тусе — до 13 дирхемов. Автор «Истории Мас'уда» обвинял в создавшемся положении наместника Хорасана: «Сури разорил эту область»¹². Однако не только Сури был

⁷ История Мас'уда, стр. 442.

⁸ Там же, стр. 394.

⁹ Там же, стр. 475.

¹⁰ Там же, стр. 537.

¹¹ Там же, стр. 538.

¹² Там же, стр. 541 и 557.

этому виной: он грабил и разорял страну с молчаливого согласия самого Мас'уда.

Интересны сведения, приведенные в «Сафар-наме» Носира Хисроу. Так, в июле 1046 г. в деревне Куха возле Казвина был сильный недород и 1 ман ячменного хлеба там продавали за 2 дирхема. В июне 1052 г. в Исфагане тоже был недород и 1,5 мана пшеничного хлеба продавали за один полновесный дирхем; столько же стоили 3 мана ячменного хлеба. Однако, по словам Носира Хисроу, жители Исфагана утверждали, что до этого недорода «у них никто не видывал восьми ман хлеба дороже дирхема». По сообщению того же Носира Хисроу, в ноябре 1046 г. в Западном Иране в районах, богатых проточной водой и виноградниками, 200 манов винограда продавали за 1 динар. Столько же стоили 100 манов меду¹³ (видимо, имеется в виду виноградный мед).

В IX в. хлеб, видимо, стоил дешевле, чем в XI в.: так, в 886 г., когда в Бухарском оазисе был сильный голод, цена 1 мана хлеба все же не поднималась выше 3 дирхемов¹⁴.

Прямым следствием политики Мас'уда было обесценивание земельных владений. Характерен в этом отношении рассказ Абу-л-Фазла Бейхаки о селении Мухаммадабад, расположенном возле Нишапура. В хорошие для Нишапура времена один джуфтвер (или джериб — мера площади от 1260 до 1592 м²) прстой земли продавался в этом селении за 1000 дирхемов, а если на ней были деревья и она возделывалась, то за 3000 дирхемов. В 1040 г., когда в Нишапуре начался голод, а Хорасан был ареной военных действий, джуфтвер земли продавался за 200 дирхемов, а позже, в самый разгар голода, джериб земли в Мухаммадабаде продавался лишь за 1 ман пшеницы¹⁵. Следовательно, покупательная способность дирхема и динара прямо зависела от экономического состояния Хорасана в 30—40-х годах XI в.

Интересно отметить, что цены на землю в Хорасане и Бухаре за 100 лет (с 943—954 по 1039—1040 гг.) не намного изменились. В 943—954 гг. в так называемой «Деревне магов» под Бухарой был построен Самаркандский дворец. Желая приобрести участок по соседству с поместьями эмира, вельможи наперебой раскупали там землю, в связи с чем цена возросла до 4000 дирхемов за джериб¹⁶. Таким образом, в мирное время стоимость земли в Нишапуре в XI в. и в Бухаре в X в. была примерно одинаковой.

¹³ Носир Хисроу. Избранное, Сталинабад, 1954, стр. 24, 116, 28, 29.

¹⁴ The history of Bukhara, p. 38.

¹⁵ История Мас'уда, стр. 537—538.

¹⁶ The history of Bukhara, p. 31.

В 1128 г. переводчик «Истории Бухары» на персидский язык Ахмад ибн Наср ал-Кубави писал, что «сейчас эти поместья отдаются даром, но никто их не хочет. Что бы не было куплено, все было приобретено без пользы из-за угнетения и отсутствия милосердия к народу»¹⁷. Видимо, в 1128 г. в Бухаре положение было не намного лучше, чем в Нишапуре 1040 г.: произвол и притеснения властей привели к обесцениванию земельной собственности.

Налоги с областей взимали в зависимости от их размеров и богатства. Так, во второй четверти XI в. Табаристан платил Мас'уду 100 тыс. дирхемов¹⁸, а соседний Табаристану Дейлем во второй половине X в. платил Саманидам 160 тыс. нишапурских дирхемов¹⁹.

Возможно, что официальная сумма налогов с той или иной области в государстве Газневидов была не намного выше, чем в предшествующий период в государстве Саманидов. Однако благодаря злоупотреблениям и хищениям чиновников Мас'уда реальный объем поборов исчислялся суммой гораздо больше. Вспомним хотя бы наместника Хорасана, Сури, который из 10 награбленных дирхемов Мас'уду отдавал только 5.

В этом смысле показательна и система выплаты жалования войску, неоднократно применявшаяся газневидской администрацией. Каждому воину выдавался берат, своего рода ордер на получение определенной суммы из податных сборов, после чего воины отправлялись на грабеж мирного населения и брали много больше, чем было указано в бератах. Так, в 430/1039 г. «на Герат с его округами, на Бадгис и Гянджруста, куда можно было достать, выписали бераты войску на тысячу тысяч динаров и взимали насильно под предлогом: почему-де ладили с туркменами»²⁰. Когда в 426/1035 г. армия Мас'уда подошла к Амулю, воинам были выписаны бераты и за четыре дня грабежей войску досталось 160 тыс. динаров (учтенные по бератам деньги). Кроме того, в два раза больше было захвачено сверх всякой меры, не считая продовольствия²¹.

В «Истории Мас'уда» содержатся сведения о размере годового дохода купцов и скотопромышленников, о доходах с государственных имений, о содержании государевых чиновников, поэтов, вельмож в опале, представителей вассальных династий, находившихся при дворе в качестве заложников, о богатстве вельмож и т. д.

¹⁷ The history of Bukhara, p. 31.

¹⁸ История Мас'уда, стр. 408.

¹⁹ The history of Bukhara, p. 99.

²⁰ История Мас'уда, стр. 521.

²¹ Там же, стр. 409.

Годовой доход купца Абу Мути, который иногда вел торговые дела Мас'уда, составлял 16 тыс. динаров²². Газнийский кедхудай Манк Али Меймун содержал отары для эмира Мас'уда. В 1030 г. доход с этого хозяйства составил 15 тыс. динаров, кроме того в отарах еще насчитывалось 16 тыс. овец (цена барана была в то время около 1 динара)²³. За 15 лет доход с государственных имений в Газнийском округе составил 17 млн. дирхемов²⁴. Ежемесячное содержание государственных чиновников-дебиров обходилось в 70 тыс. дирхемов²⁵. Абу-л-Аскар, брат правителя области Меркан, будучи «на службе при дворе» (т. е. находясь при Мас'уде в качестве заложника) получал 5000 дирхемов жалования в месяц и по два халата в год. Помимо этого из хараджа с области Меркан Абу-л-Аскару отчислялось 10 тыс. динаров, не считая одежды и редких вещей²⁶. Заложник рангом ниже получал только 5000 дирхемов ежемесячно²⁷.

На содержание опального вельможи, заточенного с несколькими слугами в Газнийскую крепость, Мас'уд велел выдать 1000 динаров и 20 тыс. дирхемов²⁸. Гонцу, отправленному с важным поручением, дали отличного коня и 2000 дирхемов²⁹.

В руках знати газневидского государства накапливались огромные ценности, исчисляемые миллионами дирхемов или сотнями тысяч динаров. Состояние вельможи Абу Насра оценивалось в 300 тыс. динаров³⁰.

В качестве аналогии IX—X вв. большой интерес представляют некоторые данные, приведенные в «Истории Бухары». Последний из потомков Бухар-Худатов, владевший поместьями в Бухаре, получал с них 20 тыс. дирхемов дохода в год³¹.

Под Бухарой была местность Даштак, поросшая камышом. Исмаил Самани купил ее у своего подданного за 10 тыс. дирхемов и в первый же год выручил такую же сумму от продажи камыша³².

В IX—X вв. считалось, что для скромного существования супружеской четы необходима была сумма в 300 дирхемов в год³³. Подмастерье медника в IX в. получал 15 дирхемов в месяц (180 дирхемов в год)³⁴.

²² История Мас'уда, стр. 137.

²³ Там же, стр. 138; И. С. Брагинский. Очерки из истории таджикской литературы, Душанбе, 1956, стр. 370.

²⁴ История Мас'уда, стр. 138.

²⁵ Там же, стр. 152.

²⁶ Там же, стр. 236.

²⁷ Там же, стр. 205.

²⁸ Там же, стр. 230.

²⁹ Там же, стр. 357.

³⁰ Там же, стр. 89.

³¹ The history of Bukhara, p. 12.

³² Ibid, p. 28.

³³ А. Мец. Мусульманский ренессанс, М., 1966, стр. 299.

³⁴ В. В. Бартольд. Сочинения, т. 1, М., 1963, стр. 274.

Низами Арузи сообщает о своего рода прожиточном минимуме для второй половины X в. Абу-л-Хасан Фаррухи, придворный поэт Махмуда Газневидского, в ранней молодости служил у одного из сеистанских дехкан, который платил ему ежегодно 1000 манов (680 кг) зерна и 100 дирхемов, чеканенных при Нухе (ибн Мансуре, 976—977 гг.), т. е. дирхемов высокопробных. Этого Фаррухи хватало. Однако после женитьбы он просил хозяина платить ему 1500 манов зерна и 150 дирхемов, ибо «это, быть может, уравновесит мои (Фаррухи) расходы»³⁵.

В «Истории Мас'уда» приведены также данные о стоимости различных предметов роскоши, вооружения, утвари и т. д. Стоимость жемчужных ожерелий колебалась от 10 тыс. до 1000 динаров³⁶, два меча на перевязях, усыпанных драгоценными камнями, стоили 50 тыс. динаров³⁷, наседельный чепрак с вышивкой — 50 дирхемов³⁸. Привозные багдадские стеклянные кубки, простые и конические, стоили очень дорого — по 1 динару штука, а в голодное время в Нишапуре — лишь 3 дирхема³⁹.

В начале 70-х годов XI в. боевой скакун из конюшни султана Меликшаха стоил 300 нишапурских динаров⁴⁰. Примерно столько же (320 динаров) стоила быстроходная охотничья лошадь в XII в.⁴¹

Боевой слон из войска Мас'уда стоил 100 тыс. дирхемов⁴². Боевые слоны, естественно, ценились гораздо дороже обыкновенных рабочих слонов. Так, во второй половине X в. рабочий слон (правда, в самой Индии, а не в Газне) стоил 10 тыс. дирхемов⁴³.

В «Истории Бухары» приводятся цены на оружие в VIII в. В войске Кутейбы было мало оружия и поэтому цены сильно поднялись, так что копье стоило 50 дирхемов, щит 50—60, а кольчуга 700 дирхемов⁴⁴. Во времена Мас'уда, возможно, цены были другими, но соотношение их оставалось прежним — стоимость кольчуги равнялась стоимости 14 копий или 12—14 щитов.

³⁵ Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей или четыре беседы, пер. С. И. Баевского и З. Н. Ворожейкина, М., 1963, стр. 67.

³⁶ История Мас'уда, стр. 161, 336, 337.

³⁷ Там же, стр. 220.

³⁸ Там же, стр. 324.

³⁹ Там же, стр. 538.

⁴⁰ Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей..., стр. 74.

⁴¹ Усама ибн Мункыз. Книга назидания, пер. М. А. Салье, М., 1968, стр. 309.

⁴² История Мас'уда, стр. 503.

⁴³ Бузург ибн Шахрияр. Чудеса Индии, пер. Р. Л. Эрлих, под ред. И. Ю. Крачковского, М., 1959, стр. 106.

⁴⁴ The history of Bukhara, p. 46.

Добавим к этому перечню цен, позволяющему судить о покупательной способности дирхема и динара, некоторые сведения, полученные из других источников. «Зеленый кувшин» (видимо, имеется в виду кувшин, покрытый зеленой поливой) стоил во второй половине X в. полдирхема⁴⁵, сильный и здоровый чернокожий раб — 30 динаров⁴⁶.

Около 1178 г. по приказу Салахаддина жители Аскалона должны были покинуть город, который следовало разрушить, чтобы он не достался крестоносцам. Аскалонцы начали продавать вещи, непригодные для перевозки: «что стоило 10 дирхемов, продавали за 1 дирхем и никто не покупал... некий аскалонец продавал за 1 дирхем двенадцать кур, по чему можно судить о дешевизне всего остального»⁴⁷. Итак, обычная цена двенадцати кур в это время была, видимо, в пределах 10 дирхемов, а курица стоила $5/6$ дирхема, или 5 данаков.

В IX в. в Басре, во время окота, козленка продавали за 10 дирхемов, но это считалось дорогим, ибо в период благоденствия и дешевизны козлята стоили еще дешевле⁴⁸. Стоимость 100 верблюдов составляла в то время 10 тыс. дирхемов⁴⁹. Самые ранние персики шли по 6 штук на дирхем, в период же массового созревания — по 200 штук за дирхем⁵⁰. Блюдо фиников стоило 2 данака ($2/6$ дирхема)⁵¹, рыба низшего сорта — 1 хаббу, или 2 данака⁵². Стоимость дома колебалась от 1000 до 45 тыс. динаров⁵³. Сдавались дома за 30 дирхемов в месяц⁵⁴.

Разумеется, приведенные сведения отрывочны и на основе их трудно делать далеко идущие выводы. Однако создается впечатление, что покупательная способность дирхема была в IX—X вв. выше, чем в XI—XII вв. Это, возможно, объясняется еще и тем, что в XI в. начинается так называемый «серебряный кризис» и связанная с этим явлением порча монеты. Содержание серебра в дирхемах быстро уменьшалось, и монеты становились низкопробными. Доказательством того, что ко времени Мас'уда порча дирхема уже зашла далеко, является сообщение Бейхаки, что де Мас'уд наградил поэта Зинати миллионом дирхемов, «да еще таких, в коих на каждые 10

⁴⁵ Чудеса Индии, стр. 71.

⁴⁶ Там же, стр. 48.

⁴⁷ Шараф-хан Бидлиси. Шараф-наме, М., 1967, стр. 131.

⁴⁸ Ал-Джахиз. Книга о скупых, пер. с арабского, предисловие и примечания проф. Х. К. Баранова, М., 1965, стр. 62.

⁴⁹ Книга о скупых, стр. 190.

⁵⁰ Там же, стр. 161.

⁵¹ Там же, стр. 162.

⁵² Там же, стр. 152.

⁵³ Там же, стр. 110—190.

⁵⁴ Там же, стр. 107.

дирхемов (монет. — М. Ф.) было 9,5 дирхемов (весовых единиц. — М. Ф.) чистого серебра»⁵⁵. Очевидно, денежный рынок был уже к тому времени достаточно насыщен низкопробной монетой, так что высокопробные дирхемы стали редкостью.

Говоря о «ценности» дирхемов и динаров, нельзя также забывать о том, что существовал разноряд в области метрологии и высокопробности монет. Не случайно для XI в. в «Истории Мас'уда» упоминаются три типа динаров: нишапурские⁵⁶, гератские⁵⁷ и сипахдари⁵⁸, а в летописи 426 г. (1035 г.) приводится интересное сообщение о том, что Мас'уд велел собрать с Амуля и Табаристана «золота нишапурского 1 000 000 динаров»⁵⁹. Предпочтение, как правило, отдавалось динарам нишапурским, которые, очевидно, были стабильнее в метрическом отношении и более высокопробны. Интересно, что в X в. встречается термин «нишапурские дирхемы»⁶⁰. Термин «нишапурские динары» встречается и во второй половине XI в.⁶¹

Проблема «ценности» или покупательной способности дирхе́ма и динара в Средней Азии и сопредельных странах в IX—XII вв. — весьма важная, но пока малоизученная. Она еще ждет своего исследователя. Предлагаемая работа является лишь одной из первых попыток, осуществленных в этом направлении.

⁵⁵ История Мас'уда, стр. 139.

⁵⁶ Там же, стр. 54, 211, 236.

⁵⁷ Там же, стр. 82.

⁵⁸ Там же, стр. 367.

⁵⁹ История Мас'уда, стр. 408.

⁶⁰ The history of Bukhara, p. 33.

⁶¹ Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей..., стр. 74.

Ю. Ф. БУРЯКОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ НАМУДЛЫГА

Намудлыг — один из двух городов средневекового Илака, носивших тюркское название и располагавшихся к востоку от столицы владения Тункета в предгорной полосе.

Руины города были выявлены в 1966 г. в 8 км восточнее Абрлыга на окраине г. Ангрен у впадения в р. Ахангаран его правого притока Баксуксая¹.

Поверхность памятника настолько сnivelирована современными строительными работами, что определить его по микрорельефу совершенно невозможно; площадь города определяется по ареалу распространения находок. Лишь в юго-западной части поднимается всхолмление размером 140×107 м. С юга на север город был вытянут на 800 м.

Судя по разрезам, городище стоит на мощном слое галечника, отлагавшегося древним руслом, а затем силевыми наносами. Перекрывающий его лёсс на юго-западе прорезан руслом древнего притока Ахангарана, над которым возвышается искусственный ров, заполненный строительными остатками с линзами золы и обломками металлических шлаков. Севернее рва лёсс сnivelирован пахсовой платформой мощностью до 1 м, на которой было возведено укрепление из двойной оборонительной стены, сложенной из кирпича-сырца размером 48×24—28×10—12 см, прослоенного блоками пахсы высотой до 22 см. Внутри укрепления прослеживаются остатки монументального сооружения, а севернее — вторая стена и ров.

¹ Памятник открыт при сносе лёссовой подушки, перекрывавшей слой угля. Первые находки поступили в 1966 г. в Ангренский краеведческий музей от электрослесаря Ф. С. Кившика. Первичное обследование и определение памятника сделано научным сотрудником Ангренского музея О. М. Ростовцевым. Изучение городища проведено в 1966—1967 гг. отрядом Института истории и археологии АН УзССР в составе автора и сотрудников К. Абдуллаева, Л. Г. Брусенко, Д. Г. Зильпер и лаборантов Ф. И. Водопшина, Н. Клейменовой и Р. Садыкова.

Близ укрепления застройка была довольно плотной, а затем становится реже. В 800 м от цитадели выявлено русло второго притока Ахангарана шириной 200 м.

С целью стратиграфического изучения городища на нем было заложено 6 небольших раскопов и несколько шурфов, а также проведены зачистки.

Раскоп 1 площадью 30×16 м заложен в северном фасе цитадели. Вскрыто несколько архитектурных комплексов. В верхнем из них сохранился лишь уровень полов с лежащей на них поливной посудой с коричневой росписью по белому фону. Ниже вскрыты части проулка, дворика и 6 комнат. Во дворике расчищена кузнечная печь, сложенная из глины с сильно прокалившимся подом и краем стены вдали от устья, что получается при использовании мехов. В завале печи найдены кусочки металлических шлаков, вблизи нее — обломки переносной печи из обожженной глины и громадный тарелкообразный сосуд из обожженной глины с большой примесью отошителя диаметром 85 см, толщиной стенки до 5 см, со специальным отверстием в центре. Сосуд стоял на золе. Аналогичные сосуды встречались нам в квартале металлургов Тункета² и служили, вероятно, для извлечения в золу определенных элементов.

С востока дворик ограничивался комнатой № 1 с очагом в центре, с севера — длинной асимметричной комнатой № 2 с частичной вымосткой пола и выкладкой суфы камнем, а также печью очагового типа, но с использованием мехов, с запада — комнатами № 3 и 4.

Комната № 3 с ямами хранилищами и большим количеством столовой и кухонной посуды являлась хозяйственным помещением, в комнате № 4 найден громадный тарелкообразный сосуд, аналогичный находке во дворике, в комнате № 6 обнаружена хозяйственная яма у стены. Восточнее комнат № 1 и 2 проходил переулок. Вероятно, вскрытый комплекс представлял собой хозяйство ремесленника-металлиста, сочетавшее жилые и производственные помещения. По комплексу материала мастерская относится к концу IX — первой половине X в. н. э.

Под комплексом вскрыты остатки двух разрозненных помещений, стены которых сложены из крупноформатного кирпича; в западной комнате вскрыты две ямы, служившие для хранения пищевых припасов. Площадь к востоку от нее лишена архитектурных остатков, но сохранила плотный уровень пола. На полу найдены пять сломанных хумов, две печи-тандыра и яма, а к северо-востоку от них — мощное зольное пят-

² Ю. Ф. Буряков. Археологические материалы по истории Тункета и Абрлыга, Материалы по истории Узбекистана, Ташкент, 1966, стр. 92.

но площадью 10 м^2 , остатки кирпичной стены, обломки металлических шлаков. Возможно, это производственная площадка, связанная с обработкой металлургического сырья. Восточная комната — размером $4,6 \times 3,9\text{ м}$; с востока к ней примыкала металлургическая печь диаметром $1,3\text{ м}$, сложенная из глинобитных блоков. Печь стояла на склоне, и масса шлаков скопилась у подножья холма. Данный производственный комплекс датируется концом VIII—IX вв. н. э.

Эти помещения стояли на двух крепостных стенах; внутренняя сложена из сырцового кирпича размером $44\text{—}48 \times 24\text{—}28 \times 10\text{ см}$, прослоенного пахсовыми блоками до 20 см высотой. Внутренний край стены изрыт, поэтому толщину ее установить не удалось, можно сказать лишь, что она более 3 м . Внизу стена расширяется. На глубине $4,75\text{ м}$ стена подстилается пахсовой платформой полутораметровой мощности, лежащей на галечнике материка. В $3,8\text{ м}$ от первой стены проходила вторая, построенная несколько позднее. Вторая, внешняя стена пахсовая, толщиной вверху $2,1\text{ м}$, внизу расширяется наружу до $2,6\text{ м}$. Снаружи к стене пристроена берма толщиной 2 м и высотой 1 м . За ней начинается ров двухметровой ширины, вдоль северного берега которого были рассыпаны острые камни. Строительный материал и сопровождающая керамика позволяют датировать оборонительный комплекс VI—VIII вв. н. э.

Раскоп 2 площадью 100 м^2 был заложен в высокой части цитадели близ сохранившихся в разрезе монументальных стен замкового сооружения. Верхний слой изменен современными работами.

Во втором ярусе расчищено помещение с булыжным фундаментом и глинобитными стенами. В юго-западном конце его стояла кузнечная печь, слегка вытянутая с запада на восток, размером $65 \times 55\text{ см}$. Стенки сложены из кирпичиков толщиной 8 см , устье с востока, на юго-западе — отверстие для сопла мехов, северная стена обожжена наиболее интенсивно.

Несколько южнее стоял второй очаг диаметром 40 см с сильно прокалившимися стенками; близ него найдены мелкие кусочки полиметаллических шлаков и слиток из сплава нескольких металлов. В центре раскопа расчищены крупные обломки металлических шлаков.

Из находок в слое — масса неполивной и глазурованной посуды с черной и темной росписью по белому фону, 3 монеты, в том числе один черный дирхем, серебряный перстень с грубым орнаментом-насечкой и медная планка-сурьмадон с носиком и ручкой.

Комплекс этот датируется X — началом XI в. н. э.

Ниже расчищена производственная площадка с кусками

металлических шлаков, остатками круглого в плане металлургического горна очень плохой сохранности.

Под площадкой вскрыта часть монументальной стены замка и контрфорс, укреплявший ее снаружи. Стена повреждена мощным силовым потоком, пронесшимся в последний период существования замка или в период его запустения. Последующие наблюдения за сносом цитадели показали, что раскоп 2 попал в хозяйственный двор под стеной замка и в него ссыпались мусорные отвалы. Стратиграфический шурф в раскопе вскрыл самые древние слои цитадели. В VII—VIII ярусах было открыто помещение с каменными стенами и полом, устланном циновкой. На нем лежали фрагменты лепной посуды, покрытой серо-зеленоватым ангобом и полосами черной краски, характерной для середины I тысячелетия н. э.

В северо-западном углу цитадели был заложен раскоп 4 площадью 12×14 м. В верхнем слое раскопа вскрыты остатки четырех комнат, из которых № 1 и 4 имели два периода жизни. От более позднего в комнате № 1 сохранился обмазанный глиной пол с обломками неполивной и глазурованной посуды X — начала XI в. В комнате № 4 сохранилась часть тарелкообразной поделки диаметром 50 см, с отверстием в центре диаметром 8 см, стоящей на слое золы. К северу от нее лежали обломки глиняного тигля, в западную стенку был встроен очаг. В более ранний период наряду с комнатами № 1 и 4 функционировали еще две. Комната № 2 сохранила на высоту до 45 см три пахсовых стены: вдоль северной проходила суфа шириной 40 см, пол в комнате обожжен. К западной стене примыкала остроугольная площадка. В центре ее лежал тарелкообразный сосуд диаметром 90 см, между площадкой и северной стеной найдены мелкие шлаки, несколько слитков неочищенной меди, неполивная и глазурованная керамика.

Позже пол был поднят до уровня суфы. На нем в специальной ямке лежал раздавленный тигель с прикипевшими корольками меди. От комнаты № 3 сохранилась лишь южная стена с суфой.

Подстилающие этот уровень слои изучались двумя шурфами.

В VI—IX ярусах была вскрыта крепостная стена из крупноформатного кирпича. Стена шириной 2,8 м сохранилась на высоту 1,8 м. С севера к ней примыкает ремонтная рубашка толщиной 0,5 м. Обе стены под прямым углом поворачивают на запад.

Помимо раскопов, в цитадели южнее раскопа 2 была проведена расчистка плавильного горна, округлого в плане, диаметром 1,7—1,75 м. Подземная часть печи для более сильной теплоотдачи была обложена булыжником и обмазана глиной. Из печи извлечены шлаки и железная крица овальной формы,

размером $20 \times 12 \times 3$ см, с обилием примесей. Судя по крице, последняя плавка была небольшой и не доведена до конца. В завал печи попала керамика, в том числе обломки краснолощеного кувшина и чаши с грязнокоричневой росписью по белому фону, характерной для начала XI в. Рядом с печью лежал груболепной тарелкообразный сосуд с диаметром венчика 80—85 см.

У подножья цитадели к северу от нее был заложен раскоп 3, представляющий собой зачистку разреза длиной 38 м. Он дал интересную стратиграфию жизни в шахристане: на слое сцементированного галечника (VIII ярус в южной части раскопа и VI— в северной) лежит первый культурный слой, включающий пахсовую стену и зольноугольные прослойки. Находки состоят из лепной посуды с толщиной стенок от 0,6 до 1 см, лишь 15% ее изготовлено на гончарном круге, снаружи легкое лощение обычно без окраски. Лишь три сосуда покрыты снаружи чернокоричневой краской, один из них — с полосчатым лощением. В целом комплекс характерен для IV—V вв. н. э.

Этот уровень перекрывается искусственной нивелирующей засыпкой из галечника толщиной до 35 см, на которой лежит второй культурный слой мощностью 65 см. В него попала группа комнат с пахсовыми стенами, иногда на булыжном фундаменте, обломки футировки плавильных горнов, очажные пятна кузнечных печей, с мелкими обломками шлаков, печь типа тандыра, прослойки угля. Керамика в основном краснолощенная, формы сосудов разнообразны — хумы, тагора, лепные горшки, котлы с горизонтальными ручками, имеющими в центре кольцевые налепы, конические миски с высоким бортиком. Стенки некоторых сосудов, в частности тагора, покрыты полосами черной краски. Этот слой характерен для V—VII вв. н. э. Он перекрывается помещением с кирпичными стенами. Форма кирпича $30 \times 20 \times 10$ см доживает до наших дней, поэтому датирующим моментом являться не может. В этом слое найдена масса мелких кусочков шлака, свидетельствующая о наличии мастерских по окончательной обработке металлов. В неполивной керамике слоя, продолжающей по формам старые традиции, наряду с краснолощенной и красноангобированной представлена и чернокрашенная. Встречается и глазурованная с монокромной и полихромной росписью по белому фону под бесцветной поливой. Слой характерен для IX — первой половины X в. Верхние наслоения раскопа были срезаны до начала раскопок.

Раскоп 5. В 200 м к северо-западу от цитадели был заложен на ровной площадке 8×12 м, где намечались следы плавильных печей.

В верхнем слое найдены обломки стенок двух плавильных горнов, масса металлических шлаков и обломки неполивной

посуды, характерной для IX в. Под ними расчищена кладка каменных фундаментов жилого комплекса, включающая коридор и три комнаты. В них найдены обломки хумча и кувшинов VII—VIII вв. н. э., зернотерка и кости животных. При углублении под уровень фундаментов в комнате № 2 был вскрыт слой, содержащий керамику каунчинского типа, в том числе горшочек с кольцевой ручкой, завершающейся реалистично выполненной головкой барана. Ниже идет чистый лёсс материка.

На обширной площади севернее цитадели была проведена зачистка плавильных печей, ям и бадрабов. Из последних особенно интересен бадраб № 6, давший большой комплекс находок IX — начала X в. Керамика представлена громадными котлами, чайникообразными сосудами, чашами плоскими, коническими и в форме перевернутых тарелок крышками. Посуда в основном краснолощенная. Интересны стеклянные изделия — ваза с фестончатым венчиком, опоясанным жгутами синего и зеленого стекла. По тулову — декор в виде наlepных жгутов миндалевидной формы.

В 30 м севернее цитадели вскрыта металлургическая печь № 8. Печь круглая в плане, диаметром 1,45 м; сохранилась подземная часть горна, обложенная булыжным камнем и засыпанная полиметаллическими шлаками.

В 26 м от печи № 8 — печь № 9 аналогичной конструкции диаметром 1,2 м. Стенки толщиной 10 см также сложены из булыжника и обмазаны глиной. Рядом с ней расчищена круглая яма, предназначавшаяся для хранения и обработки охры, широко использовавшейся на городище, особенно для окраски керамики. В яме находилось около 100 кг охры (мощность слоя достигла 65 см). В 15 м севернее ямы — плавильная печь № 10. Диаметр печи 1,5 м, высота сохранившейся части 2 м, и подземная и наземная части выложены булыжником. Горн шахтного типа предназначался для выплавки из руды серебро-свинцового глётa. Плавка не окончена, внутри печи, кроме шлаков, встречены корольки серебра с примесью свинца.

Рядом расчищена печь № 11 диаметром 1,15 м, сохранившаяся на высоту 65 см и заполненная шлаками. Стенки также сложены из булыжника и глины с шамотом. Севернее намечаются следы еще четырех печей.

В 250 м к северу от цитадели был заложен стратиграфический раскоп № 6 в связи с находкой в обрезах древнего материала, не встречающегося в других местах.

Площадь раскопа 100 м², глубина 2,5 м. Наслоения следующие: I ярус — уплотнен дорогой и лишен архитектурных остатков; со II яруса встречаются зольники с лепной керамикой, в III ярусе расчищена каменная кладка фундаментов двух комнат, внутри них — зернотерки и фрагменты лепных

сосудов с подлепкой венчиков, изготовленных на гончарном круге медленного вращения. В юго-восточной части расчищен под печи размером 40×60 см, а к западу от комнат — площадка с тремя хумами. Ниже, в IV ярусе, вновь идут зольники. В V ярусе они перемежаются с лёссом, а затем целиком переходят в лёсс материка.

Материал всех ярусов раскопа одинаков. Это хумы боченкообразной и яйцевидной формы с подчетырёхугольными отогнутыми наружу или слабоизогнутыми валикообразными венчиками, устойчивым дном со следами подсыпки зерна и отпечатками тканей на стенках. Хумча с вертикальным утолщенным венчиком покрывалась снаружи сероватым ангобом, а иногда и потеками краски. Горшки широкогорлые, орнаментировались обычно комбинациями из процарапанных или прорисованных треугольников, ромбов, пересекающихся полос. Наряду с ними встречаются кружковидные горшки с ручками, завершающимися реально выполненной головкой барана и кувшинообразные сосуды с широким устьем и кольцевой ручкой.

В 50 м севернее раскопа № 6 расчищена сужающаяся книзу четырёхугольная яма, связанная с верхним культурным слоем. На дне ее расчищен слой отмученной каолиновой глины. Несомненно, перед нами часть хозяйства гончара — яма, служившая для отмучки и вымачивания керамического сырья. На дне ямы под глиной лежал слой темно-крупчатого полуразложившегося железа.

В 52 м от ямы расчищены остатки сильно разрушенной гончарной печи, найдены крупные керамические шлаки и кусок обожженной каолиновой глины. Нижняя часть стенок печи и пол топочной камеры выложены булыжником, верхняя часть стенок — тонкими специально обожженными кирпичиками. Судя по остаткам, печь круглая в плане диаметром 1,5 м.

Собранные материалы позволяют наметить некоторые моменты истории Намудлыга, тем более важные для нас, что источники не сообщают ничего о горных городах Илака.

Следы оседлой жизни на месте Намудлыга отмечаются с первых веков нашей эры, когда здесь фиксируются три пункта — в раскопках № 2, 4 и 6. Первые два были связаны с притоком, впадавшим в Ахангаран, третий, возможно, тянулся до русла самого Ахангарана. Все они составляли довольно обширное неукрепленное поселение. Керамический материал, находящийся аналогии как в каунчинской культуре, так и на памятниках Ферганы, свидетельствует о некотором синкретизме культуры насельников городища.

Уже с середины I тысячелетия н. э., судя по находкам в раскопках № 2 и 3, на поселении начинают развиваться металлургия и металлообработка.

В VI—VII вв. на берегу притока вырастает довольно мощная феодальная крепость, по форме и размерам напоминающая крепость Ак-тепе под Ташкентом³.

Крепость пятиугольной формы была возведена на искусственно сnivelированной пахсовой платформе. Восточной границей ее является русло Ахангарана, с севера и запада крепость окружает искусственный ров, с юга — русло сая, впадавшего в Ахангаран. В связи с тем, что сай имеет тенденцию к отступлению от города, в поздний период жизни цитадели жителям пришлось обвести ее искусственным рвом с юга. Берег рва со стороны крепости пологий, а противоположный — крутой, непрерывно подмывавшийся водой. Крепостная стена первоначально была сложена из сырцового кирпича, слоенного пахсой, но в период большого ремонта, возможно, в связи с проведением рва на юге, вся крепость была обнесена второй пахсовой стеной, а между рвом и этой стеной выкладывается берма. Для того, чтобы сдержать наступательный порыв неприятеля, берег рва был посыпан острой галькой. Под стенами цитадели вырастает поселение, связанное с плавкой и обработкой металлов, а также сельскохозяйственные предместья. Территория их обширна, но обжита слабо. Интересным фактом является находка в раскопе № 2 медных монет, четыре из которых расшифрованы. На А — тамга в виде трезубца, на Р — животное с загнутым хвостом. Монеты относятся к эмиссии Шаша VII — начала VIII в.⁴ События политической жизни VIII в. не обошли стороной описываемый пункт. Для этого периода характерны частичное разрушение и заброс цитадели. После заброса крепости стены ее частично использовались под жилые и производственные помещения, что прослежено в раскопе № 1. К стенам пристраиваются поперечные кирпичные и пахсовые стены, внутри появляются печи-тандыры, устраиваются полы. Материал в описанном помещении представлен кувшинами и горшками VIII — начала IX в. н. э.

Расцвет жизни памятника относится к IX—X вв., совпадая с общим расцветом городской жизни долины Ахангарана и, в частности ее верховьев⁵. Возможно, именно в этот период Намудлыг превращается в город, площадь которого превы-

³ А. И. Тереножкин. Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.), Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. I, Ташкент, 1948, стр. 11—75.

⁴ О. И. Смирнова. Монеты древнего Пенджикента, Труды Таджикской археологической экспедиции, т. III, МИА, вып. 66, М.—Л., 1958, стр. 224.

⁵ Ю. Ф. Буряков. Археологические материалы по истории Тункета и Абрлыга, стр. 120 и 146.

шает 70 га, хотя мощность культурных наслоений не везде значительна. Южной границей его является описанный выше сай, восточной — р. Ахангаран. С севера его ограничивал второй приток Ахангарана, который в связи с уклоном местности непрерывно наступал на город и жителям приходилось укреплять берега. Следami этих работ являются встреченные в разрезе завалы крупного булыжника, врезающиеся в линзу речных отложений.

В IX—X вв. Намудлыг превращается в крупный ремесленный центр верховьев долины. В это время забрасываются крепостные стены цитадели, заплывают рвы, район бывшей цитадели прочно осваивается ремесленниками-металлургами, выплавляющими железо, серебро, свинец.

Плавильные печи концентрируются в цитадели и в 200 м к западу от нее вдоль сая, а также вытягиваются цепочкой по берегу Ахангарана. Тяготение к воде не случайно, — она использовалась для промывки, обработки и дробления руды⁶.

Наряду с плавильными печами обнаружены мастерские кузнецов и ювелиров. Кузнечные печи работали с использованием мехов, в них обрабатывались серебро, медь, железо. Для очистки металлов использовались и переносные печи⁷, и громадные тарелкообразные сосуды до 1 м в диаметре с отверстием в центре, стоящие обычно на слое золы.

Кроме металлургии, широко было развито гончарное ремесло: близ города на противоположном берегу реки имелись большие залежи каолиновых глин Джигиристанского месторождения, испещренного древними выработками⁸. Не случайна поэтому расчистка ямы для отмучки каолиновых глин. Наряду с металлургическими красителями гончары широко использовали и естественные, в частности охру, применявшуюся для украшения глазурованных и неполивных сосудов. Даже в верхнем слое около 50% сосудов имеет красное лощение. Вероятно, к запасам этого сырья и принадлежит расчищенная нами яма с охрой. Особенностью гончарного производства Намудлыга в IX—X вв. является обилие лепной посуды. Даже изготовленные вручную сосуды имеют четко выработанный стандарт пропорций и форм, свидетельствующий о развитии данной отрасли ремесла. Глазурованная парадная

⁶ Описание дробильных установок см. в кн.: Абу-р-Райхан Мухамед ибн Ахмед-ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия), пер. А. М. Беленицкого, Л., 1963, стр. 219.

⁷ У. И. Каримов. Неизвестное сочинение ар-Рази «Книга тайны тайн», Ташкент, 1957, стр. 162, прим. 460.

⁸ С. Ф. Машковцев. Описание геологического маршрута в юго-западном Тянь-Шане по линии Ангрен—Чаткал—Касан—оз. Кукана—Гудас—Майдантал, Л., 1930, стр. 5.

посуда входит в общий круг школы керамистов Шаш-Илака⁹. Обильно представлена стеклянная посуда, формовавшаяся из мелкопузырчатого зеленоватого и желтоватого стекла. Это узкогорлые кувшины и графины с вытянутой профилированной горловиной и ручкой с фигурным отростком, массивные кружки, стаканы, выдувавшиеся зачастую в ячеистую форму, цилиндрические горшочки, флаконы, бутылки. Фрагменты бракованных сосудов говорят о местном характере стеклодувного производства.

В это время Намудлыг выступает как центр сельской округи предгорий. Близ него зафиксирована серия сельских поселений IX—X вв., материальная культура которых полностью повторяет город и, несомненно, питалась его продукцией.

С XI в. жизнь в городе начинает быстро хиреть и в XII в. Намудлыг прекращает свое существование.

⁹ Более детально о глазурованной керамике Илака см. в кн.: Ю. Ф. Б у р я к о в. Художественная керамика городища Тункет, Научные работы и сообщения, кн. 2, Ташкент, 1961, стр. 269—279; Он же. Археологические материалы по истории Тункета и Абрлыга, стр. 134—138.

А. Р. МУХАМЕДЖАНОВ

ДАРГОМСКАЯ ПЛОТИНА И КРЕПОСТЬ В РАВАТХОДЖЕ

Летом 1967 г. археологический отряд Института истории и археологии АН УзССР, возглавляемый академиком Я. Г. Гулямовым¹, проводил археологические обследования местности Раватходжа, расположенной в 42 км к юго-востоку от Самарканда. Известно, что эта местность в истории Самарканда имела особое значение, так как там находилась голова канала Даргом — одной из главных водных артерий левобережной части Самаркандского оазиса, снабжавшего водой и Самарканд.

В исторических источниках X в. местность Раватходжа упоминается под названием Варагсар — «Голова плотины». По описанию анонимного автора географического сочинения «Худуд-ал-Алем» (80-е годы X в.) под Варагсаром находился водodelитель Самарканда².

В дошедших до нас источниках водное сооружение Варагсара упоминается лишь с X в., однако время его возведения относится к более древнему периоду. Варагсарская плотина и заселение этой безводной местности, расположенной на высоком левом берегу р. Зарафшан, были связаны со строительством канала Даргом. По археологическим данным, добытым в результате исследований 1967 г., произведенных в верхней части Даргомской ирригационной системы, канал Даргом был прорыт на рубеже нашей эры. По всей вероятности, еще в то время Даргом был обеспечен водозаборной плотиной и в местности Варагсар появилось небольшое неукрепленное поселение, где жили древние надсмотрщики головного сооружения Даргома.

Местность Раватходжа не случайно была выбрана древними ирригаторами Согда для устройства головы канала

¹ В отряде находились старшие научные сотрудники: А. Мухамеджанов, Э. Ходжиев, млад. научн. сотр. М. Тагиев и др.

² Худуд-ал-Алем. Рукопись Туманского с введением и указателем В. В. Бартольда, Л., 1930, факсимиль л. 23-а.

Даргом. Во-первых, в этом районе р. Зарафшан сужена и имеет не более 200 м ширины, в то время как выше и ниже пойма ее расширяется, достигая местами 2 км ширины. Поэтому в указанном месте течение Зарафшана постоянное и более умеренное. Во-вторых, река имеет здесь очень устойчивые берега, причем левый берег представляет собой высокий конгломератный массив более 15 м высотой. Безусловно, что через высокий и твердый берег Зарафшана, состоящий из конгломератного массива, провести головную часть Даргома было невозможно. Поэтому древние ирригаторы провели ее по туннелю, снабженному несколькими водозаборными отверстиями и колодцами³ (рис. 1). Одно из отверстий туннеля диаметром 1,5 м сохранилось до настоящего времени, оно расположено немного выше нынешнего «Первомайского гидроузла». Древняя туннельная часть Даргома, вероятно, проходила почти параллельно берегу. Впоследствии постоянный водоток размыл ее и головная часть Даргома соединилась с поймой р. Зарафшан.

До строительства Раватходжинского гидроузла им. «Первого мая» захват воды из Зарафшана в Даргом осуществляется путем устройства временных дамб в русле реки. Дамбы, представлявшие собой барьер длиной 5—7 км из мелко-го леса, хвороста, соломы, камней, дерна, часто разрушались во время весенних и летних наводнений Зарафшана. Бывали такие годы, когда разливы реки уносили дамбы полностью, размывая их до основания. Зачастую река несколько раз в год разрушала дамбы или заносила их наносами. Для восстановления плотины водопользователи Даргомской ирригационной системы ежегодно весной выставляли по два человека с коша⁴ земли сроком на 15 дней, с необходимым количеством транспорта и строительных материалов. Например, в 1914 г. на исправлении Даргомской плотины было отработано 12 896 рабочих дней, использовано 1436 арб, израсходовано 53 837 снопов хвороста и 13 873 снопа соломы⁵.

³ В ирригационной технике Узбекистана туннельное устройство было известно с древнейших времен. Особенно широко оно применялось в ирригационной практике предгорных районов и в верховьях больших рек. Туннельное устройство называлось каризом или лагмом. Например, головная часть древнего канала Токсакариз, выведенного из р. Магиандарья (проток р. Зарафшан), проходила через туннель длиной 1380 м с 56 колодцами. Даргом в нижней части также был соединен с каналом Эски-Ангор через туннель, колодцы этого устройства среди местных жителей известны под названием «Кафирмури». Каналы, выведенные с правого берега Амударьи, орошающие местности Ходжакананпса, Уси, Крачь и другие, расположенные ниже г. Чарджоу, имеют туннельное устройство.

⁴ Кош=48—50 танапов земли или 12—12,5 га.

⁵ ЦГА УзССР, ф. 20, оп. 1, д. 630, л. 25—27. Из-за отсутствия фактических данных для более раннего периода мы в качестве примера приводим данные за 1914 г.

В исторических источниках приводится немало примеров непосредственного участия правителей Самарканда или Бухары в восстановлении Даргомской плотины. Так, по сообщению Хафиза Таниша ибн Мирмухаммада Бухари, автора исторического сочинения «Абдуллонамэ», в 1556 г. исправле-

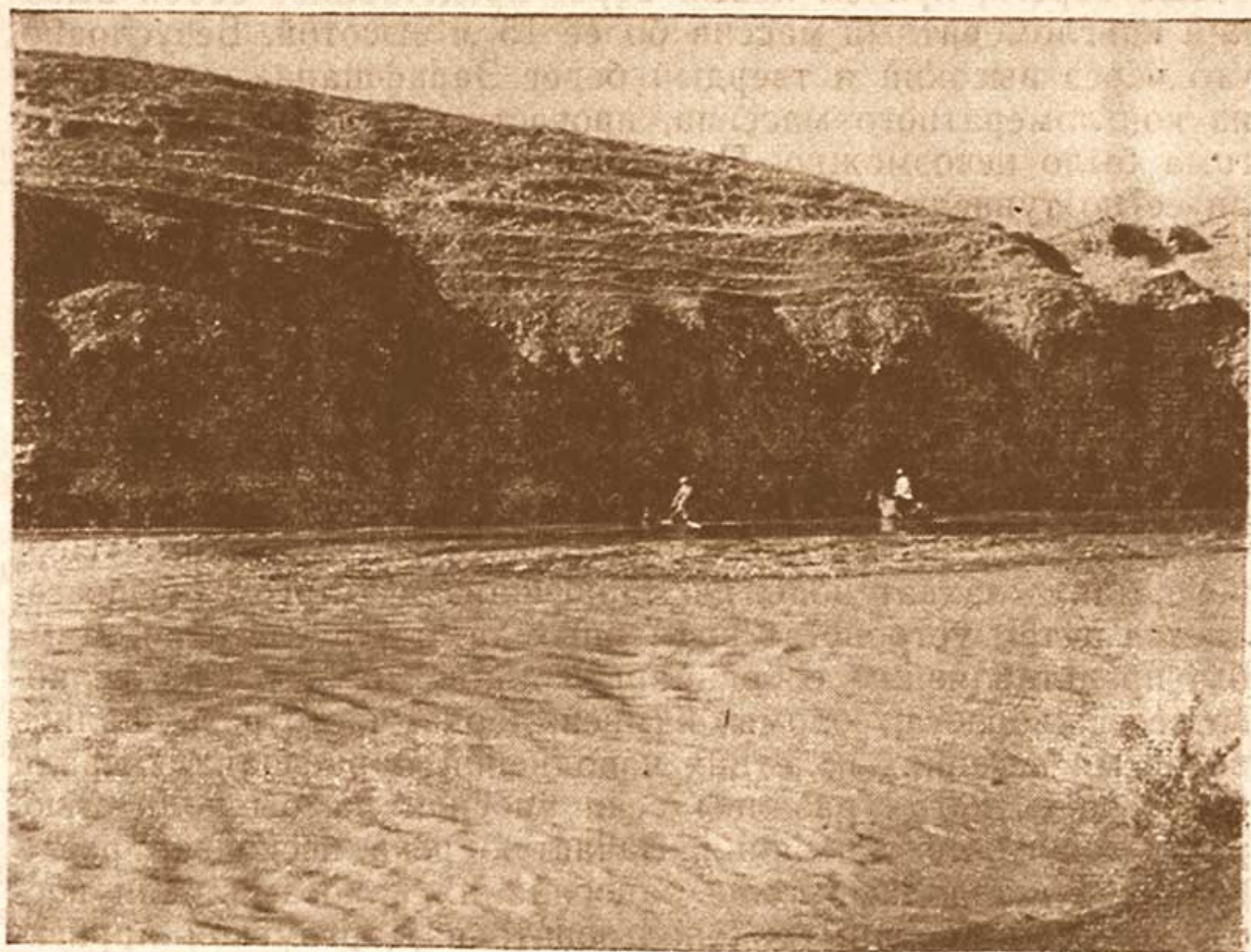

Рис. 1. Древние туннельные отверстия головы канала Даргом в местности Раватходжа. Остатки крепости X—XII вв.

нием плотины занимался в Раватходже правитель Самарканда Навруз Ахмадхан⁶. В 1748 г. восстановительные работы возглавлял бухарский владетель Рахимбий⁷.

Участие правителей в реконструкции Даргомской плотины свидетельствует о той роли, которую играла плотина в жизни Самаркандского оазиса. Еще в X в. надзор за плотинной был введен как натуральная повинность жителям Варагсара, освобожденным за это от хараджа — поземель-

⁶ Хафиз Таниш ибн Мирмухаммад Бухарий. Абдуллонома, Шарафномаи Шохий, II-жилд., Тошкент, 1968, 237-бет.

⁷ Абу Тахир Ходжа. Самария (описание древности и мусульманских святынь Самарканда), пер. В. Л. Вяткина, СКСО, вып. VI, 1899, стр. 240.

ной подати⁸. В Варагсаре в то время проживало 40 тыс. человек⁹.

Правители древнего Согда придавали большое значение укреплению обороноспособности Варагсара, так как здесь был расположен главный водный узел левобережной части Самаркандского оазиса и местность являлась основным подступом к Самарканду; овладев ею, можно было лишить Самарканд воды. Из политической истории Самарканда известно, что иноземные захватчики и местные феодалы не раз пытались разрушить плотину Варагсара и тем самым вынудить Самарканд подчиниться. Например, по данным Абу

Рис. 2. Крепость Варагсар. Вид с запада.

Джаъфара бен Джа-Джарира ат-Табари, в 721 г., когда поднялось антихалифатское восстание согдийцев, наместник Хорасана Саид Хазайна (720—721) пытался закрыть голову Даргома в Варагсаре, чтобы лишить воды жителей Самарканда и его окрестностей¹⁰. Так же поступил и другой наместник Хорасана Асад ибн Абдуллах (735—739 гг.). В 736 г. для подавления антихалифатского движения в Мавераннахре Асад ибн Абдуллах предпринял поход на Самарканд. Не сумев овладеть им силой, он решил лишить насе-

⁸ В. В. Бартольд. Сочинения, т. III, М., 1965, стр. 187.

⁹ Абу Хафс Умар ибн Мирмухаммад ан-Насафи. Кандийа, рукопись ИВАН УзССР, инв. № 5405, л. 15 б.

¹⁰ Tabari. Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari cum aliis ed. M. I. de Goeje, Lugduni Batavorum series I, t. I—VI, 1879—1890, p. 1430; Т. Кадырова. Из истории крестьянских движений в Мавераннахре и Хорасане, Ташкент, 1965, стр. 53 и 72.

ление города воды, перекрыв плотину Варагсара на Даргоме. По словам Табари, Асад принял личное участие в работах. Однако и на этот раз халифатскому наместнику Хо-

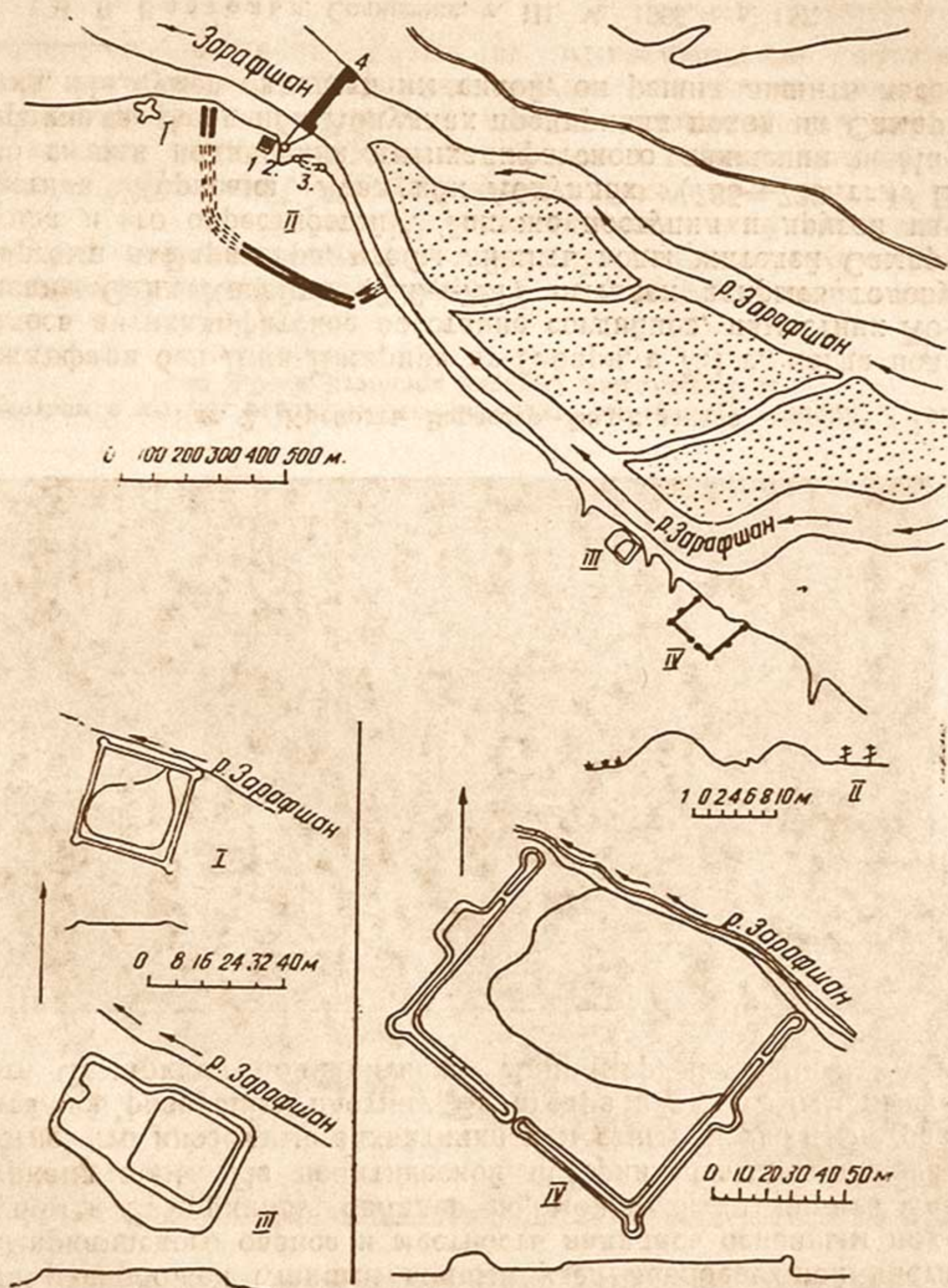

Рис. 3. План местности Варагсар (Раватходжа):

I—крепость VI—VII вв.; II—крепость Варагсар; III—куюктепа; IV—оборонительное сооружение X—XII вв.: 1—мавзолей Раватходжа; 2—современное головное сооружение канала Даргом; 3—остатки древнего туннеля; 4—Первомайская плотина.

расана не удалось лишить согдийцев воды и овладеть Самаркандом¹¹.

Вот почему местность Варагсар, где находился канал Даргом, еще в раннем средневековье была превращена в мощную крепость, остатки которой частично сохранились до наших дней (рис. 2). Древние правители Согда всегда держали в крепости Варагсара крупные военные силы. По данным Насафи, в Варагсаре находились четырехтысячное конное войско и 12 тыс. воинов «газы». В XV в. в крепости Раватходжа жил даруга — военачальник Шавдарского тумения.

Рис. 4. Развалины мавзолея XVI в.

В Раватходже мы зафиксировали остатки нескольких оборонительных сооружений средневекового Варагсара, сняли их план и собрали подъемный материал. Памятники расположены у края высокого левого берега р. Зарафшан. Первый из них в плане представляет квадратное сооружение размером 30 м². По углам имеются остатки четырех башен шириной 4 м. Стены сохранились в виде сильно оплывшего вала, шириной 3 м и высотой 50×60 см (рис. 3). Вокруг него было собрано небольшое количество черепков неполивной керамики, относящейся к VI—VII вв.

В 150 м к востоку от первого памятника находятся остатки крепости древнего Варагсара, именуемой позднее Раватходжой. В настоящее время территория древней крепости почти полностью освоена. От крепости сохранились лишь остатки внешней стены. Особенно хорошо сохранились они на юго-востоке современного поселка. Остатки крепостной стены Варагсара представляют двойной вал. Ширина внеш-

¹¹ В. В. Бартольд. Сочинения, т. I, стр. 249; т. III, стр. 187; Т. Кадырова. Указ. соч., стр. 99.

него вала достигает 10 м, высота 2,5 м, ширина внутреннего вала 14 м, высота 4 м. Судя по контуру остатков этих валов, крепость занимала площадь 18—20 га, имела более 600 м в длину и 300 м в ширину и была обведена двойным кольцом стен. По рассказам старожилов, крепость имела трое ворот — западные, южные и восточные. Во внутренней части крепости сохранились остатки купольного сооружения, выложенного из жженого кирпича $25 \times 25 \times 5$ см, на ганчаковом растворе. Судя по кирпичу, сооружение было построено в начале XVI в. По исследованию В. В. Бартольда¹², там, где был воздвигнут в XVI в. мавзолей, были похоронены мусульманские святыни Ходжа Абу Закария Варагсари, умершего в 844 г., и Ходжа Закария Варагсари, жившего в XII в. По имени этих лиц впоследствии местность Варагсар стала называться «Рават Ходжа» (рис. 4). Небольшое количество археологического материала, в основном фрагменты поливной керамики, собранной вокруг внешней стены древнего Варагсара, относится к VI—VIII вв.

В 850 м к юго-востоку от Раватходжи нами были зафиксированы остатки раннесредневекового замка типа кёшк; это небольшой бугор длиной 52 м, шириной 27 м и высотой до 4 м. Этот бугор называется Куюктепа, археологический материал датируется V—VII вв.

В 250 м к юго-востоку от Куюктепа находятся остатки еще одной крепости, четырехугольной в плане, по углам хорошо сохранившиеся башни диаметром 6 м. Длина крепости 110 м, ширина до 80—90 м. На западе и востоке имелись мощные контрофорсы, вход был на юге. Фрагменты поливной керамики, собранной вокруг развалин, относятся к X—XII вв.

Таким образом, в местности Раватходжа были зафиксированы четыре археологических памятника, связанных с обороной древнего Варагсара, где находилось головное водное сооружение канала Даргом, снабжавшего водой Самарканд. Эти памятники, особенно крепость Раватходжа, имели особое значение: во-первых, как наблюдательный пункт за состоянием Даргомской плотины при разливах р. Зарафшан, и, во-вторых, как оборонительный пункт для обеспечения защиты плотины от разрушения ее иноземными захватчиками.

¹² В. В. Бартольд. Сочинения, т. III, стр 186.

В. Я. ЗЕЗЕНКОВА

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ИЗ КАШКАДАРЬИНСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1966 г. археологи С. К. Кабанов и Л. Л. Букинич при археологических раскопках обнаружили краниологический материал в безымянном тепа, находящемся в 2 км к западу от г. Карши по направлению к Бешкенту.

Все черепа находились в одном слое грунтового погребения за исключением черепа № 7, который находился несколько ниже остальных, что, видимо, связано с повторными актами захоронения. С. К. Кабанов, на основании сопровождающего археологического материала, датирует эти черепа V—VI вв. н. э.

Исследовано 7 черепов, дающих представление о наличии антропологического типа в населении Кашкадарьинской области V—VI вв. Из 7 черепов на четырех наблюдается искусственная деформация, известная в литературе как макроцефальная и имеющая весьма широкое распространение.

Кашкадарьинская область, как и вся территория Узбекистана, с древнейших времен заселена местным населением, которое претерпело сложное формирование неоднократным включением других антропологических типов.

На основании изучения ряда памятников III—VI вв. долины рек Кашкадарьи и Зарафшана С. К. Кабанов¹ отмечает в автохтонной древней земледельческой культуре признаки культуры кочевников. Носителями древней земледельческой культуры являлись согдийцы, антропологический тип которых смешивался с антропологическими типами кочевников. Этот процесс смешения вполне объясним условиями исторического развития Средней Азии, существенной чертой которого, как подчеркивает С. К. Кабанов, было постоянное сосуществование оседлого и кочевого населения. Все это

¹ С. К. Кабанов. Археологические данные к этнической истории Южного Согда в III—VI веках, СА, 1963, 1, стр. 225.

Измерительные признаки черепов Кашкадарьинской области
(из раскопок 1966 г. С. К. Кабанова и Л. Л. Букиннич) и сравнительные данные

Признаки	№ черепов. Пол, возраст	4 м зрелый	1 м? возму- жалый	7 м? возму- жалый	2 м возму- жало- зрелый	3 м стар- ческий	5 ж возму- жалый	6 детский	— м муж.	Байрамалийский могильник		
										— м муж.	min—max	№
1	Продольный диаметр	186	169	182	177	180	176	162	178,8 /5/	187,4	170—199	56
2	Поперечный диаметр	134	131	133	132	141	141	137	134,2 /5/	142,0	126—154	57
8:1	Черепной указатель	72,04	77,51	73,08	74,58	78,33	80,11	84,57	75,11 /5/	75,8	67,2—85,3	56
17	Высотный диаметр	119	140	128?	—	124	139	127	127,75 /4/	138,5	129—151	54
17:1	Высотно-продольный указатель	63,98	82,82	70,33	—	68,69	78,98	78,50	71,5 /4/	74,1	66,7—80,7	54
17:8	Высотно-поперечный указатель	88,81	106,87	96,24	—	87,94	98,58	92,70	94,75 /4/	97,9	87,2—109,8	54
5	Длина основания черепа	101	97	91	—	97	99	88	96,5 /4/	105,9	96—114	54
20	Высота парион-брегма	105	120	107	122	107,5	121	118	112,3 /5/	118,4	109—135	53
9	Наименьшая ширина лба	100	90	87	94	90	98	97	92,5 /5/	101,2	88—113	57
SG	Высота супра-глабелларе	25,6	17,7	15,3	20,5	18,5	24,9	25,7	19,52 /5/	—	—	—
SG:9	Указатель	25,6	19,7	17,6	21,8	20,5	25,4	26,5	21,04 /5/	—	—	—
9:8	Лобно-поперечный указатель	74,63	68,79	65,41	71,21	63,83	69,50	70,80	68,75 /5/	71,5	61,7—85,6	57
10	Наибольшая ширина лба	113	115	114	113	118	119	122	114,6 /5/	121,2	106—134	54
11	Ушная ширина	118	112	115	113	123,5	124	112	116,3 /5/	125,1	111—138	53
12	Ширина затылка	113	96	104	—	110	104	104	105,75 /4/	111,0	97—122	50
45	Скуловой диаметр	—	122	122?	126	132*	130*	116—117	125,5 /4/	134,6	123—149	54
9:45	Лобно-скуловой указатель	—	73,77	71,31	74,60	68,18	75,38	83,62	71,96 /4/	—	—	—
45:8	Поперечный краниофациальный указатель	—	93,13	91,73	95,45	93,62	92,20	84,67	93,48 /4/	—	—	—
40	Длина основания лица	—	96	8?	—	88?	95	83,5	90,3 /3/	100,9	89—110	49
40:5	Указатель выступания лица	—	98,97	95,60	—	90,72	95,96	94,89	95,09 /3/	95,4	89,8—102,8	49

48	Верхняя высота лица	—	68	73	70	64?	70	56?	68,75 /4/	74,2	67—81	55
48:45	Верхне-лицевой указатель	—	55,74	59,84	55,56	48,48	53,85	48,28	54,90 /4/	55,1	47,0—60,6	54
48:17	Вертикальный кранио-фациальный указатель	—	48,57	57,03	—	51,61	50,36	44,09	52,4 /3/	53,6	48,3—61,5	52
47	Полная высота лица	—	110	—	—	—	113	—	110 /1/	123,4	110—132	9
47:45	Лицевой полный указатель	—	90,16	—	—	—	86,92	—	90,16 /1/	93	81,5—98,5	9
43	Верхняя ширина лица	—	101	—	102	99	102	97	100,6 /3/	108,8	101—120	55
46	Средняя ширина лица	—	90,5	85	94	95	99,5	—	91,12 /4/	97,2	88—108	52
48:46	Лицевой вертикальный указатель	—	75,14	—	74,47	67,37	70,35	—	72,32 /3/	—	—	—
	Глубина клыковых ямок;											
	левая	—	3,3	5,0	4,1	4,0	3,9	—	4,1 /4/	4,9	1,2—8,3	55
	правая	—	3,5	6,0	4,2	6,5	5,3	—	5,05 /4/	—	—	—
	Зигомаксиллярная хорда	—	90,0	84,5	95,6	95,7	100,0	—	91,45 /4/	—	90,8—108	50
	Высота субспинале над з/м	—	22,9	24,4	23,5	20,4	24,3	—	22,8 /4/	—	20—31	50
	Зигомаксиллярный указатель	—	25,44	28,87	24,58	21,31	24,3	—	25,05 /4/	—	—	—
	Зигомаксиллярный угол	—	126,1	119,9	127,6	133,9	128,2	—	126,87 /4/	125,5	116,6—135,4	50
62	Длина нёба	—	48	46	44,5	42	44	—	42,12 /4/	—	—	—
63	Ширина нёба	—	41	38?	41,	38?	41	35	39,5 /4/	—	—	—
63:62	Нёбный указатель	—	85,42	82,61	92,14	90,48	93,18	—	87,66 /4/	—	—	—
55	Высота носа	—	49	50	49	47	47	43,5	48,75 /4/	53,8	49—58	55
54	Ширина носа	—	22,5	23	27,5	26,5	28,5	20	24,87 /4/	25,5	20,4—30,0	55
54:55	Носовой указатель	—	45,92	46,00	56,12	56,38	60,64	45,95	51,1 /4/	47,5	37,8—58,0	55
DC	Дакриальная хорда	—	22,0	20,0?	23	20	26	22	21,25 /4/	22,27	16,5—27,9	44
DS	Дакриальная высота											
DS:	Дакриальный указатель	—	13,2	10,5	9,2	14,1	13,2	11,6	11,75 /4/	13,53	9,1—19,0	49
:DC		—	60,0	52,5	40,0	70,5	50,7	52,72	55,75 /4/	61,3	39,7—97,4	49
SC	Симотическая хорда	—	10,0	6,0	10,0	9,0	13,0	9,0	8,75 /4/	10,06	7,2—14,5	52
SS	Симотическая высота	—	4,4	4,0	3,0	7,1	4,0	2,0	4,62 /4/	5,24	2,7—7,2	51
SS:	Симотический указатель	—	44,0	66,66	30,0	78,88	30,77	22,22	54,88 /4/	51,4	24,3—76,9	51
:SC												
51	Ширина орбиты от mf	—	39	41	42	40	39	—	40,5 /4/	43,5	39,0—47,7	56

Продолжение таблицы

Признаки	№ черепов. Пол, возраст	4 м зрелый	1 м? возму- жалый	7 м? возму- жалый	2 м возму- жало- зрелый	3 м стар- ческий	5 ж возму- жалый	6 детский	— м муж.	Байрамалийский могильник		
										— м муж	min-max	№
51a Ширина орбиты от <i>d</i>		—	37	38	39	38	38	—	38 /4/	41,1	34,6—46,1	53
52 Высота орбиты		—	35	33	32	31	35	—	32,75 /4/	32,9	28,5—37,0	56
52:51 Орбитный указатель I		—	89,74	80,49	76,19	77,50	89,74	—	80,99 /4/	75,4	66,6—93,7	56
52:51a Орбитный указатель II		—	94,59	86,84	82,65	81,58	92,11	—	82,26 /4/	79,8	70,3—98,4	53
50 Межглазничная ширина		—	22,6	17,3	21,5	18,25	21,75	22,0	19,91 /4/	—	—	—
Высота над м/ф хордой		—	8,9	7,4	7,2	13,1	9,0	5,5	9,15 /4/	—	—	—
Биорбитальная хорда		—	94,25	92,5	97,0	91,75	96,0	88,6	93,87 /4/	—	—	—
Высота назиона над б/о хордой		—	17,7	15,0?	23,2	19,0	20,0	20,0	18,72 /4/	—	—	—
Назوماлярный указатель		—	18,78	16,21	23,91	20,78	20,83	22,57	19,92 /4/	—	—	—
Назوماлярный угол		—	138,8	144,1	128,9	134,8	134,8	131,41	136,65 /4/	136,1	126,0—154,1	54

* Скуловой диаметр взят по одной половине.

заставляет с особым вниманием отнестись к представленному краниологическому материалу.

Ниже приводится индивидуальная характеристика каждого черепа, все измерительные данные помещены в таблице. Измерительные признаки в ней и в тексте даны в миллиметрах, углы в градусах, а при описательных признаках в скобках указаны величины баллов.

Череп № 4 принадлежал мужчине зрелого возраста. Череп плохой сохранности и представлен только черепной коробкой, имеющей овоидную форму. Лоб средненаклонный с среднеразвитым надбровьем и слабо выраженными лобными

Рис. 1. Черепная крышка черепа № 4 (фас и профиль).

буграми. Наименьший диаметр лба небольшой, но лоб широкий по отношению к поперечному диаметру. Черепная коробка низкая, хамекранная по высотно-продольному указателю (табл.), с угловатым широким затылком, долихокранный по черепному указателю, при большом продольном и малом поперечном диаметрах. Череп без всяких следов деформации (рис. 1).

Череп № 1 принадлежал мужчине возмужалого возраста и европеоидного типа. Мезокранная черепная коробка отличается очень малыми размерами продольного, поперечного диаметров и ширины округлого затылка. Очень высокая черепная коробка имеет сфеноидную форму, с сильно покатым нешироким и достаточно высоким лбом, на котором отмечаются среднеразвитые надбровья (2) и слабое развитие надпереносья (2). Череп имеет искусственную кольцевую деформацию. След деформации, в виде поясного вдавления, проходит по лобной кости в области лобных бугров, особенно сильно заметен в верхнем отделе чешуи лобной кости. Сравнительно слабее след деформации выражен на теменных костях и на чешуе затылочной кости (рис. 2). По-видимому, в результате давления деформирующей повязки перед венечным швом образовался неглубокий желобок. Лицевой отдел мезогнатный, низкий, с малыми широтными диаметра-

ми, очень малым скуловым диаметром и слабо выступающими скулами. Поперечный краниофациальный указатель характеризует лицо как узкое, длинное и по верхнелицевому указателю череп относится к типу лептен (узких). Назомалярный угол и очень малый зигомаксиллярный угол свидетельствуют о сильной горизонтальной профилировке лица. Клыковые ямки среднеглубокие, измерительные данные правой — 3,5 и левой — 3,3. Узкий, сильно выступающий нос имеет большой угол — 40. Предносовая ость сильно развита (4). Нижний край грушевидного отверстия имеет антропин-

Рис. 2. Мужской череп № 1 (фас и профиль).

ную форму. Переносье среднеглубокое и высокое. Большая высота переносья, кроме визуальных наблюдений, подтверждается большими симотической и дакриальной высотами и соответствующими указателями. Приведенная характеристика черепа и общее впечатление дают основание отнести его к средиземноморскому типу.

Череп № 7 принадлежал мужчине возмужалого возраста. Антропологический тип европеоидный с долихокранным указателем при среднем продольном диаметре и малом поперечном. Черепная коробка овоидной формы с округлым нешироким затылком и с прямым, очень узким лбом. Отмечается среднее развитие надбровных дуг (2), лобных бугров (2) и надпереносья (3). Высота черепа небольшая. Ортогнатное лицо имеет среднюю высоту но по краниофациальному и верхнелицевому указателям лицевой отдел характеризуется как узкий длинный (лептен) с очень малым скуловым диаметром. Горизонтальный профиль лица, по общему впечатлению, кажется средним, но зигомаксиллярный угол (119,9) свидетельствует о сильной профилировке лица в среднем отделе, тогда как область назомалярного угла (144,1) имеет уплощенность. Клыковые ямки глубокие с измерительными данными левой — 5,0 и правой — 6,0. Узкий невысокий нос выступает сильно. Глубина и высота переносья по визуаль-

ному наблюдению кажутся средними, а дакриальный (52, 54) и симотический (66,66) указатели приближают его к высокому переносью. Профиль носа выпуклый. Нижний край грушевидного отверстия антропинной формы. В основном, по общей характеристике, череп приближается к средиземноморскому типу, а, судя по выпуклому носу, можно предполагать примесь хорасанского типа.

Череп № 2 принадлежал мужчине возмужалого возраста. Череп долихокраний, с малым продольным и поперечным

Рис. 3. Мужской череп № 2 (фас и профиль).

диаметрами, имеет кольцевую преднамеренную деформацию, которая напоминает башенную форму. Деформирующая повязка, видимо, охватывала череп широкой полосой (рис. 3), захватывая лобную, затылочную, теменную и височную кости. В результате деформации лоб стал очень высоким и сильно покатым, а сам череп — очень высоким. Черепная крышка имеет неясно выраженную пентагоноидную форму. Развитие надбровья (2) и надпереносья (3) среднее. Лобные бугры в результате перетяжки слабо развиты и почти не заметны. Лицевой отдел высокий и очень узкий по поперечному краниофациальному указателю. Верхняя высота лица средняя с малым скуловым диаметром и малыми поперечными диаметрами лица. Горизонтальная профилировка лица в области назомаллярного и зигомаксиллярного угла выражена значительно. Клыковые ямки глубокие, измерение левой — 4,1 и правой — 4,2. Носовой отдел имеет специфическое строение. Глубина переносья малая (1), высота средняя с тенден-

цией к низкой, нос слабо выступает (угол носа 21), а грушевидное отверстие широкое с ямками у нижнего края. Большой носовой указатель (56, 11) свидетельствует о платиринности носа (широконосности). Такое строение носовой области, в сочетании с сильной горизонтальной профилировкой лица, с наличием альвеолярного прогнатизма, видимо, можно связать с наличием экваториальных черт. По остальным признакам череп сходен с черепами средиземноморского типа.

Череп № 3 мужской, старческого возраста. Европеоидный по типу череп имеет мезокранный головной указатель, со

Рис. 4. Мужской череп № 3 (фас и профиль).

средним поперечным и продольным диаметрами и в отличие от предыдущего черепа не деформирован (рис. 4). Низкий череп имеет пентагоноидную форму черепной коробки с узким прямым лбом и округлым затылком средней ширины. Лоб характеризуется среднеразвитым надбровьем (2) и надпереносьем (3). Ортогнатное, по-видимому, невысокое лицо имеет среднюю скуловую ширину, малую верхнюю ширину и небольшую среднюю ширину лица. Краниофациальный указатель свидетельствует об узком и длинном лице. Профилировка лица довольно сильная в верхнем отделе (назональный угол 134, 8) и сравнительно слабее в области зигомаксиллярного угла (133,9). Нос характеризуется как сильно выступающий со среднеглубоким и очень высоким переносьем. Большая высота переносья подтверждается и измерительными данными и соответствующими указателями (табл.). В сочетании с перечисленными признаками носового отдела отмечается широкое грушевидное отверстие с антропинным нижним краем и платиринный носовой указатель (56, 38). По основным признакам череп относится к средиземноморскому типу, а большая ширина носа дает возможность предполагать незначительную примесь экваториальной расы.

Череп № 5 принадлежал женщине возмужалого возраста. Антропологический тип европеоидный, мезокранный по черепному указателю при больших продольном и поперечном диаметрах. Высота черепа очень большая, которая подтверждается высотным диаметром и высотно-продольным указателем. Высотно-поперечный указатель характеризует череп как высокий и узкий. Череп имеет кольцевую деформацию, аналогичную деформации на черепе № 2, но выраженную в меньшей степени (рис. 5). Черепная коробка имеет пентаго-

Рис. 5. Женский череп № 5 (фас и профиль).

ноидную форму. Затылок округлый, средней ширины. Лоб средненаклонный, очень высокий и широкий, имеет среднеразвитые надбровья (2) и надпереносье (3). Высокое ортогнатное лицо по поперечным диаметрам является широким и с большим скуловым диаметром. Клыковые ямки средней глубины. В общем, несмотря на большие поперечные диаметры, по краниофациальному указателю лицо характеризуется как узкое и длинное. Горизонтальная профилировка лица сильная. Платириный выступающий нос (носовой указатель 60, 64) имеет среднеглубокое и средневysокое переносье и, несмотря на средние величины дакриального и симотического указателей, визуальное переносье определяется как высокое. Носовые кости имеют слабую выпуклость. Грушевидное отверстие очень широкое, а нижний край его имеет ямки (фосса преназалис). Орбиты высокие, округлой формы. По части признаков череп можно приблизить к средиземноморскому типу, а по строению носового отдела и альвеолярному прогнатизму — к экваториальному типу.

Череп № 6 детский (инфантилис II) европеоидный, брахикранный, высокий с кольцевой деформацией, сходной с таковой на черепах взрослых, но на детском черепе, кроме горизонтальной перетяжки, возможна еще и вертикальная, которая проходила с области венечного шва к шейно-подбо-

родочной поверхности (рис. 6) и выражена сравнительно яснее. Черепная коробка пентагоноидной формы. Прямой лоб очень высокий с метопическим швом, слабо развитым надбровьем (1) и надпереносьем (2). Ортогнатный лицевой отдел хорошо профилирован. Лепторинный нос выступает сильно и имеет слегка выпуклый профиль нижней части носовых костей. Нижний край грушевидного отверстия характеризуется инфантильной формой. Лицевой отдел сходен с

Рис. 6. Детский череп № 6 (фас и профиль).

лицевыми отделами на черепах средиземноморского типа, а по наличию брахикрании и строению носового отдела можно предполагать примесь переднеазиатского типа (в арменоидном или балкано-кавказском варианте).

Суммарно мужские черепа могут быть охарактеризованы как мезокранные (75, 11) с приближением к долихокрании при средней величине продольного и малого поперечного диаметров. В среднем высотные диаметры и длина основания черепов малые. Лоб покатый, а надпереносье имеет среднюю выраженность. Ортогнатный лицевой отдел характеризуется средней высотой лица, малым скуловым диаметром и малыми средней и верхней широтами лица, а по краниофациальным указателям — как узкий и длинный. Лица сильно профилированы в горизонтальной плоскости. По орбитному указателю черепа относятся к мезоконхным, а по носовому указателю — к хамеринам или платиринам в согласовании с высоким переносьем (дакриальная и симотическая высоты и соответствующие указатели большие). В среднем носовой отдел характеризуется как сильно выступающий. По суммарной средней характеристике черепа можно отнести в основном к варианту средиземноморской расы, но индивидуальное описание черепов констатирует их неоднородность. Отмечаются черепа, сходные с средиземноморским типом, и

черепов этого же типа, но с примесью, в различной степени, экваториальных черт.

Принадлежность черепов к варианту средиземноморской расы подтверждается сравнением исследованных нами черепов с большой синхронной серией черепов из Байрам-али². Последняя в основном характеризуется закаспийским типом. Сравнимые серии близки, и индивидуальные данные кашкадарьинских черепов и средние измерительных признаков укладываются в пределах минимальных и максимальных величин байрамалийских. Следует отметить, что черепов из Кашкадарьинской области более узкие и менее высокие.

Деформированные черепы мы сравнили с недеформированными, так как считаем, что деформация в целом сохраняет антропологический тип. Первым критерием малого типологического изменения головы, под действием преднамеренной деформации, является ее распространение на долихокранных и брахикранных черепов и у различных антропологических типов.

Ряд авторов (Харузин, Левин, Гинзбург, Дунаевская и др.³) высказывался об удлинении черепа, т. е. увеличении продольного диаметра за счет кольцевой деформации. В действительности факт удлинения головы слишком мало вероятен и скорее невозможен. При деформирующей тугой повязке, которая накладывается с детского возраста, измерительные точки поперечного диаметра и обязательно одна точка продольного всегда находятся под давлением. Согласно физическим законам, чем больше кривизна поверхности, подвергающейся стягиванию, тем больше давление. Следовательно, плоскость продольного диаметра, на которую действует деформирующая система, должна уменьшаться сравнительно больше, чем плоскость поперечного диаметра. Конечно, необходимо принять во внимание упругость ткани,

² Серия взята из работы Т. А. Трофимовой «Древнее население Хорезма по данным антропологии», Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 2, М., 1959, стр. 125—127.

³ А. Харузин. Древние могилы Гурзуфа и Гугуша. Известия Императорского общества любителей естествознания, Антропология и этнография, т. IXIV, Труды антропологического отдела, т. XI, вып. 1, М., 1890; М. Г. Левин. Деформация головы у туркмен, Сб. «Советская этнография», VI—VII, АН СССР, 1947; В. В. Гинзбург и Е. В. Жиров. Антропологические материалы из Кенкольского катакомбного могильника в долине р. Талас Киргизской ССР, Сб. Музея антропологии и этнографии, т. X, 1949; В. В. Гинзбург. Раса Среднеазиатского междуречья и ее происхождение, VII международный конгресс антропологических и этнографических наук, М., Изд-во «Наука», 1964; Т. Н. Дунаевская. Влияние искусственной деформации на форму головы у туркмен, Вопросы антропологии, вып. 15, 1963.

альтернативный и обычный рост кости и многие другие элементы. Учитывая все перечисленное, можно полагать, что поперечный и, в большей степени, продольный диаметры уменьшаются. Голова, сжатая деформирующей повязкой, начинает свой рост за счет высотного диаметра, причем если нет добавочных перетяжек, то высотный диаметр увеличивается очень сильно. Если же одевают какие-либо стягивающие плотные головные уборы — специальные тибетейки, вой-

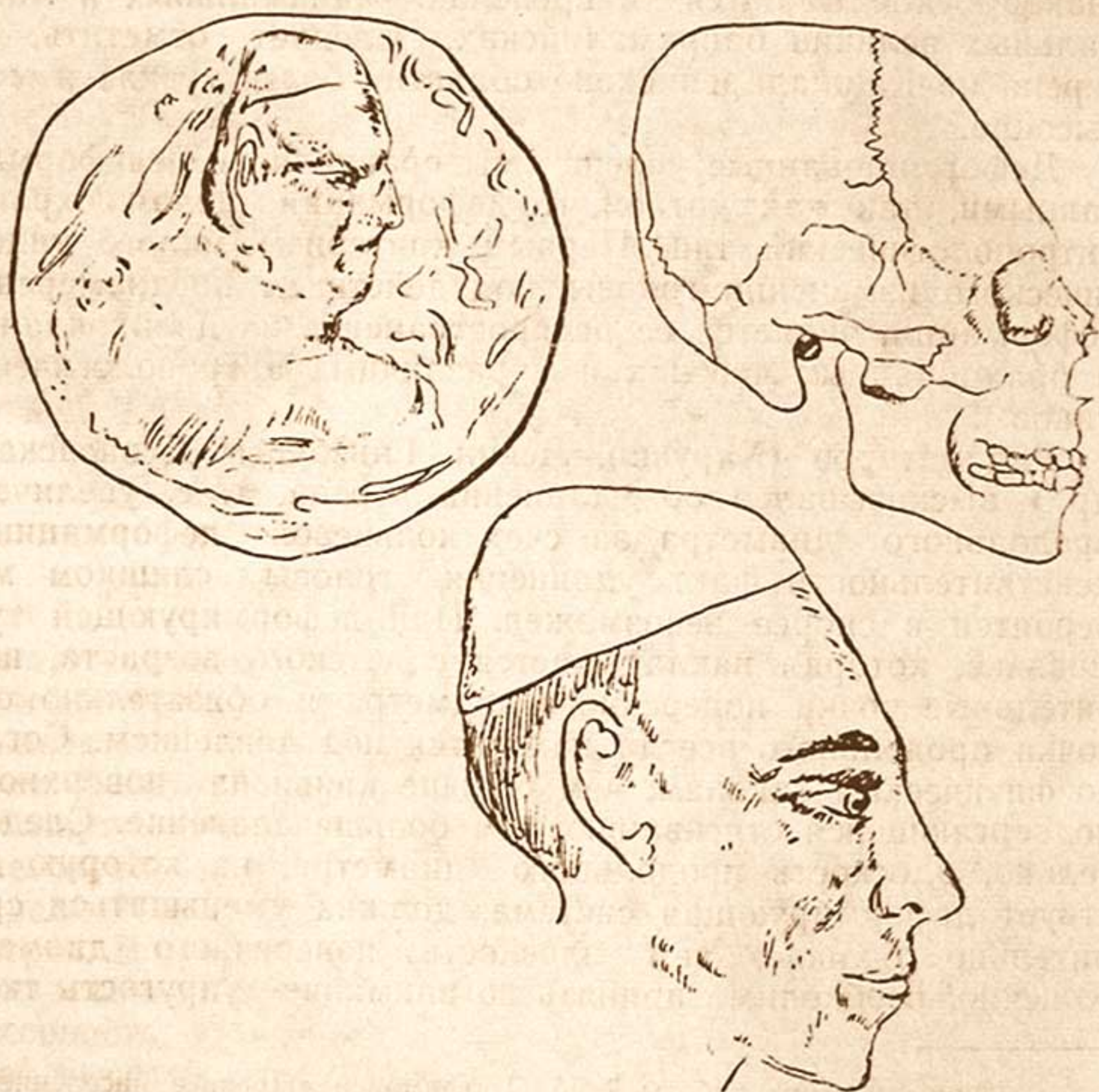

Рис. 7. Форма макроцефальной деформации на эфталитских монетах и черепах (обвод черепа № 1; графическая реконструкция антропологического типа сделана по этому черепу).

лочные шапочки удлиненной формы, тибетейки или тип шапочки, изображенной на монетах эфталитских владельцев, — то верхняя поверхность черепного свода соответственно изменит свою форму (рис. 7). Вообще форма головы зависит от того, как и в какой плоскости, на каком уровне проходит система деформирующих повязок, какова ширина перетяжек, с какой силой перетянута и т. п.

Вопрос о всякого рода деформациях головы далеко не новый и имеет длинную историю. Указания на обычай деформировать головы встречаются уже у древних авторов. Об этом упоминает ряд исследователей⁴. Не останавливаясь на истории описания искусственной деформации и на всех способах деформирования, скажем несколько слов об ареалах распространения этого обычая. Деформирование голов известно у многих народов, с давних времен и по настоящее время — в Азии, Европе, на островах Тихого океана, в Америке и в давние времена — на территории нашей страны. Р. Мартин говорит о большом количестве деформированных черепов в Америке: в захоронениях доколумбийского периода в Перу, в южных штатах США, в Северной Мексике, в долине Миссисипи, во Флориде, у островных караيبов, у колхаков, в Аргентине⁵. Среди современных народностей этот обычай распространен у индийских племен — апашей, навахов, пуэблов, макова, юма и на северо-западном побережье Америки; на островах Тихого океана: Новая Померанция, Новая Каледония, Новые Гибриды; на островах Индонезии: Целебес, Борнео и Минданао, у индусов Пенджаба в Малой Азии. Деформационные черепа известны из погребений Германии, южной Австрии, Швейцарии, Италии, Балканского п-ова, Англии и Венгрии. В Венгрии также отмечено большое количество деформированных черепов макрокефального типа. Самые значительные находки в долине Дуная (Дьер, Осень, Текель, Адонь, Сексард, Батасек, Винковцы, Панчова), а кроме того, за р. Тиссой — в Восточной Венгрии, в Дьёндьёшапати (Gyöngyösaráti)⁶. Кольцевая деформация на территории СССР встречена в Поволжье (с эпохи ранней бронзы), в Приазовских степях, на Украине, в Крыму, на Кавказе, в Средней Азии и на Алтае, в Казахстане. На территории Казахстана и Средней Азии деформированные черепа зарегистрированы: из древнего Мерва, Мешрети-тахта, Байрам-али, Куня-Уаза, Миздахкана, Калалы-Гыра, Канга-калы, Топрак-калы, Куба-Тау, Пянджикента, ст. Врев-

⁴ И. Ранке. Человек, т. I, СПб., Типолит, т-ва «Просвещение», 1909, стр. 206—211; т. II, 1901, стр. 259—263; К. З. Яцута. Об искусственно-деформированных черепах на Юго-Востоке России. Отдельный оттиск из «Известий» Донского гос. ун-та, т. 5, 1925; Р. С. Гершеневич. О деформации затылка у узбекских грудных детей, Труды Среднеазиатского гос. ун-та, т. XII, вып. 2, 1928.

⁵ Martin Rudolf. Lehrbuch der Anthropologie, Band I Iena, 1928.

⁶ I. Nemeskeri. An anthropological examination of recent macrocephalie finds Asta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae II. (1952) 1—3, Budapest, 1952; Он же. Anthropological examination of the deformed skull from Gyöngyösaráti (Hun period).

ская, Алтын-Асара, с Восточного Тянь-Шаня, Киргизии и Алайской долины⁷. Из исследованных нами деформированных черепов следует отметить краниологический материал, полученный из погребений Сурхандарьинской области, из могильника по берегу Иныльчек, и черепа, описанные в данной работе.

Широкое распространение кольцевой деформации и по времени и по ареалу (начиная с ранней бронзы и по настоящее время), наличие ее на различных антропологических типах дает полное основание не считать деформацию этническим признаком. Деформировали голову отдельные лица или какая-то часть населения. Такое заключение можно дать на основании того, что в могильниках наряду с деформированными черепами находились и не деформированные того же антропологического типа.

Учитывая наличие кольцевой деформации на монетных изображениях эфталитских правителей, можно считать, что одной из причин деформирования было стремление показать силу завоевателя, как-то выделиться из остальной массы. Другой причиной деформирования могло быть желание местного населения получить какие-то сходные или, наоборот, отличающие признаки определенного антропологического типа. Веский довод приводит проф. В. В. Бобин⁸, который считает, что при особенно сильных деформациях башенного

⁷ В. В. Гинзбург. Этногенетические связи древнего населения Волгоградского Заволжья, МИА, № 60, М., 1959; В. В. Гинзбург. Антропологические материалы из раскопок на р. Маныч, Сборник Музея антропологии и этнографии, X, 1949; В. В. Бунак. Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении, Сборник Музея антропологии и этнографии, XIV, 1953; В. Я. Зезенкова. Краниологические материалы с территории древнего и средневекового Мерва, Труды Южно-Туркменистанской археологической экспедиции, т. IX, Ашхабад, Изд-во АН ТуркмССР, 1959; Т. П. Кияткина. Краниологические материалы из катакомбных захоронений античного времени в Южной Туркмении, Научные труды Ташкентского гос. ун-та, Новая серия, вып. 235, Исторические науки, кн. 49, Ташкент, 1964; Т. А. Трофимова. Черепа из оссуария некрополя возле Байрам-али, Черепа из оссуарного некрополя Калалы-Гыр. 1. Черепа из Канг-Калы. Черепа из Куба-Тау, Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 2, М., 1959; В. В. Гинзбург. Материалы к краниологии Согда, в сб. «Материалы и исследования по археологии СССР», вып. 37, 1953, и др.; В. Я. Зезенкова. Некоторые данные о скелете из погребальных курганов возле станции Вревская, Труды Музея истории народов Узбекистана, вып. 1, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1951, и др.; Т. К. Ходжайов. О преднамеренной деформации головы у народов Средней Азии в древности, Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР, № 4 (26), Нукус, 1966.

⁸ В. В. Бобин. Искусственно деформированные черепа, найденные при раскопках в Крыму, Труды кафедры нормальной анатомии и гистологии с эмбриологией, Крымский гос. медицинский институт, Симферополь, 1957, стр. 45.

типа, основательно изменяющих форму головы, могли возникать эпилептоидные припадки, судороги, видения, галлюцинации. Подобные явления могли использовать в целях религиозного воздействия.

Сравнивая тип кольцевой деформации и антропологический тип черепов и голов эфталитских правителей, изображенных на монетах, можно констатировать большое сходство. Тип деформации на черепах повторяет форму деформации головы Михиракулы — правителя Северной Индии (рис. 7). Расовый тип на известных монетных изображениях эфталитских правителей и на исследованных нами черепах, безусловно, относится к европеоидам, а именно, к восточному варианту средиземноморской расы. Сходство типа деформации и факт нахождения черепов на территории, где правила династия эфталитских владетелей (территория Нахшеба⁹), дает основание считать изученные черепа Кашкадарьинской области эфталитскими.

Антропологический тип черепов и наличие примеси экваториального типа подтверждают предположение Л. Н. Гумилева о приходе эфталитов в Согдиану с юга¹⁰.

Таким образом, краниологический материал Кашкадарьинской области подтверждает исторические данные о том, что эфталиты, которых ряд исследователей связывает с белыми гуннами, европеоидны по типу и отличаются от других гуннских племен.

Судя по ископаемому краниологическому материалу Узбекистана, относящемуся в основном к древнему средиземноморскому типу, пришедшие эфталитские племена мало могли изменить антропологический тип населения, так как были сходны с ним, имели длительную взаимосвязь. В процессе формирования и местное население и эфталитское включило в свой состав сходный антропологический пласт.

Древний средиземноморский тип стойко сохраняется в отдельных местах, переживая смену культур и смену государственных образований. В качестве примера можно указать на могильники андроновской культуры в Самаркандской области Узбекистана (Ургутский район, сел. Муминобад) и могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак 1 в Западном Казахстане. Черепа этих могильников относятся не к андроновскому антропологическому типу, а к древнему варианту сре-

⁹ С. К. Кабанов. Археологические данные по истории Нахшеба в III—V веках, Вестник древней истории, № 2, М., 1965, стр. 163, 173; Он же. Нахшебские монеты V—VI вв., Вестник древней истории, М., 1961, № 1.

¹⁰ Л. Н. Гумилев. Эфталиты и их соседи в IV в., Вестник древней истории, 1959, 1(67), стр. 135—136; Он же. Эфталиты — горцы или степняки?, Вестник древней истории, 1967, № 3, стр. 91.

диземноморского типа. По-видимому, население андроновской культуры какой-то части Казахстана и Узбекистана формировалось на базе местного, древнего средиземноморского по типу населения при участии других антропологических типов. Краниологический материал сакского времени свидетельствует о большом передвижении народов и смешении антропологических типов населения. При констатируемой неоднородности антропологического состава и в это время древний автохтонный тип сыграл определенную роль в этногенетическом процессе. В зависимости от влияния тех или иных факторов местное население в отдельных случаях доминировало, в других приобретало большую смешанность и вариабельность типов. Местное население приняло участие и в формировании эфталитов.

В процессе взаимодействия тех или иных племен с аборигенами складывались новые общественные отношения, формировались материальная культура и антропологический облик населения.

Х. МУХАМЕДОВ

НОВЫЕ УЧАСТКИ КАНПИР-ДЕВОРА ДРЕВНЕГО СОГДА

Остатки Канпир-деворов древнего Согда и Уструшаны, обследованные нами еще в 1957—1959 гг., позволили установить, что стены Канпир-деворов древнего Согда и Уструшаны соединяются между собой и составляют единую оборонительную систему, защищавшую не только отдельные земледельческие оазисы, но и целую страну. В дальнейшем мы составили схемы расположения Канпир-деворов вокруг древних оазисов Согда и Уструшаны¹.

В 1969 г. во время полевых археологических работ по изучению остатков линии Канпир-девора древнего Согда в Булунгурском районе Самаркандской области местное население сообщило нам о сохранившихся возле сел. Караташ остатках линии Канпир-девора, простирающейся с гор в сторону канала Туятартар. Осенью 1962 г. археологический отряд во главе с академиком АН УзССР Я. Г. Гулямовым в процессе полевых археологических работ по исследованию канала Туятартар «обнаружил и проследил остатки

¹ Х. Мухамедов. Узбекистон воҳалари атрофидаги қадимий мудофаа деворлари тарихидан. Қадимги Бухоро воҳасининг «Канпирак девори». Тарихий-археологик материаллар бўйича. Тарих фанлари кандидати илмий даражаси учун тақдим этилган диссертация, Тошкент, 1961; Х. Мухамедов. Из истории древних оборонительных стен вокруг оазисов Узбекистана. «Стена Канпирак» Древнебухарского оазиса. По историко-археологическим материалам, Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук, Ташкент, 1961, 38 стр.; Х. Мухамедов. Қадимий мудофаа деворлари, УзССР ФА нашриёти, Тошкент, 1961, 103 бет; Х. Мухамедов. Узбекистоннинг қадимги деҳқончилик воҳалари тарихидан, Тошкент, УзКПМК бирлашган нашриёти, 1964, 52-бет; Х. Мухамедов. Из истории древних оборонительных сооружений в Узбекистане, Научные труды и сообщения, кн. 2, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1961; Х. Мухамедов. Қадимги Суғд воҳасини мудофаа қилиш тарихидан, Тарих ва география ўқитувчиларига ёрдам, Совет мактаби, Тошкент, 1959, № 5.

древней стены «Канпирак», охватывавшей с юга оазисы нынешних Каракишлакского и частично Булунгурского районов»².

Однако вопрос о связи этой стены с Согдо-Джизакским Канпир-девором до последнего времени оставался неясным. Необходимо было продолжить поиски остатков этой стены и на левобережной части территории канала Туятартар и выяснить вопрос о соединении ее с Согдо-Джизакским Канпир-девором. В этих целях летом 1967 г. мы исследовали оба берега канала Туятартар.

На правобережной части нам легко удалось обнаружить и обследовать остатки стены, идущей с гор до правого берега канала.

В 1968 г. в результате новых поисков мы обнаружили остатки стены Канпир-девора на левобережной территории Туятартара. Теперь с точностью установлено следующее: Канпир-девор начинается с гор в местности Келташ от развалин крепости Кургантепе. В западном—северо-западном (285—290°) направлении стена проходит по территории сел. Таран 3-го отделения совхоза «Россия» Булунгурского района, далее, до самого правого берега Туятартара идет по полям, засеянным пшеницей и ячменем. Ныне вдоль стены проходит дорога. В 3 км к югу от сел. Сассик-куль стена упирается в правый берег Туятартара. По рассказам местных жителей здесь также было тепе (развалины крепости), снесенное при земляных работах. На противоположном берегу Туятартара Канпир-девор продолжается в направлении с востока на запад, огораживая с северной стороны сел. Тайпак-сай, расположенное на территории совхоза им. XXIII партсъезда; с востока: на расстоянии 1 км — сел. Лойка; на расстоянии 1,5 км — мазар и сел. Гиштли-Бува. На расстоянии 800 м к востоку от Гиштли-Бува в направлении с юга на север протекает Чет-Арык; а на расстоянии 200 м к востоку от него в направлении с юга на север проходит Канпир-девор.

В 1 км к северу от Гиштли-Бува расположено сел. Калтепе, где раньше находилось одноименное тепе (остатки древней крепости, связанной со стеною), ныне разрушенное. Отсюда Канпир-девор проходил в направлении с юга на север, минуя сел. Калтепе с востока. Эта местность относится ко II виноградарскому совхозу Булунгур. Дальше с севера Канпир-девор огораживает сел. Бедана, проходя в направлении с востока на запад, и сел. Пахти-Боши, расположенное

² А. Мухамеджанов. Новые открытия Махандарьинского археологического отряда, *Общественные науки в Узбекистане*, 1962, № 11, стр. 76.

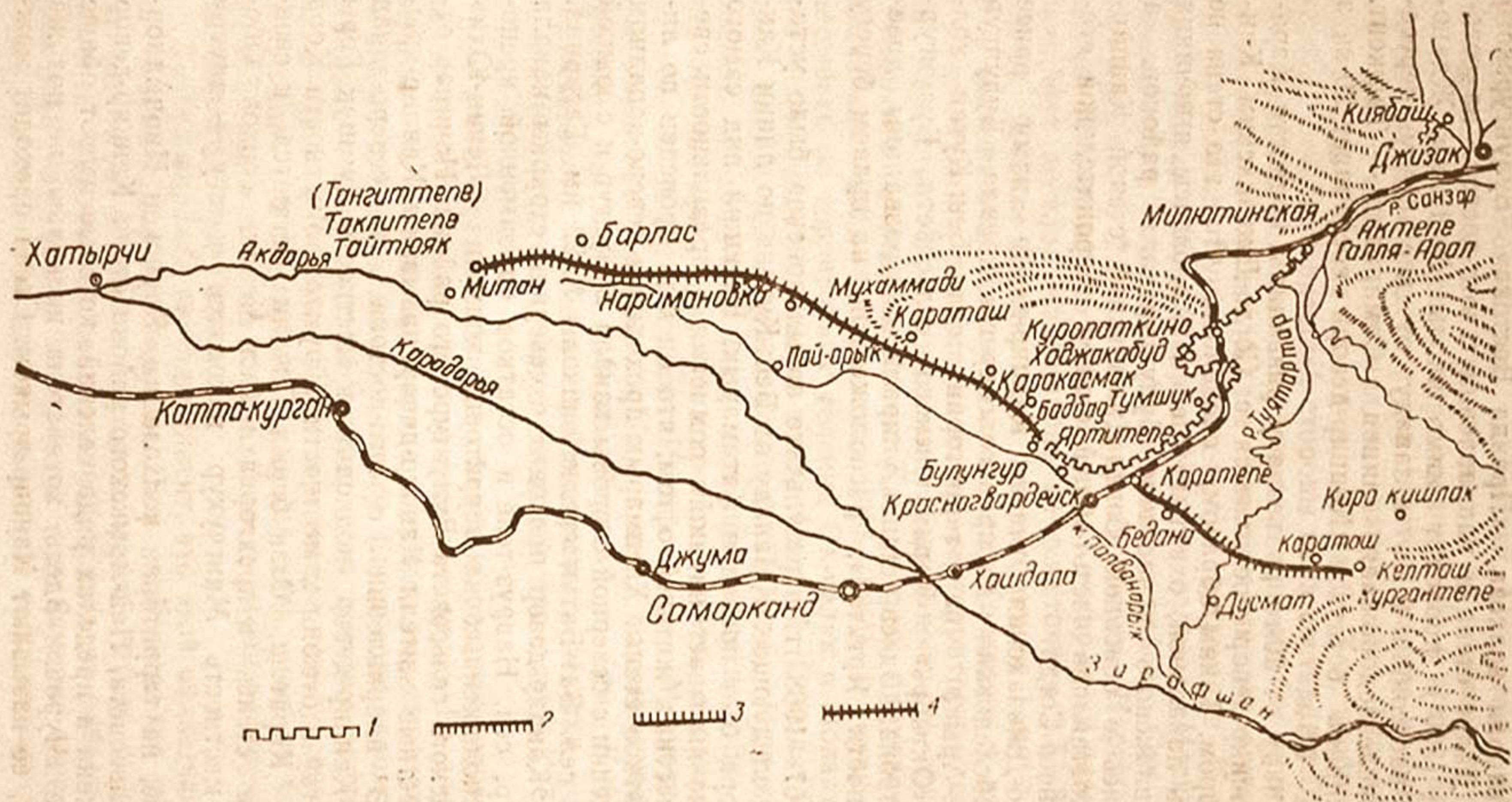

Рис. 1. Схема Канпир-дегора древнего Согда:

1—часть остатков Канпир-дегора древнего Согда, обследованных Х. Мухамедовым в 1957—1959 гг.; 2—часть остатков Канпир-дегора на правобережье Туятартара, обследованных акад. АН УзССР Я. Г. Гулямовым в 1962 г. и Х. Мухамедовым в 1967 г.; 3—часть остатков Канпир-дегора на левобережье Туятартара, обследованных Х. Мухамедовым в 1968 г. Эта стена соединяется с Согдо-Джизакским Канпир-дегором; 4—часть остатков Канпир-дегора древнего Согда, обследованных Х. Мухамедовым в 1967—1968 гг.

на территории колхоза «Правда Востока» Булунгурского района. Далее стена в направлении с юго-востока на северо-запад (300°) проходит мимо школы № 17 им. Жданова и на расстоянии 2 км к западу от нее стену пересекает железнодорожная линия Самарканд — Ташкент. Здесь ширина остатков Канпир-девора составляет 20 м, а высота 2—2,5 м.

К западу от 20-го разъезда у развалины крепости Каратепе Канпир-девор соединяется с Согдо-Джизакским Канпир-девором. Таким образом, оказалось, что эта стена не являлась локальной, охватывавшей с юга оазисы нынешних Каракишлакского и частично Булунгурского районов, а соединяясь с основной Согдо-Джизакской стеной Канпир-девор, составляла часть общей единой оборонительной стены древнего Согда.

Согдо-Джизакская стена Канпир-девор нами ранее была обследована до правого берега канала Булунгур (Палван-Арыка) на территории сел. Беш-Кутан колхоза «Октябрь» Карамуюнского сельсовета Булунгурского района. Здесь стена упиралась в развалины древней крепости Яртитепа, расположенной на правом берегу канала.

В 1967—1968 гг. в результате новых поисков было установлено следующее. К западу от Беш-Кутана по линии Канпир-девора был проведен Хатамарык. Внешний вид самого арыка не вызывает никакого сомнения в правильности сведений местных жителей о том, что он был проведен по линии остатков стены. Хатамарык проходит в северо-западном направлении с северной стороны канала Булунгур и с южной стороны сел. Бат-Бат и средней школы № 22 им. Гагарина. Дальше Канпир-девор проходит с северной стороны канала Булунгур, сел. Навруз-тепе и остатков одноименной крепости, расположенных на территории колхоза «Ленин-Юли» Кунградского сельсовета Булунгурского района. Начиная отсюда местные жители Канпир-девор называют Канпир-арыком. В направлении с юго-востока на северо-запад (300°) Канпир-девор подходит к местности Тумшук Горы Габдун-тау и отсюда к местности Турумтай. Местности Кора Касмок, Коратош, Огзи берк, Олчали остаются к северу — вне стены, в предгорьях. Сел. Челак, совхоз Оболим и местность Мингчукур находятся к югу — внутри стены.

Далее, на территории колхоза им. Крупской Наримановского сельсовета, Пай-Арыкского района стена Канпир-девор обнаружена в пределах ряда селений, которые имеют общее название «Чурош». Здесь, хотя стена несколько не похожа на арык, ее называют Канпир-арыком. Стена проходит меж-

ду селениями Бош-Чурош и Купаки. При этом сел. Бош-Чурош расположено на расстоянии 1 км к северу вне стены, а сел. Купаки остается на расстоянии 400 м к югу от линии стены, внутри ее. Здесь стена тянется сначала в юго-западном (225°), а затем в западном направлении. Ширина вала Канпир-арыка равна 12—14 м, высота 2—3 м, глубина ямы-арыка с северной внешней стороны вала составляет 0,5—1 м. По-видимому, эта яма образовалась при взятии глины для строительства стены. Далее Канпир-арык огораживает с севера селения Тугма (Казах-аул), Мухаммади (Этак Чурош), Жагал Бойли, Бахрин Туркман колхоза «Москва» Наримановского сельсовета Пайарыкского района. Сел. Бахрин расположено в 2,5 км к северу от поселка Нариманова — центра Пайарыкского района, т. е. Канпир-арык здесь огораживает поселок Нариманова на расстоянии 2,5—3 км с севера. Дальше Канпир-арык на расстоянии 1 км с севера огораживает сел. Камар колхоза им. Калинина и проходит в направлении с востока на запад по территориям колхозов им. Калинина и «Ленинизм» Наримановского сельсовета Пайарыкского района. Затем Канпир-арык проходит в направлении запад—северо-запад ($285\text{—}300^\circ$) по краю возвышенности по территориям селений Ок-челак и Новали, а далее огораживает с севера мазар Чагатой. Отсюда Канпир-арык идет в сел. Барлас колхоза «Правда» Иштиханского района, проходит в 3 км севернее Митана. За Барласом Канпир-арык идет в мазар Полвон-Ата, а далее в сел. Алдарас и Чакар колхозов «Иттифок» и «Мехнати-Рохат» Иштиханского района. На краю возвышенности на границе колхозов «Мехнат-Рохат» и им. Куйбышева Иштиханского района расположены остатки древней крепости Тангиттепе, мимо которой проходят Киёмат-сай и дорога.

Согласно местной легенде, областью, расположенной вдоль линии Канпир-арыка, правила царица-старуха. Ее дочь была замужем за богатырем. Царица поручила ему выкопать большой длинный арык за одну таньгу. Ежедневно утром царица отдавала таньгу зятю-богатырю, а он вечером отдавал ее жене — дочери старухи. Дочь передавала таньгу своей матери-царице. Так повторялось каждый день, пока не было завершено строительство канала. В честь царицы-старухи канал был назван Канпир-арыком.

Другой вариант легенды гласит, что этой областью правила жестокая царица-старуха. Она мобилизовала народ на строительство большого длинного арыка. Работа была очень тяжелой. Строителей она не освобождала от работы до тех пор, пока не вырастут их сыновья и не заменят своих отцов. Когда строительство канала дошло до вышеназванного Тан-

гиттепе, народ восстал, убил царицу и прекратил строительные работы, считая, что уже настал день страшного суда — «Киёмат». Протекавшему саю дали название «Киёмат-сай»; по его сухому руслу ныне проходит дорога. Здесь Канпир-арык проходит по краю возвышенности до Тангиттепе, которое, по словам жителей, является конечным пунктом строительства Канпир-арыка. Среди местного населения есть и другие сведения о том, что Канпир-арык продолжается и далее от Тангиттепе, доходя до пределов Бухарского оазиса.

Выяснение вопроса о соединении Канпир-дегора древнего Согда со стеною «Канпирак» Древнебухарского оазиса — дело будущих полевых исследований.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АС — Археологический сборник, Изд-во Государственного Эрмитажа
БАН — Вестник Академии наук
ВДИ — Вестник древней истории
ИАН — Известия Академии наук
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР
МАС — Монгольский археологический сборник.
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МИА — Материалы и исследования по археологии
МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции
МЭ — Материалы по этнографии
ОНУ — Общественные науки в Узбекистане
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СЭ — Советская этнография
ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.

СОДЕРЖАНИЕ

Я. Г. Гулямов. Некоторые итоги археологических работ в Узбекистане в 1967—1968 гг.	3
Н. Ташкенбаев. О некоторых проблемах палеолита (Кухисимская стоянка)	11
М. Р. Касымов. Результаты археологических работ в долине реки Сох в 1966—1967 гг.	16
У. И. Исламов. Мезолитические памятники Ферганской долины	21
Т. Мирсаатов. Изучение техники изготовления и функций учтутских орудий	29
Дуке Хуан. К вопросу о хозяйстве и общественных отношениях племен эпохи поздней бронзы	40
Дж. Кабиров. Наскальные изображения Сармышсая	50
О. В. Обельченко. Агалыксайские курганы	56
С. К. Кабанов. Айтугды-тепе	73
М. Н. Федоров. К вопросу о покупательной способности дирхема и динара в Средней Азии и сопредельных странах (IX—XII вв.)	89
Ю. Ф. Буряков. Археологические материалы по истории Намудлыга	98
А. Р. Мухамеджанов. Даргомская плотина и крепость в Раватходже	108
В. Я. Зезенкова. Краниологический материал из Кашкадарьинской области	115
Х. Мухамедов. Новые участки Канпир-девора древнего Согда	131
Список сокращений	137

*Утверждено к печати
Ученым советом Института истории и археологии,
Отделением истории, языкознания и литературоведения
АН УзССР*

**История
материальной культуры
Узбекистана**

Выпуск

Редакторы *С. А. Беликова, А. Н. Неволина*
Технический редактор *Х. У. Карабаева*
Корректор *Л. Гурьянова*

Р08275. Сдано в набор 30/IX-1972 г. Подписано к печати 24/II-72 г. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Бумага типогр. № 2. Бум. л. 4,38. Печ. л. 8,75. Уч.—изд. л. 8,3. Изд. № 1024.
Тираж 1000. Цена 93 к.

Типография Издательства „Фан“ УзССР, г. Ташкент, ул. Черданцева, 21. Заказ 18.
Адрес Издательства: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.

История материальной культуры Узбекистана. (Сборник статей. Отв. ред. канд. истор. наук А. Аскарлов). Т., «Фан», 1972.
(АН УзССР. Ин-т археологии).
Вып. 9. 1972. 137 с. с ил.

902.6+9(M)03(C52)+9(M)1(C52)

Цена 93 коп.

"ФАН"